

**УИЛЬЯМ
ШЕКСПИР**

СОНЕТЫ

Уильям Шекспир

Сонеты

Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28748062

Сонеты: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-982744-3

Аннотация

Сонеты Шекспира – высочайший из эталонов «высокой поэзии». Историки литературы вот уже несколько веков спорят о них, пытаясь разрешить загадку таинственной «смуглой леди» и юного друга великого поэта, которым они посвящены. О возможной истории создания сонетов написано множество книг, научных и художественных, и снято несколько фильмов. Ну а обычные читатели просто наслаждаются красотой языка Шекспира и страстью его вдохновения, превратившими это собрание сонетов в самый гениальный поэтический цикл в истории мировой литературы. Данный сборник позволит вам прочитать сонеты Шекспира как в оригинале, так и в разных переводах на русский язык.

Содержание

Сонет I	11
Сонет II	14
Сонет III	17
Сонет IV	20
Сонет V	23
Сонет VI	26
Сонет VII	29
Сонет VIII	32
Сонет IX	35
Сонет X	38
Сонет XI	41
Сонет XII	44
Сонет XIII	47
Сонет XIV	50
Сонет XV	52
Сонет XVI	54
Сонет XVII	57
Сонет XVIII	60
Сонет XIX	63
Сонет XX	66
Сонет XXI	69
Сонет XXII	72
Сонет XXIII	75

Сонет XXIV	78
Сонет XXV	80
Сонет XXVI	82
Сонет XXVII	84
Сонет XXVIII	86
Сонет XXIX	88
Сонет XXX	90
Сонет XXXI	93
Сонет XXXII	96
Сонет XXXIII	99
Сонет XXXIV	102
Сонет XXXV	104
Сонет XXXVI	107
Сонет XXXVII	109
Сонет XXXVIII	111
Сонет XXXIX	113
Сонет XL	115
Сонет XLI	117
Сонет XLII	120
Сонет XLIII	123
Сонет XLIV	125
Сонет XLV	127
Сонет XLVI	129
Сонет XLVII	131
Сонет XLVIII	134
Сонет XLIX	137

Сонет L	140
Сонет LI	143
Сонет LII	146
Сонет LIII	149
Сонет LIV	151
Сонет LV	153
Сонет LVI	156
Сонет LVII	158
Сонет LVIII	161
Сонет LIX	164
Сонет LX	167
Сонет LXI	170
Сонет LXII	173
Сонет LXIII	175
Сонет LXIV	177
Сонет LXV	180
Сонет LXVI	183
Сонет LXVII	186
Сонет LXVIII	188
Сонет LXIX	190
Сонет LXX	192
Сонет LXXI	194
Сонет LXXII	197
Сонет LXXIII	200
Сонет LXXIV	202
Сонет LXXV	205

Сонет LXXVI	208
Сонет LXXVII	211
Сонет LXXVIII	214
Сонет LXXIX	217
Сонет LXXX	220
Сонет LXXXI	223
Сонет LXXXII	226
Сонет LXXXIII	229
Сонет LXXXIV	232
Сонет LXXXV	235
Сонет LXXXVI	237
Сонет LXXXVII	239
Сонет LXXXVIII	241
Сонет LXXXIX	243
Сонет XC	245
Сонет XCI	247
Сонет XCII	249
Сонет XCIII	251
Сонет XCIV	253
Сонет XCV	256
Сонет XCVI	258
Сонет XCVII	260
Сонет XCVIII	262
Сонет XCIX	265
Сонет C	268
Сонет CI	271

Сонет CII	274
Сонет CIII	277
Сонет CIV	280
Сонет CV	283
Сонет CVI	286
Сонет CVII	289
Сонет CVIII	292
Сонет CIX	295
Сонет CX	298
Сонет CXI	301
Сонет CXII	304
Сонет CXIII	307
Сонет CXIV	310
Сонет CXV	313
Сонет CXVI	316
Сонет CXVII	318
Сонет CXVIII	321
Сонет CXIX	324
Сонет CXX	327
Сонет CXXI	330
Сонет CXXII	332
Сонет CXXIII	334
Сонет CXXIV	336
Сонет CXXV	338
Сонет CXXVI	340
Сонет CXXVII	342

Сонет CXXVIII	344
Сонет CXXIX	346
Сонет CXXX	348
Сонет CXXXI	351
Сонет CXXXII	353
Сонет CXXXIII	356
Сонет CXXXIV	358
Сонет CXXXV	360
Сонет CXXXVI	362
Сонет CXXXVII	364
Сонет CXXXVIII	366
Сонет CXXXIX	368
Сонет CXL	371
Сонет CXLI	373
Сонет CXLII	376
Сонет CXLIII	378
Сонет CXLIV	380
Сонет CXLV	382
Сонет CXLVI	384
Сонет CXLVII	386
Сонет CXLVIII	388
Сонет CXLIX	390
Сонет CL	392
Сонет CLI	394
Сонет CLII	396
Сонет CLIII	398

Уильям Шекспир

Сонеты

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Сонет I

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the riper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding.
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

От избранных существ потомства мы желаем,
Чтоб роза красоты цвела из рода в род,
Чтоб старому, когда к земле он пригнетаем,
На смену возникал такой же юный всход.
А ты, в себя лишь взор блестящий устремляя,
Его огонь живишь из недр своих же благ,
И, где обилие, там голод порождая,
Нещаден к прелести своей, как лютый враг.
Ты, мира лучший цвет и вестник несравненный

Ликующей весны, – хоронишь от людей
В сомкнутой завязи свой жребий драгоценный
И разоряешься от скупости своей.
Не объедай же мир чрез меру и чрез силу,
Чтоб все его добро не унести в могилу.

Перевод В.С. Лихачева

Потомства от существ прекрасных все хотят,
Чтоб в мире красота цвела – не умирала:
Пусть зрелая краса от времени увяла –
Ее ростки о ней нам память сохранят.
Но ты, чей гордый взор никто не привлекает,
А светлый пламень сам свой пыл в себе питает,
Там голод сея, где избыток должен быть –
Ты сам свой злейший враг, готовый все сгубить.
Ты, лучший из людей, природы украшеньё,
И вестник молодой пленительной весны,
Замкнувшись, сам в себе хоронишь счастья сны.
И сеешь вокруг себя одно опустошеньё.
Ты пожалей хоть мир – упасть ему не дай
И, как земля, даров его не пожирай.

Перевод Н.В. Гербеля

Мы красоте желаем размноженья,
Нам хочется, чтоб цвет ее не вял, –
Чтоб зрелый плод, – как все, добыча тленья –
Нам нежного наследника давал.

А ты, плененный сам собой, питаю
Твой юный пыл своим топливом, сам
Творя бесплодь вместо урожая,
Сам враг себе, жесток к своим дарам.
Ты ныне миру вешних дней отрада,
Один глашатай прелестей весны,
В зачатке губишь цвет твоей улады,
Скупец и мот небесной красоты.
 Так пожалей же мир, иначе плод
 Твоей красы с тобою гроб пожрет.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет II

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gaz'd on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held:
Then being ask'd where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say, within thine own deep-sunken eyes,
Were an all-eating shame and thriftless praise.
How much more praise deserv'd thy beauty's use,
If thou couldst answer 'This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse,'
Proving his beauty by succession thine!

 This were to be new made when thou art old,
 And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

Когда глубокие следы сорокалетия
Цветущий дол твоей красы избороздят
И нищенский покров из жалкого веретя
Заменил юности блистательный наряд,
Тогда-то на вопрос: что сделал ты с красою?
Где все сокровища беспечно-добрых дней? –
Постыдной было бы, нелепой похвальбою
Ответить: все они во впадинах очей.
Не большею ли ты себя покрыл бы славой,

Когда б ответить мог: «Прекрасное дитя,
Мой долг вам уплатив, мне даст на старость
право», –

Кто возразил бы, вновь твой образ обрета?
Вот от чего твое воспрянуло бы тело;
Вот что остывшую бы кровь твою согрело.

Перевод В.С. Лихачева

Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят,
Изрыв твою красу, как ниву плуг нещадный,
И юности твоей убор, такой нарядный,
В одежду ветхую бедняги превратят, –
Тогда на тот вопрос, с которым обратятся:
«Скажи, где красота, где молодость твоя?» –
Ужель ответишь ты, вину свою тая,
Что в мраке впалых глаз твоих они таятся?
А как бы ты расцвел, когда б им не шутя
Ответить вправе был спокойно и с сознанием:
«Вот это мной на свет рожденное дитя
Сведет мой счет и мне послужит оправданьем».
Узнал бы ты тогда на старости любовь,
Способную согреть остывшую кровь.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда твой лик осадят сорок зим,
Изрыв красу твоей роскошной нивы,
То блеск его, теперь неотразим,

Представится тогда мрачней крапивы.
И на вопрос, где красота былая,
Сокровище твоих весенних дней,
Не прозвучит ли как насмешка злая
Ответ: «В глуби ввалившихся очей»?
Насколько ж будет лучше примененье
Твоих даров, когда ответишь: «Вот
Мой сын, в нем старости моей прощенье»...
И снова лик твой миру зацветет.
 Так, стариком, ты станешь юным вновь,
 Когда в другом твоя зардеет кровь.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет III

Look in thy glass, and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime:
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
 But if thou live, remember'd not to be,
 Die single, and thine image dies with thee.

Ты видишь в зеркале свое изображение?
Скажи ему: пора подобное создать;
Иначе у земли ты совершишь хищенье,
У юной матери отнимешь благодать.
Где та красавица, чья девственная нива
Такого пахаря отвергла бы, как ты?
Найдется ли глупец, чтоб скрыть себялюбиво
Во мраке гробовом наследье красоты?
Для матери твоей ты зеркало такое ж,

Она в тебе апрель свой дивный узнает:
Сквозь стекла старости в родных чертах откроешь
Ты также золотой звезды своей восход.
Но, если хочешь ты посмертного забвенья,
То умирай тогда один – без отраженья.

Перевод В.С. Лихачева

Подумай, в зеркале увидев образ свой,
Что должен он в другом создании возродиться;
А если нет, то мир обманут был тобой
И счастья мать одна через тебя лишится.
Кто б пренебречь дерзнул любовью твоей
Из дев, как ни была б собой она прекрасна,
И грудь могла ль ее так сделаться бесстрашна,
Чтоб захотеть сойти в могилу без детей?
Ты матери своей хранишь изображенье –
И видит вновь она в тебе свою весну.
Ах, так и ты, склоня взор к старости окну,
Увидишь и вкусишь вновь юности волненье!
Но если хочешь быть забытым, милый мой,
Умри холостяком, а с ним и образ твой.

Перевод Н.В. Гербеля

Вот зеркало. Взгляни и отраженью
Скажи: пора преемника создать,
Иначе ты лишишь благословенья
Мир светлый и неведомую мать.

Где та, чья непорочная утроба
Отвергнет радость понести твой плод?
Где тот, кто хочет быть подобьем гроба
В самолюбви, чтоб прекратить свой род?
Ты отблеск матери, верни ж и ты ей
Апрель ее красы. И пусть твой сын
Тебе вернет назад дни золотые
Твоей весны в дни грустные морщин!
Но коль не хочешь памяти людей,
Умри один с наружностью своей!

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ IV

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free.
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive.
Then how, when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
 Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
 Which, used, lives th' executor to be.

О расточительный! Зачем в расцвете юном
На самого себя изводишь ты свой клад?
Природа не дарит, а в долг дает красу нам,
И торовата к тем, кто также тороват.
Прекрасный скопидом, зачем добро чужое,
Тебе врученное, считаешь ты своим?
Безумный ростовщик, зачем тебе такое
Богатство, если жить ты не даешь другим?
Ведь в ростовщичество с самим собой играя,

Красавец, ты себя обманываешь сам:
Наш бранный мир на зов природы покидая,
Какой, скажи, итог ты завещаешь нам?
Краса твоя пойдет в один с тобою ящик,
А не останется, как твой душеприказчик.

Перевод В.С. Лихачева

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь взаймы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.
Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!
Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бранный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?
Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.

Перевод Н.В. Гербеля

Прелестный мот небесных чар, не трать
Сам на себя дары благой природы!
Свободная, она ведь может взять
То, что дарует в долг детям свободы.

И так, зачем ты, красота скупая,
Не отдаешь с щедротой то, что щедро
Тебе дано, без пользы возвращая
Сокровище в сокровищное недро?
Имея дело только сам с собой,
У чар твоих крадешь ты обаянье,
И в день Суда, за гробовой доской
Какое ты предъявишь оправданье?
Бесплодная краса умрет с тобой,
Но, давши плод, останется живой.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет V

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap check'd with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnow'd and bareness every where:
Then, were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was:
 But flowers distill'd, though they with winter meet,
 Leese but their show; their substance still lives sweet.

Те самые часы, чьей силой властной
Краса весны так дивно расцвела, –
Как злой тиран, разрушат вид прекрасный
И уничтожат все свои дела.
Не хочет время ждать! Отрада лета,
Глядишь, сменилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нет ни листа, ни цвета,
И спит краса под снежной пеленой.
Да, если б сок цветов мы в плен не брали,

Чтоб сохранить следы весны в стекле, –
С красой бы все дела ее пропали,
Была б она забыта на земле;
Сок извлечен, – и есть предел уtrate:
Хоть нет цветов, – есть жизнь в их аромате.

Перевод Н.А. Холодковского

То время, что в труде приятном взор создало,
Который всех теперь влечет и веселит,
Тираном станет вновь, как то не раз бывало,
И прежней красоты навек его лишит.
Затем что время, вслед за уходящим летом,
Приводит из-за гор суровую зиму –
И мерзнет сок в лесу пустынном и раздетом,
А взор лишь видит снег, безжизненность и тьму.
Тогда, мой друг, когда благие соки лета
Не заключил бы рок в стеклянную тюрьму,
Вся красота его погибла б без привета
И превратилась в прах, чтоб погрузиться в тьму.
Но нежный цвет, в экстракт на зиму превращенный,
Теряет внешность лишь, не запах благовонный.

Перевод Н.В. Гербеля

Те самые часы, что нам родят
Прелестный лик, чарующий все взгляды,
Как злой тиран в тиши готовят яд,
Чтоб смыть с лица блеск вешнего наряда.

Ведь время неустанно гонит лето
К убожеству уродливой зимы,
Где снегом все, как саваном одето,
Где листья и цветы – добыча тьмы.
Когда в стенах хрустального фиала
Не жил бы вешний запах и зимой,
То сладость бы его не оживала,
И память бы о нем была немой.
Но, извлеченный из цветов, зимою
Хранит он хоть на вид – их суть собою.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет VI

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer, ere thou be distill'd:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure, ere it be self-kill'd.
That use is not forbidden usury,
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier, be it ten for one;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigur'd thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
 Be not self-will'd, for thou art much too fair
 To be death's conquest and make worms thine heir.

Спеши сберечь для нас цветник благоуханный,
Пока суровая зима не подошла;
Наполни сладостью сосуд, тобой избранный,
Пока в себе самой краса не умерла.
Ведь ты ростовщиком того де называешь,
Кому должник свой долг от сердца отдает:
Другого лишь себя ты миру оставляешь,
А за добавочных – добавочный почет,
И счастье личное ты в десять раз умножишь,

Коль, вместо одного, создашь десятерых:
От смерти понести какой ущерб ты можешь,
Продолжив бытие в наследниках своих?
Так не упрямься же: с твоею ли красою
Червям лишь кормом стать под сенью гробовую!

Перевод В.С. Лихачева

Не дай зиме убить весны все совершенства
В себе, пока она плода не принесла!
Создай себе фиал и подари блаженство
Своею красотой, пока не умерла!
Тебя ростовщиком не назовут за это,
Затем что этот долг все платят без труда.
Ты образ свой создашь для счастья и привета,
А если десять с ним – и это не беда.
И каждый в десять раз тебя счастливей будет,
Произведя на свет по десять раз тебя –
И смерть вражду к тебе надолго позабудет,
Увидя, сколько раз ты повторил себя.
Ты слишком уж красив и мил душе моей,
Чтоб пищей смерти быть, наследьем стать червей.

Перевод Н.В. Гербеля

Не дай зиме жестокой извести
Твой аромат весенний. Влей же счастье
В какой-нибудь фиал, дай нарасти
Сокровищу красы до дней ненастья.

И не считай такой прирост запретным:
Плательщику ты радость принесешь.
Сам для себя не умирай бездетным,
Не раз, а десять раз себя размножь.
Будь счастлив десять раз своей судьбою,
Вкушая счастье десяти детей.
Что, что похитит смерть тогда с тобою,
Когда ты жив в чертах семьи твоей?!
Кто так красив, не должен быть упрям.
Не завещай красы твоей червям.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ VII

Lo! in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climb'd the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage;
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age, he reeleth from the day,
The eyes, 'fore duteous, now converted are
From his low tract, and look another way:
 So thou, thyself outgoing in thy noon,
 Unlook'd on diest, unless thou get a son.

Когда могучее светило нам с востока
Являет ясный лик, с восторгом на него
Взирает каждое в тот миг земное око,
Приветствуя лучей победных торжество;
Когда, как юноша в цвету, на холм небесный
Взбирается оно, все в золотом огне, —
Им ослепленные, мы клоним взор чудесный,
Подъем его следя по синей крутизне;
Когда же с высоты полудня ковыляет

Оно по-старчески на отдых и покой, –
Вниманья нашего оно не привлекает
И одиноко путь доканчивает свой.
Вот так же и тебя на склоне мир забудет,
Коль старости твоей лелеять сын не будет.

Перевод В.С. Лихачева

Когда светило дня вздымает на востоке
Свой лучезарный лик – восторг у всех в глазах
И каждый на своем приветствует пороге
Приход его, пред ним склоняясь во прах.
Вступив на высоту небесного восхода,
Как юноша, за грань успевший перейти,
Оно еще влечет к себе глаза народа,
Следящего его в благом его пути.
Когда ж оно во прах склоняется к закату,
Как мир под гнетом лет и бременем труда,
Холодные к его померкнувшему злату,
Лукавые глаза глядят уж не туда.
Так, полдень пережив, и ты, друг, как руина,
Склонишься в прах, когда иметь не будешь сына.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда поутру благодатный свет
Вздымает лик свой пламенный с востока,
Все взоры шлют восторженный привет
Величию всевидящего ока.

Достигнув до вершин пути, оно,
Подобно юности в поре расцвета,
Опять красой для смертного полно,
Все в золоте полуденного света.
Но чуть оно, как путник утомленный,
Начнет сходить к земле, к разлуке с днем,
То ум людской, бывало, восхищенный,
Теперь уже не думает о нем.
 Так в старости умрешь ты, позабыт,
 Коль облик твой твой сын не воскресит.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет VIII

Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy.
Why lovest thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receivest with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear.
Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering,
Resembling sire and child and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do sing:
 Whose speechless song being many, seeming one,
 Sings this to thee: 'thou single wilt prove none.'

Твой голос – музыка: так почему же внемлешь
Ты музыке с тоской? Ведь нега к неге льнет;
А ты приятное нерадостно приемлешь
И не бежишь того, что скорбь тебе несет?
Аккорды стройные твой чуткий слух терзают,
Но их гармония – лишь ласковый упрек.
Они, звуча в одно, тебе напоминают,
Что вне гармонии земной ты одинок.
Ты слышал ли, как две струны в согласном строе

Свободно льющейся мелодией звучат?
Так и отец, и мать, и их дитя – все трое
Одну и ту же песнь в сердцах своих таят.
И говорят тебе немые звуки эти:
Кто одинок – того как будто нет на свете.

Перевод В.С. Лихачева

Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?
Прекрасному нельзя с прекрасным враждовать;
Зачем же любишь то, что с грустью встречаешь,
И с радостью спешешь все злое воспринять?
Когда гармония согласных звуков хора
В их сочетанье слух твой может оскорбить,
То это потому, что в нем есть тон укора:
Зачем ты все одним предпочитаешь быть.
Заметь, что две струны, касаясь друг друга,
Как мирная семья, в согласии живут,
Где мать, отец и сын, не выходя из круга,
Один прекрасный звук согласно издают.
И песня их без слов твердит тебе и всем:
«Оставшись холостым, останешься ничем!»

Перевод Н.В. Гербеля

Звук музыки тебе печаль внушает.
Но почему? Цветок цветку ведь друг?
Зачем же любишь то, что огорчает,
И рад тому, что мучит, как недуг?

Когда согласие сладкопевных звуков
В созвучьи нежном тяготит тебя,
Оно ворчит, – как дед на милых внуков, –
Что ты живешь, лишь сам себя любя.
Заметь, что струнный звук всегда в другом
Находит отклик в стройном сочетаньи,
Как мать, отец, дитя – всегда в одном
Созвучьи шлют хваленье мирозданью.
Слив голоса, без слов, все за одно,
Они поют: «бездетный, ты ничто»!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет IX

Is it for fear to wet a widow's eye,
That thou consumest thyself in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee, like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep
By children's eyes, her husband's shape in mind.
Look, what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it;
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused, the user so destroys it.
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murderous shame commits.

Не страх ли, что вдову ты здесь в слезах покинешь,
Тебя принудил дать безбрачия обет?
Напрасно! Если ты от нас бездетным сгинешь,
Вдовою по тебе останется весь свет.
Он, как вдова, о том скорбеть и плакать станет,
Что отпечаток твой утрачен для него;
Вдова же, в детские глазенки только взглянет,
Вновь обретет черты супруга своего.
Не разорвет мир добытых благ растрата:

Сам промотаешься – других обогатишь;
Но изжитой Красе нет на земле возврата:
Растратишь без толку – весь мир красоты лишишь.
Движениям любви то сердце непокорно,
Которое себя изводит так позорно.

Перевод В.С. Лихачева

Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился,
Ты одиноко век провести желаешь свой –
Желаешь, чтоб твой прах такую же слезой,
Как хладный прах жены бесплодной, оросился?
И, сделавшись вдовой бездетною твоей,
Мир будет о твоём бесплодии терзаться;
Тогда как для вдовы способны представляться
За мужнины глаза – глаза её детей.
Все то, что тратит мот, лишь место изменяет –
И мир все траты те берет себе в удел!
Но трата красоты имеет свой предел:
Не трогая, он тем её уничтожает.
Нет к ближнему любви в груди холодной той,
Что поступает так безжалостно с собой!

Перевод Н.В. Гербеля

Из страха вызвать слезы у вдовы
Себя ты истощаешь одиноко?
Но, без потомства умирая, ты
Вдовой оставишь мир земной, глубоко

Скорбящей, что унес ты, уходя,
Твой несравненный лик с собой в могилу.
Ведь плач у вдов при взгляде на дитя,
В котором жив опять покойник милый,
Сменяется улыбкою. Утрата,
Случившись здесь, там прибылью всплывет.
Но с красотой не так: ей нет возврата,
Когда она бесплодно отцветет.
 В том нету места для любви к другим,
 Кто беспощаден так с собой самим.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет X

For shame! deny that thou bear'st love to any,
Who for thyself art so unprovident.
Grant, if thou wilt, thou art below'd of many,
But that thou none lovest is most evident;
For thou art so possess'd with murderous hate,
That 'gainst thyself thou stick'st not to conspire,
Seeking that beautiful roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire.
O! change thy thought, that I may change my mind:
Shall hate be fairer lodg'd than gentle love?
Be, as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
 Make thee another self for love of me,
 That beauty still may live in thine or thee.

Сознайся – стыд и срам! – собою беззаботно
Пренебрегая, ты не любишь никого;
Другим себя любить позволишь ты охотно,
Но тщетно ждать любви от сердца твоего.
Питаешь к людям ты такое отвращенье,
Что даже восстаешь на самого себя
И сокрушить готов прекрасное строенье,
Которое хранить обязан ты любя.
Одумайся, чтоб мог и я сказать иное.

Краса лишь для любви должна служить жильем:
Где доброта в лице, там кстати ль сердце злое?
Хоть самому себе не будь лихим врагом!
Хоть для меня, прошу, создай еще такого,
В котором видеть бы я мог тебя второго!

Перевод В.С. Лихачева

Признайся мне, что ты не любишь никого,
Когда и о себе забота так мало!
Не мало дев вилося близ сердца твоего,
Но сердце для любви твое не расцветало –
Затем что злобы ты исполнен до того,
Что сам готов вступить с самим собой в сраженье,
Об удаленье в тень стараясь всего,
Чего б ты должен был искать восстановления.
Опомнись, чтоб и я мог мысли изменить!
Ужель жилище зла прекраснее любви?
Ты так красив – сумей настолько ж добрым быть
И не давай в себе бурлить напрасно крови!
Подобие свое создай хоть для меня,
Чтоб красота жила в тебе иль близ тебя.

Перевод Н.В. Гербеля

Не говори, что любишь ты других,
Когда ты сам себя так злобно губишь:
Пусть ты любимец множества твоих
Друзей, но сам ты никого не любишь.

Ты так жесток к себе, так страшно лют,
Что на себя же руку поднимаешь
И хочешь в прах стереть приют
Сокровища, которым обладаешь.
О, изменись, чтоб изменил я мнение!
Не гневу жить роскошнее любви!
Будь, как твой вид, мил, полон снисхожденья
И сам к себе участие прояви:
 Стань сам собой. И из любви ко мне
 В потомстве дай вновь цвeсть своей весне.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XI

As fast as thou shalt wane, so fast thou growest,
In one of thine, from that which thou departest;
And that fresh blood which youngly thou bestowest,
Thou mayst call thine when thou from youth convertest.
Herein lives wisdom, beauty and increase;
Without this, folly, age, and cold decay:
If all were minded so, the times should cease
And threescore year would make the world away.
Let those whom Nature hath not made for store,
Harsh, featureless and rude, barrenly perish:
Look, whom she best endow'd she gave thee more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:
 She carved thee for her seal, and meant thereby
 Thou shouldst print more, not let that copy die.

Как вянуть будешь ты день ото дня, так будешь
День ото дня цвести ты в отпрыске своем;
Ту кровь, что в юности отдать себя принудишь,
Своею назовешь, сам ставши стариком.
Вот в чем и разум наш, и красота, и сила;
А вне – безумие, бессилье, вечный мрак:
Тогда и время бы свой ход остановило,
И род людской тогда невольно бы иссяк.
Кто на земле рожден не для продленья рода,

Уроdlив, груб, суров, – тот гибни без следа;
Но, видя, как щедрa к избранникам природа,
Дары ее сберечь ты должен навсегда:
На то в тебе и знак ее печати явлен,
Чтоб миру в оттисках был подлинник оставлен.

Перевод В.С. Лихачева

Как быстро будешь ты, стареясь, увядать,
Так быстро и в своем потомстве возродишься,
И кровь – с растратой чьей святыни примиришься –
Еще живя, своей успеешь ты назвать.
При этом – красота, спокойствие, потомство,
Без этого – болезнь, безумье, вероломство.
Когда бы все как ты решились поступать,
Через семьдесят лет мир пришлось бы отпевать.
Пусть те, кому злой дух назначил быть скупцами,
Умрут, не дав плода до времени-поры;
Но ты, благих небес осыпанный дарами,
Беречь бы должен был те чудные дары.
Природа образ твой в печать преобразила,
Чтоб оттиски ее потомство сохранило.

Перевод Н.В. Гербеля

Ты в меру увяданья будешь вновь
Расти в одном из детищ юных дней.
Зачатую в пору расцвета кровь
Ты будешь, старясь, называть своей.

В том мудрость, красота и размноженье:
Вне этого ж – безумие, распад.
И, если б все твое имели мненье, –
Конец всему лет через шестьдесят.
Пусть, созданный не для продленья рода,
Урод-калека без плода умрет!
Кому ж дала так много мать-природа,
Пусть щедрый дар в обилии вернет!
Ты создан был затем ее резцом,
Чтоб быть потомству вечным образцом.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XII

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night;
When I behold the violet past prime,
And sable curls, all silvered o'er with white;
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves,
Borne on the bier with white and bristly beard,
Then of thy beauty do I question make,
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake
And die as fast as they see others grow;
 And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
 Save breed, to brave him when he takes thee hence.

Часов ли мирные удары я считаю,
За днем ли, тонушим во тьме ночной, слезу,
С земли увядшую ль фиалку поднимаю,
На кудри ль в седине серебряной гляжу,
Иль вижу с тощими, без зелени, ветвями
Деревья, в летний зной убежище для стад,
Иль, безобразными белея бородами,
Поблекших трав копны передо мной лежат, –
В раздумье о тебе исполнен я заботы,

Что и тебя в твой час раздавит бремя лет:
Урочной смерти все обречены красоты –
И их напутствует других красот расцвет;
От Старца грозного, с его косою не сытой,
Одно потомство нам лишь может быть защитой.

Перевод В.С. Лихачева

Когда мой слух часы бегущие считает,
А глаз следит, как ночь день в сумрак превращает:
Когда я вижу, как фиалка никнет в прах,
И злая седина является в кудрях;
Когда на лес нагой гляжу я из оконца,
Дававший в летний зной убежище от солнца,
И вижу, как траву, красу родных лугов,
Увозят, чтоб сухой сложить ее под кров –
Тогда о красоте твоей я помышляю,
Что Время и ее погубит, так как знаю,
Что блеск и красота склоняются во прах,
Чтоб место дать другим, стоящим на глазах.
От Времени ж косы, таящей вероломство,
Способно охранять тебя одно потомство.

Перевод Н.В. Гербеля

Звучит ли бой часов и время гонит,
Иль вянет лепесток за лепестком,
Гляжу ль, как бодрый день во мраке тонет,
Как черный локон смешан с серебром, –

Когда я вижу рощу оголенной, –
Бывало, в зной, убежище для стад –
Как зелень лета старец убеленный,
Скосив стогами, полагает в ряд, –
Тогда меня всегда вопрос терзает:
Неужли чудный облик твой умрет,
Как красота здесь так же скоро тает,
Как перед нею новая растет?

Косы времен не одолеешь ты,
Не передав потомству красоты.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XIII

O, that you were yourself! but, love you are
No longer yours than you yourself here live:
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give.
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Yourself again after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.
Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold,
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O, none but unthrifths! Dear my love, you know
You had a father: let your son say so.

О, если б ты собой остался! Но, бесценный,
Не больше, чем живешь, ты можешь быть собой;
Спеши, пока душа еще в одежде брэнной,
Другому передать прекрасный облик свой.
На срок лишь получил ты ссуду красотой;
В бессрочную б тогда ты обратил ее
И после смерти бы своей вновь стал собою:
Твой сын бы сохранил подобие твое.
Кто опрометчиво допустит до крушенья

Свой дом, имея в нем надежнейший оплот,
От ледящего безвременно вторженья
Губительной зимы? Кто ж больше, как не мот!
Был у тебя отец; мой милый, отчего же
И сыну твоему не говорить того же?

Перевод В.С. Лихачева

О если б мог ты быть всегда самим собой!
Но ты принадлежишь себе, покамест дышишь,
И, смерти чуть шаги зловещие услышишь,
Другому передать обязан образ свой.
Тогда лишь красота, которой обладаешь,
С тобою не умрет – и, превратившись в прах,
В потомстве снова ты звездой заблестеешь,
Когда твой образ вновь воскреснет в их чертах.
Кто пасть такому даст прекрасному жилищу,
Когда его еще возможно поддержать,
Чтоб силе выюг оно могло противостать
И холоду времен, присущему кладбищу?
Тот, кто небережлив! Ведь ты, друг милый мой,
Имел отца – так пусть и сын то ж скажет твой!

Перевод Н.В. Гербеля

О, если б мог ты быть всегда собой!
Но помни, милый, что ты здесь не вечен,
Что есть конец – чтоб жив был образ твой,
Ты должен быть потомством обеспечен.

Тогда лишь лик твой не утратит силы
Неистребимых чар. И станешь ты
Опять собою даже за могилой,
Когда твой сын возьмет твои черты.
Кто допустил бы дом до разрушенья,
Когда бы мог его спасти уход
От зимней стужи, от уничтоженья
Под натиском расшвирипевших вод?
Лишь мот! – О друг, ему не подражай!
Ведь ты имел отца, отца и сыну дай.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XIV

Not from the stars do I my judgement pluck;
And yet methinks I have astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:
But from thine eyes my knowledge I derive,
And constant stars in them I read such art
As 'Truth and beauty shall together thrive,
If from thyself, to store thou wouldst convert';
Or else of thee this I prognosticate:
'Thy end is truth's and beauty's doom and date.'

Я не из звезд свои познания почерпаю,
Хотя науку звезд я несколько и знаю,
Но только не затем, чтоб голод предвещать
Иль приближенье бурь по ним предузнавать;
И о висящих злом над кем-нибудь невзгодах
Не в состоянье я его предупредить,
И что б ни ждало нас в бегущих встречу годах,
Я не могу того властителям открыть.
Все знание мое в глазах твоих, с тобою —

И в этих лишь звездах сумел я прочесть,
Что будут красота и правда процветать,
Когда оставишь ты потомство за собою.
Иначе предскажу тебе я, милый мой,
Что в гроб с тобой сойдут и правда с красотой.

Перевод Н.В. Гербеля

Я не у звезд сужденья похищаю,
Но мнится мне, я все же звездочет,
Хотя пророчески не возвещаю
Ни счастья, ни бедствия приход.
Я не умею даже предсказать
Дождя, грозы, чумы, засухи или
Того, как принцы будут поживать... –
О чем бы небеса ни говорили.
Но мне глаза твои, как звезды, знанье
Внушают, что во все века пройдут
Краса и правда в дивном сочетаньи,
Когда в твоём потомстве оживут.
Иначе так предсказываю я:
С тобой умрет и красота твоя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XV

When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheered and check'd even by the self-same sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory;
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with Decay
To change your day of youth to sullied night;
 And all in war with Time for love of you,
 As he takes from you, I engraft you new.

Когда я вижу, что все дышащее вокруг
Бывает лишь на миг прекрасно, милый друг,
Что только зрелищ ряд дает нам сцена мира,
Понятный лишь для звезд полночного эфира;
Когда я вижу, что под грозной твердью той,
Как злаки, люди вокруг родятся и плодятся,
Сначала к небесам, потом к земле стремятся
И исчезают вслед из памяти людской:
Тогда, в виду всех зол и суетности бренной,

Краса твоя сильнее мне взоры поразит
И Времени – скупцу, грабителю вселенной –
Не дать бы лишь твой день в мрак ночи
превратить –
Я объявлю войну, подвигнутый тобою,
И отнятое вновь отдам тебе с лихвою.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда гляжу, как все кругом растет,
Но только на мгновенье совершенно, –
Как плотский мир лишь призрачно живет,
Влиянью звезд покорный сокровенно, –
Когда я вижу, что людей, как травы,
Растит, хранит и косит тот же рок,
Даруя им отраду и отраву,
Сливая жизнь и смерть в один поток, –
В раздумии тогда перед виденьем
Твоей роскошной красоты стою,
И страшно мне, что время вместе с тленьем
Сведут в мрак ночи молодость твою.
И я хочу свою подставить грудь
И все тебе, что отнято, вернуть.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XVI

But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant, Time?
And fortify your self in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens yet unset
With virtuous wish would bear you living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair,
Which this Time's pencil, or my pupil pen,
Neither in inward worth nor outward fair,
Can make you live your self in eyes of men.
 To give away yourself keeps yourself still,
 And you must live, drawn by your own sweet skill.

Зачем в борьбе со Временем голодным
Надежнее вам не искать исхода?
Мне не спасти стихом моим бесплодным
Вас от того, к чему ведет природа.
Теперь вы лучших дней своих свидетель.
Как много девичьих садов готово
Принять цветы живые! добродетель
Их, верно, воссоздаст на почве новой.
Ваш образ так не отразят портреты,

Как Времени перо в чертах потомства,
И робкие мои не сохранят сонеты
Вас от веков руки и вероломства.
Отдать себя и снова самочувство
И жизнь обрести от своего искусства.

Перевод Б.В. Бера

Зачем не сбросишь ты губительное бремя,
Которым так гнетет тебя седое Время?
Зачем не вышлешь, друг, в отпор на грозный зов,
Ты нечто посильней, чем пук моих стихов?
Теперь уж ты достиг поры своей счастливой,
И много пышных клумб среди девственных садов
Украстить мог бы ты кошницею цветов,
Похожих на тебя, как твой портрет красивый.
Да, жизнь должна сама себя изображать,
Так как перо и кисть не могут приказать
Жить вечно на стене пред публикою грешной
Твой образ с стороны ни внутренней, ни внешней.
Ты сохранишь себя, отдавшись любя, –
И долго будешь жить, изобразив себя.

Перевод Н.В. Гербеля

Но почему не избираешь ты,
Воюя с временем, пути вернее?
И не берешь в защиту красоты
Оружия, моих стихов мощнее?

Теперь достиг ты счастья вершин.
На свете много девственных целин
Готово возродить твой пышный цвет
Куда живее, чем в стихах поэт.
Так жизнь сама вернет твой облик вешний:
Ни летопись, ни пыл любви моей
Его не в силах внутренне и внешне
Заставить вечно жить в очах людей.
Сам от себя себя же отделив,
Собой рожден, – ты будешь вечно жив.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XVII

Who will believe my verse in time to come,
If it were fill'd with your most high deserts?
Though yet, heaven knows, it is but as a tomb
Which hides your life and shows not half your parts.
If I could write the beauty of your eyes
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say 'This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touch'd earthly faces.'
So should my papers, yellow'd with their age,
Be scorn'd, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be term'd a poet's rage
And stretched metre of an antique song:
 But were some child of yours alive that time,
 You should live twice; in it, and in my rhyme.

Моим поэмам кто б поверить мог,
Коль Ваших качеств дал я в них картину?
Они – гроб Вашей жизни, знает Бог,
Их могут передать лишь вполовину.
И опиши я Ваших взоров свет
И перечисли все, что в Вас прелестно,
Грядущий век решил бы: «Лжет поэт,
То лик не человека, а небесный».
Он осмеял бы ветхие листы

Как старцев, что болтливей, чем умнее.
Он эту правду счел бы за мечты
Иль старой песни вольные затеи.
Но будь у Вас ребенок в веке том,
Вы жили б дважды – и в стихах, и в нем.

Перевод Н.С. Гумилева

Увы, мои стихи все презрят, позабудут,
Когда они полны твоих достоинств будут,
Хотя – то знает Бог – они лишь гроб пока,
Где скрыта жизнь твоя, хвалимая слегка!
Когда б я красоту твою воспеть был в силах
И перечислить все достоинства твои,
Потомок бы сказал: «Он лжет – поэт любви!
Таких нет между тех, чья участь – гнить в могиле!»
И перестанет мир листкам моим внимать,
Как бредням стариков болтливых, неправдивых.
И те хвалы, что лишь тебе принадлежат,
Сочтутся за мечты, за звуки стоп игривых.
Но если бы детей имел ты не во сне,
То ты в моих стихах и в них бы жил вдвойне.

Перевод Н.В. Гербеля

С годами кто, кто будет верить мне,
Как бы слова тебя не возносили?
Мои стихи, как надпись на могиле,
Не в силах вызвать образ твой вполне.

И если б даже верно был воспет
В моих стихах твой облик несравненный,
В грядущем кто не скажет: «Лжет поэт:
Нет красоты такой во всей вселенной!»?
От времени мой пожелтевший свиток
Поднимут на смех, как вранье глупца,
И вешних прелестей твоих избыток
Покажется всем выдумкой льстеца.
 Когда ж бы сын твой был в твоих годах,
 Ты жив бы в нем был и – в моих стихах.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XVIII

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date:
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimm'd;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's changing course untrimm'd:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou owest,
Nor shall Death brag thou wander'st in his shade,
When in eternal lines to time thou growest,
 So long as men can breathe or eyes can see,
 So long lives this and this gives life to thee.

Сравню ли я тебя с днем светлым лета?
Милей его ты, кротче и нежнее.
Холодный ветер – злобный враг расцвета,
Дни летние могли бы быть длиннее.
Порою око неба слишком знойно,
Иль золото его закрыто тучей,
И красота боится беспокойно
Природы иль случайности летучей.
Твое лишь лето вечное не минет,

И красота не будет скоротечность.
Смерть с похвалбой тень на тебя не кинет,
Когда в стихе изведаеть ты вечность.
Пока есть люди и пока есть зреньё,
Жив будет стих и ты, его твореньё.

Перевод Б.В. Бера

Как я сравню тебя с роскошным летним днем,
Когда ты во сто раз прекрасней, друг прекрасный?
То нежные листки срывает вихрь ненастный
И лето за весной спешит своим путем;
То солнце средь небес сияет слишком жарко,
То облако ему туманит ясный зрак –
И все, что вокруг манит, становится неярко
Иль по закону злой природы, или так –
Случайно; но твое все ж не увянет лето
И не утратит то, чему нельзя не быть,
А смерть не скажет, что все в тень в тебе одето,
Когда в стихах моих ты вечно будешь жить.
И так, пока дышать и видеть люди будут,
Они, твердя мой гимн, тебя не позабудут.

Перевод Н.В. Гербеля

Сравню ли я тебя с весенним днем?
Нет, ты милее длительной красою:
Злой вихрь играет нежным лепестком,
Весна проходит краткой полосою.

Светило дня то шлет чрезмерный зной,
То вдруг скрывается за тучей мрачной...
Нет красоты, что, строгой чередой
Иль случаем, не стала бы невзрачной.
Твоя ж весна не ведает теней,
И вечный блеск ее не увядает.
Нет, даже смерть бессильна перед ней!
На все века твой образ просияет.
Пока есть в людях чувства и мечты,
Живет мой стих, а вместе с ним и ты!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XIX

Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived phoenix in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleets,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets;
But I forbid thee one most heinous crime:
O! carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.

Yet, do thy worst, old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young.

О время! Когти льва, чуть стар, тупи нещадно,
Земные существа земле и предавай,
У тигра зубы рви из пасти кровожадной
И феникса в крови его же сожигай;
Чредою лет и зим над миром пролетая,
Будь миру вестником и радостей и бед,
Рази красу, когда поникнет, увядая, –
На преступленье лишь одно тебе запрет:
Попутно не клейми зловещими чертами

Прекрасное чело любимца моего;
Как образец красоты грядущим вслед за нами
В наследие оставь нетронутым его.
А повредишь ему – я этот вред поправлю
И друга юношей в стихах своих прославлю.

Перевод В.С. Лихачева

Закрой свой львиный зев, прожорливое Время, –
И пусть сама земля пожрет своих детей!
Лиши тигрицу гор стальных ее когтей
И Феникса сожги в крови его, как бремя!
В течении своем твори и разрушай
И делай, что на ум ни вспало бы порою,
И с миром, и с его увядшей красотой,
Но только одного проступка не свершай:
Не проводи на лбу, из всех на самом лучшем –
Лбу друга моего – злых черт своим пером;
Нетронутым оставь в пути его своем,
Чтоб образцом красоты он мог служить в грядущем.
Но если б ты его и превратило в прах,
Он будет юным жить всегда в моих стихах.

Перевод Н.В. Гербеля

Тупи и старь, о время, когти львов,
Пусть жрет земля то, что сама рождает!
Пусть тигра пасть лишается зубов,
Пусть Феникс сам в своей крови сгорает!

Твори, что хочешь, смерть и жизнь неся,
И по пути все вялое сметая!
Лети над миром, крася и кося, –
Но одного не трогай, пролетая:
Не борозди морщинами лица
Моей любви. Пускай без изменений
Останется оно для образца
И радости грядущих поколений...
А впрочем, что ни делай, чужд мне страх:
Мой милый вечно юн в моих стихах.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XX

A woman's face with nature's own hand painted
Hast thou, the master mistress of my passion;
A woman's gentle heart, but not acquainted
With shifting change, as is false women's fashion:
An eye more bright than theirs, less false in rolling,
Gilding the object whereupon it gazeth;
A man in hue all 'hues' in his controlling,
Which steals men's eyes and women's souls amazeth.
And for a woman wert thou first created;
Till Nature, as she wrought thee, fell a-doting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose nothing.
 But since she prick'd thee out for women's pleasure,
 Mine be thy love and thy love's use their treasure.

Прекрасный женский лик природой вдохновенной
Тебе, души моей царю-царице, дан;
Как женщина, таишь ты в сердце драгоценный
Источник нежности – но чужд ему обман;
Правдивые глаза сияют женских ярче
И кроют блеском все, на что устремлены;
Муж позавидует, что твой румянец жарче:
Ты мука для него и гибель для жены.
Природа женщиной задумала сначала

Тебя создать; но ты пленил ее собой –
И у меня она тебя отвоевала,
Вооружив совсем ненужной мне красой.
Так пусть любовь твоя послужит мне наградой,
А женщинам краса останется усладой.

Перевод В.С. Лихачева

Тебе девичий лик природой дан благою –
Тебе, что с ранних пор владыкой стал моим,
И нежный женский пыл, но незнакомый с тою
Податливостью злой, что так присуща им,
И боле страстный взор и менее лукавый,
Златящий все, на что бывает устремлен;
Но цвет лица – мужской, со всей своею славой,
Опасный для мужей и милый для их жен.
Ты б должен был, мой друг, быть женщиной
наружно,
Но злой природы власть, увы, тебе дала,
Мой ненаглядный, то, что вовсе мне не нужно,
И тем меж нами нить любви перервала.
Но если создан ты для женского участия,
То мне отдай любовь, а им – тревоги счастья.

Перевод Н.В. Гербеля

Лик женщины, начертанный природой,
Имеешь ты, царица-царь души;
И сердце женское без безбородой

Притворности, изменчивости, лжи.
Твой взор правдивей, проще и свежей,
Все золотя вокруг, куда ни взглянет,
Равно и жен пленяя и мужей,
К себе невольно все живое манит.
Сперва женой ты зачат был природой:
Творя, она влюбилась и потом
Прибавкою, лишив меня свободы,
Оставила на свете ни при чем.
Раз сотворен ты женам в наслажденье,
Дай мне любовь, а им – ее свершенье.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXI

So is it not with me as with that Muse
Stirr'd by a painted beauty to his verse,
Who heaven itself for ornament doth use
And every fair with his fair doth rehearse,
Making a couplement of proud compare,
With sun and moon, with earth and sea's rich gems,
With April's first-born flowers, and all things rare
That heaven's air in this huge rondure hems.
O, let me, true in love, but truly write,
And then believe me, my love is as fair
As any mother's child, though not so bright
As those gold candles fix'd in heaven's air:
Let them say more that like of hearsay well;
I will not praise that purpose not to sell.

Нимало не влечет меня к себе та лира,
Что вдохновляется искусственной красой
И, ослепленная сиянием кумира,
Поет избранницу восторженной хвалой,
В порыве дерзостном ее уподобляя
То солнцу, то луне, то первенцам-цветам,
И все прекрасное на помощь призывая,
Что небо и земля являют щедро нам.
Тому, кто в песнях лжи, как и в любви, не знает,

Поверьте, что его прелестный друг ни в чем
Прелестнейшим сынам земли не уступает –
Хотя небесного сиянья нет на нем;
Пускай усердствуют лжецы напропалую,
А я ведь песнями своими не торгую.

Перевод В.С. Лихачева

Я не похож на тех, чья Муза, возбуждаясь
К святому творчеству живою красотой
И в гордости своей самих небес касаясь,
Красавицу свою равняет то с луной,
То с солнцем золотым, то с чудными дарами,
Лежащими в земле, в глубоких безднах вод,
И, наконец, со всем, что вокруг нас и над нами
В пространстве голубом сияет и живет.
О, дайте мне в любви быть искренним – и верьте,
Что милая моя прекрасней всех других,
Рожденных женщиной; но как ее ни мерьте,
Все ж будет потемней лампад тех золотых,
Что блещут в небесах! Пускай другой добавит!
Ведь я не продаю – чего ж ее мне славить?

Перевод Н.В. Гербеля

Со мной не так, как с Музой, вдохновленной
Поддельной красотой. – Пускай в стихах
Она равняет обоготворенный
Кумир всему, что блещет в небесах,

И не смущается перед сравнением
С луною, с солнцем, с чарами земли,
С цветком Апреля и со всем твореньем,
Что небо и земля произвели.
Но я, в любви правдивый, и правдив
В моих стихах. Да, светел, как дитя,
Мой нежный друг, хоть и не так красив,
Как в небесах зардевшая звезда.
Пусть больше выскажет, кто может лгать.
Что мне хвалить? Ведь мне не продавать!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXII

My glass shall not persuade me I am old,
So long as youth and thou are of one date;
But when in thee time's furrows I behold,
Then look I death my days should expiate.
For all that beauty that doth cover thee
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me:
How can I then be elder than thou art?
O, therefore, love, be of thyself so wary
As I, not for myself, but for thee will;
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill.
Presume not on thy heart when mine is slain;
Thou gavest me thine, not to give back again.

Что стар я, зеркало меня в том не уверит,
Пока ты с юностью ровесник; но, когда
Свой путь крылатое морщинами отмерит,
И на твоём лице, – поверю я тогда.
Твоей прелестью одел, как пеленою,
Я сердца своего заветные мечты;
Оно – в твоей груди, твое же, взято мною:
Могу ли постареть я ранее, чем ты?
Побереги ж себя, и обо мне радея,

Как буду я беречь себя из-за тебя,
Сокровище, в груди хранимое, лелея
С неменьшей нежностью, чем нянюшка – дитя.
Не думай, что, когда мне смерть закроет веки,
Ты сердце сохранишь: я взял его навеки.

Перевод В.С. Лихачева

Нет, зеркалу меня не сделать стариком,
Покамест юность лет одних с тобою будет;
Когда ж замечу я на личике твоём
Морщину – о, тогда пусть смерть меня рассудит!
Краса, в которой ты судьбой заключена,
Мне сердце как плащом волшебным покрывает,
Так как она в тебе, мой ангел, обитает.
Ну как же мне, друзья, быть старей, чем она?
О, охраняй себя, подруга дорогая,
Как сам себя начну теперь я охранять,
Твое сердечко тем от бед оберегая,
Как хилое дитя заботливая мать!
Умру – о и своим ты сердце брось заботу;
Ведь ты мне отдала его без повороту.

Перевод Н.В. Гербеля

Мне зеркало не скажет, что я стар,
Пока и ты, и юность тех же лет.
Но чуть в тебе погаснет вешний жар,
Я буду ждать, чтоб смерть затмила свет.

Ведь блеск твоей небесной красоты –
Лишь одеянье сердца моего.
Оно в твоей, твое ж в моей груди,
Так как ему быть старше твоего?
Поэтому будь осторожен, милый,
И в сердце сердце буду холить я
Твое, ему все отдавая силы,
Как холит няня слабое дитя.
 Не взять тебе его назад, оно
 Не с тем, чтобы отнять, мне отдано.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXIII

As an imperfect actor on the stage
Who with his fear is put beside his part,
Or some fierce thing replete with too much rage,
Whose strength's abundance weakens his own heart,
So I, for fear of trust, forget to say
The perfect ceremony of love's rite,
And in mine own love's strength seem to decay,
O'ercharged with burden of mine own love's might.
O, let my books be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love, and look for recompense
More than that tongue that more hath more express'd.
O! learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit.

Как роль свою, робея, забывает
Актер, на сцену первый раз вступив,
Как в гневе нас невольно сил лишает
Чрезмерно сильный ярости прилив, –
Так я, из страха, что не дашь ты веры
Словам любви, сам забываю их,
И речь моя слабеет, хоть без меры
Сильна любовь: превыше сил моих!
Дозволь же книг моих цветистой речи

Быть толмачем немой любви моей:
Она достойна, верно, лучшей встречи,
Чем речь из уст, столь бледная пред ней!
Пойми, что в книге страсть безмолвно
пишет:
Разумная любовь очами слышит!

Перевод Н.А. Холодковского

Как молодой актер – не редко что бывает –
Затверженную роль от страха забывает,
Иль пылкий человек, игралище страстей,
От силы чувств своих становится слабей:
Так точно и со мной! Излить речей любовных
Не смею я пред ней, не веруя в себя, –
И, страстно всей душой прекрасную любя,
Слабею и клонюсь в страданиях безусловных.
Так пусть стихи мои, как смелый проводник,
Предшествуют в пути словам моим безгласно
И молят о любви успешней, чем язык
Мой умолял тебя так часто и напрасно.
О, научись читать, что в сердце пишет страсть!
Глазами слышать лишь любви дано во власть.

Перевод Н.В. Гербеля

Как на подмостках юный лицедей
Внезапным страхом выбитый из роли, –
Иль как не в меру пылкий нрав людей

В избытке мощи непокорен воле, –
Так в миг признанья забываю я
Все правила любовного искусства,
Подавленный, теряю все слова
Под бременем восторженного чувства.
Прими ж мои творенья как немого
Предстателя клокочущей груди,
Который молит, ждет наград без слова
И глубже уст умеет потрясти.
Любви безмолвной речь учись читать,
Умей, глазами слыша, – понимать.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXIV

Mine eye hath play'd the painter and hath stell'd,
Thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And perspective it is best painter's art.
For through the painter must you see his skill,
To find where your true image pictured lies;
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glazed with thine eyes.
Now see what good turns eyes for eyes have done:
Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me
Are windows to my breast, where-through the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee;
Yet eyes this cunning want to grace their art,
They draw but what they see, know not the heart.

В художника мой глаз мгновенно превратился
И светлый образ твой на сердце начертил,
Причем портрету стан мой рамой послужил;
Художника ж талант в том ясно проявился,
Что поместил он твой законченный портрет
В жилище сердца так, что ясных окон свет
Ему глаза твои и блеск их затемнили.
Так вот как нам глаза прекрасно послужили:
Мои – твой образ мне представили живым,

Твои же – служат мне проводниками света,
Дающими лучам полудня золотым
Возможность увидеть предмет любви поэта.
А все же одного глаза нам не дают:
Увидя, все поймут, но в душу не войдут.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой взор, как живописец, закрепил
Твои черты в сокровищнице чувства:
Внутри меня, как в раму заключил
И отделил по правилам искусства.
И только там сумеешь ты найти
Правдивое твоё изображение:
Оно висит в стенах моей груди,
Твои глаза там вместо освещения.
И вот, глаза глазам здесь услужили:
Мои – твой лик писали, а твои
Лучами света окна заменили,
И солнце шлет им радостно свои.
Но одного глаза не могут дать:
Рисуя лик, им сердца не видать.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXV

Let those who are in favour with their stars
Of public honour and proud titles boast,
Whilst I, whom fortune of such triumph bars
Unlook'd for joy in that I honour most.
Great princes' favourites their fair leaves spread
But as the marigold at the sun's eye,
And in themselves their pride lies buried,
For at a frown they in their glory die.
The painful warrior famed for fight,
After a thousand victories once foil'd,
Is from the book of honour razed quite,
And all the rest forgot for which he toil'd:
Then happy I, that love and am beloved,
Where I may not remove nor be removed.

Пусть хвастают родством и почестями те,
Что увидали свет под счастья звездою;
Я ж счастье нахожу в любви – святой мечте,
Лишенный благ иных Фортуной молодою.
Любимцы королей, как нежные цветки,
Пред солнцем золотым вскрывают лепестки;
Но слава в них самих зарыта, как в могиле, –
И первый хмурый взгляд их уничтожить в силе.
Прославленный в боях герой на склоне лет,

За проигранный бой из тысячи побед,
Бывает исключен из летописей чести
И теми позабыт, из-за кого лил кровь.
Я ж рад, что на мою и на твою любовь
Никто не посягнет в порыве злобной мести.

Перевод Н.В. Гербеля

Пусть баловня изменчивой толпы
Пленяют блеск и внешние награды, –
А я, лишенный этих благ судьбы,
Таю в тиши сердечную отраду.
Любимцы королей свой пышный цвет –
Как лютик солнцу – к трону обращают,
Но гордости у них и следа нет:
Суровый взгляд их счастье убивает.
Герой войны, прославленный в боях,
Хоть раз вслед тысячи побед сраженный,
С вершины славы падает во прах,
Тем, за кого сражался, посрамленный.
А я, любя, тем счастлив, что любим,
Незаменимому – незаменим.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ XXVI

Lord of my love, to whom in vassalage
Thy merit hath my duty strongly knit,
To thee I send this written embassy,
To witness duty, not to show my wit:
Duty so great, which wit so poor as mine
May make seem bare, in wanting words to show it,
But that I hope some good conceit of thine
In thy soul's thought, all naked, will bestow it;
Till whatsoever star that guides my moving,
Points on me graciously with fair aspect,
And puts apparel on my tatter'd loving,
To show me worthy of thy sweet respect:
Then may I dare to boast how I do love thee;
Till then not show my head where thou
mayst prove me.

Мой властелин, твое очарованье
Меня к тебе навеки приковало.
Прими ж мое горячее посланье.
В нем чти не ум, а преданность вассала.
Она безмерна, ум же мой убог:
Мне страшно, что не хватит слов излиться...
О, если бы в твоих глазах я мог,
Любовию согретый, обновиться!

О, если бы любовная звезда
Могла мне дать другое освещение
И окрылила робкие уста,
Чтоб заслужить твое благоволение!
Тогда бы смел я петь любовь мою –
Теперь же, в страхе, я ее таю.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой властелин, твое очарование
Меня к тебе навеки приковало.
Прими ж мое горячее послание.
В нем чти не ум, а преданность вассала.
Она безмерна, ум же мой убог:
Мне страшно, что не хватит слов излиться.
О, если бы в твоих глазах я мог,
Любовию согретый, обновиться!
О, если бы любовная звезда
Могла мне дать другое освещение
И окрылила робкие уста,
Чтоб заслужить твое благоволение!
Тогда бы смел я петь любовь мою –
Теперь же, в страхе, я ее таю.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXVII

Weary with toil, I haste me to my bed,
The dear repose for limbs with travel tired;
But then begins a journey in my head,
To work my mind, when body's work's expired:
For then my thoughts – from far where I abide –
Intend a zealous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eyelids open wide,
Looking on darkness which the blind do see:
Save that my soul's imaginary sight
Presents thy shadow to my sightless view,
Which, like a jewel hung in ghastly night,
Makes black night beauteous, and her old face new.
Lo! thus, by day my limbs, by night my mind,
For thee, and for myself, no quiet find.

Усталый от трудов, спешу я на постель,
Чтоб членам отдых дать, дорогой утомленным;
Но быстро голова, дремавшая досель,
Сменяет тела труд мышленьем напряженным.
И мысли из тех мест, где ныне нахожусь,
Паломничество, друг, к тебе предпринимают,
И, как глаза свои сомкнуть я ни стремлюсь,
Они их в темноту впиваться заставляют.
Но зрение души твой образ дорогой,

Рассеивая мрак, являет мне пред очи,
Который придает, подобно солнцу ночи,
Ей красоту свою и блеск свой неземной.
Итак – мой остов днем, а ум ночной порою
Не могут получить желанного покою.

Перевод Н.В. Гербеля

Измученный трудом, спешу на ложе,
Чтоб дать покой усталым членам тела;
Но мысли в голове, мой ум тревожа,
Стремятся в даль, не ведая предела.
Они летят, как бы обет свершая,
Паломником к владыке моему:
И я, очей печальных не смыкая,
Смотрю, но, как слепец, лишь вижу тьму,
Меж тем, как взор души воображает,
Рисуя тень твою слепым очам:
Она, как перл волшебный, обращает
Мрак ночи в день и дом смиренный – в храм.
Так, днем в трудах, а по ночам от дум,
Не знают сна ни плоть моя, ни ум...

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXVIII

How can I then return in happy plight,
That am debarr'd the benefit of rest?
When day's oppression is not eased by night,
But day by night and night by day oppress'd,
And each, though enemies to either's reign,
Do in consent shake hands to torture me,
The one by toil, the other to complain
How far I toil, still farther off from thee.
I tell the day, to please him thou art bright,
And dost him grace when clouds do blot the heaven:
So flatter I the swart-complexion'd night,
When sparkling stars twire not thou gild'st the even.
 But day doth daily draw my sorrows longer,
 And night doth nightly make grief's length
seem stronger.

Как возвратиться мог я бодрым и веселым,
Когда отягощен был путь трудом тяжелым
И тягости дневной не облегчала тень,
Когда день ночь теснил, а ночь томила день –
И оба, меж собой враждуя, лишь зарями
Сближались затем, чтоб угнетать меня,
Один – трудом дневным, другая же, скорбя,
Что я тружусь один, – слезами и мольбами.

Чтоб угодить, я дню твержу, что ты светла
И свет ему даешь, когда на небе мгла,
А ночи говорю, что взор твой позлащает
Глубь тьмы ее, когда в ней месяц потухает.
Так умножает грусть мне каждый новый день,
А ночь, сходя вослед, усиливает тень.

Перевод Н.В. Гербеля

Как я могу вернуть себе покой,
Лишенный сна и благ отдохновенья?
Мне ночь не облегчает труд дневной,
День вносит в ночь, ночь вносит в день мученья.
И день, и ночь, забыв вражду друг с другом,
Чтоб сжить меня, друг другу руку дали,
Один трудом, другой – как злым недугом,
При мысли о меж нас лежащей дали.
Чтоб дню польстить, сказал я, что ты ясен,
Когда нет солнца, только в непогоду;
А ночи – что ты можешь быть прекрасен,
Когда не красят звезды неба своды.
Но ежедневно скорбь моя длиннее,
А ночью сила горя все сильнее.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXIX

When, in disgrace with fortune and men's eyes
I all alone bewEEP my outcast state,
And trouble deaf heaven with my bootless cries,
And look upon myself and curse my fate,
Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him with friends possess'd,
Desiring this man's art and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;
Yet in these thoughts myself almost despising,
Haply I think on thee, – and then my state,
Like to the lark at break of day arising
From sullen earth, sings hymns at heaven's gate;
 For thy sweet love remember'd such wealth brings
 That then I scorn to change my state with kings.

Когда, гонимый злом, Фортуной и друзьями,
Оплакиваю я несчастье свое,
Стараюсь твердь смягчить напрасными мольбами
И проклиная все – себя и бытие;
Когда я походить желаю на благого,
Иметь его черты, иметь его друзей,
Таланты одного и доблести другого
И – недоволен всем, всей внешностью своей:
Тогда – хоть я себя почти что презираю –

При мысли о тебе, как ласточка с зарей,
Несущаяя ввысь над дремлющей землей,
Свой гимн у врат небес я снова начинаю,
Затем что, раз в любви явившись богачом,
Не поменяюсь, друг, я местом с королем.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда, гонимый и людьми, и роком,
Один с собой, в отчаянии диком,
Я глушь небес тревожу тщетным криком,
Гляжу на мир ожесточенным оком,
Желая быть надеждами богаче,
Красивее, всегда среди друзей,
Искуснее, не зная неудачи,
И ненавижу все в судьбе моей, –
Я, сам себя за это презирая,
Вдруг вспомню о тебе – и в небеса
(Как жаворонок на заре с лица
Земли) несу мой гимн в преддверье рая...
Так, только вспомнив о любви твоей,
Я презираю жребий королей.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXX

When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:
Then can I drown an eye, unused to flow,
For precious friends hid in death's dateless night,
And weep afresh love's long since cancell'd woe,
And moan the expense of many a vanish'd sight:
Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoaned moan,
Which I new pay as if not paid before.
 But if the while I think on thee, dear friend,
 All losses are restor'd and sorrows end.

Когда наедине я мыслью пробегаю
Тяжелый длинный ряд пережитых потерь,
О скольких близких мне я тяжело вздыхаю,
О скольких радостях, несбыточных теперь.
И плачу я о тех, кто в холоде могилы
Нашел себе покой от жизненных скорбей,
И снова предо мной, исполненные силы,
Встают знакомые мне образы людей.
И снова предо мной мои воспоминанья,

И бесконечный ряд пережитых невзгод,
И слезы прошлые, и прошлые страдания,
Я с вами вновь свожу наш позабытый счет.
И если в этот миг тебя я вспоминаю,
Забыто прошлое, я слезы отираю.

Перевод И.А. Мамуны

Когда, в мечты свои душою погруженный,
Я вспоминаю путь, когда-то мной пройденный,
Мне много вспоминать приходится потерь
И сгибшее давно оплакивать теперь.
Отвыкшие от слез глаза их вновь роняют
По дорогим друзьям, что мирно почивают –
И, плача о своих остынувших страстях,
Я сетую о злом оплаченных мечтах.
И я над чашей зол испитых изнываю
И в памяти своей, скорбя, перебираю
Печальный счет всего, что в жизни пережил,
Выплачивая то, что раз уж уплатил.
Но если о тебе при этом вспоминаю –
Всем горестям конец: я счастье обретаю.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда в тиши, средь думы молчаливой,
Я вызываю память дней былых,
Оплакиваю смерть поры счастливой,
По-прежнему скорбя о тенях дорогих, –

Когда иссохшие влажнеют очи,
И, горестно тоскуя о друзьях,
Сокрытых смертью в беспросветной ночи,
Я воскрешаю облик их в слезах;
Тогда, печалясь о былой печали,
Я возвращаю им мою любовь,
Как будто слез моих они не знали
И ждали быть оплаканными вновь...

Но только вспомню о тебе, мой милый,
Все прошлое покрыто вновь могилой.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXI

Thy bosom is endeared with all hearts,
Which I by lacking have supposed dead,
And there reigns Love, and all Love's loving parts,
And all those friends which I thought buried.
How many a holy and obsequious tear
Hath dear religious love stol'n from mine eye,
As interest of the dead, which now appear
But things removed that hidden in thee lie!
Thou art the grave where buried love doth live,
Hung with the trophies of my lovers gone,
Who all their parts of me to thee did give;
That due of many now is thine alone:
 Their images I loved I view in thee,
 And thou – all they – hast all the all of me.

Твоя прияла грудь все мертвые сердца;
Их в жизни этой нет, я мертвыми их мнил;
И у тебя в груди любви их нет конца,
В ней все мои друзья, которых схоронил.
Надгробных пролил я близ мертвых много слез,
Перед гробами их как дань любви живой!
Благоговейно им, умершим, в дань принес;
Они теперь в тебе, они живут с тобой.
И смотришь ты теперь могилую живой,

На ней и блеск, и свет скончавшихся друзей,
Я передал их всех душе твоей одной,
Что многим я давал, то отдал только ей.
Их лики милые в себе объедини,
Имеешь также ты своим – всего меня!

Перевод К.К. Случевского

Мой друг, в твоей груди сердца те обитают,
Что – думал я – в стране теней уже витают;
Царят же в ней любовь с утехами ея
И для меня давно погибшие друзья.
Как много слез любовь коварно похитила
Из глаз моих как дань погибнувшим друзьям,
Тогда как ты их всех в себе самой укрыла –
И вот до этих пор лежат они все там!
Могила ты, где страсть живет, как под землею,
Украшенная вдруг трофеями друзей,
Отдавшими тебе все данное им мною –
И вот принадлежит все вновь тебе, моей.
Ты образами их в глазах моих светлеешь
И через них теперь всего меня имеешь.

Перевод Н.В. Гербеля

В твоей груди вместились все сердца,
Которых я, лишась, считал теньями:
И там царит вся нежность без конца,
Что схоронил я с прежними друзьями.

Как много слез и стонов к небесам
Благоговейной дружбою пролито
Над гробом их! Но вижу – нет их там:
Они в тебе покоются, сокрыты.
Ты – усыпальница любви живой
С трофеями любви похороненной
Былых друзей. Они слились с тобой
В хранилище любви объединенной!
Их образы в твоём лице нося,
Ты с ними мне отныне все и вся.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXII

If thou survive my well-contented day,
When that churl Death my bones with dust shall
cover,
And shalt by fortune once more re-survey
These poor rude lines of thy deceased lover,
Compare them with the bettering of the time,
And though they be outstripp'd by every pen,
Reserve them for my love, not for their rhyme,
Exceeded by the height of happier men.
O, then vouchsafe me but this loving thought:
'Had my friend's Muse grown with this growing age,
A dearer birth than this his love had brought,
To march in ranks of better equipage:
 But since he died and poets better prove,
 Theirs for their style I'll read, his for his love'.

Когда в блаженный час от жизни отойду,
И ты переживешь меня и невзначай
Прочтешь мои стихи, что в рифму я кладу,
Ты неумелости стиха не замечай!
С годами уровень людских умов растет;
Писанья лучшие в законный срок придут!
Но ты люби мой стих; ведь в нем любовь живет,
Любовью, мнится мне, меня не превзойдут!

И в благосклонности к нему скажи скорей,
Что если б я, твой друг, я был еще в живых
И дожил до иных, намного лучших дней –
То стал бы я писать не хуже всех других.
Когда б не умер я, твой друг, я лучше б стал –
Они стихом берут, а я любовью взял.

Перевод К.К. Случевского

О, если ты тот день переживешь печальный,
В который смерть меня в ком грязи превратит,
И будешь этот гимн просматривать прощальный,
Исшедший из души того, кто уж зарыт, –
Сравни его стихи с позднейшими стихами –
И сохрани его не ради рифм пустых,
Подбор которых так приятен для иных,
А ради чувств моих, измученных страстями.
Ты вспомни обо мне тогда – и возвести:
«Когда бы с веком мог талант его расти,
Любовь бы помогла создать ему творенья,
Достойные стоять всех выше, без сомненья;
Но так как он в гробу, певцы ж родятся вновь,
То буду всех читать: им – честь, ему – любовь».

Перевод Н.В. Гербеля

О, если ты меня переживешь,
Когда давно истлеет тело это,
И как-нибудь случайно перечтешь

Нескладный стих поклонника-поэта, –
Сравни его с стихом позднейшим века,
И, хоть он много будет превзойден,
В нем чтя не рифмы, – сердце человека,
Который был тобой поработан, –
Утешь меня, любовно помышляя:
«Когда б стихи покойника могли
Идти за веком, дружбу воспевая,
Они бы лучших слогом превзошли.
Но раз, что умер он, я чту искусство
У стихотворцев века, в нем же – чувство».

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXIII

Full many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain-tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy;
Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:
Even so my sun one early morn did shine
With all-triumphant splendour on my brow;
But out, alack! he was but one hour mine;
The region cloud hath mask'd him from me now.
 Yet him for this my love no whit disdaineth;
 Suns of the world may stain when heaven's
sun staineth.

Не раз я видел, как восход багряный
Вершины гор властительно ласкал,
И целовал зеленые поляны,
И в бледных речках золотом сверкал;
Иль солнца лик блестящий, ярче злата,
Покрову туч давал себя затмить
И, крадучись, незримый, до заката
Старался взор свой недовольный скрыть.

Так для меня в час утренний, ликуя,
Сияло солнце сердца моего, –
Увы, на краткий час! С тех пор, тоскуя,
За мглюю туч не вижу я его...
Что ж! Солнце неба меркнет столь бесславно
Пред тучами: земное – и подавно.

Перевод Н.А. Холодковского

Как часто видел я прекрасную Аврору,
Когда златились вокруг луга, холмы и лес,
Покорные ее ласкающему взору,
И рдели ручейки алхимией небес.
Но тучам вслед, она покорно позволяла
Топтать в пути свое небесное лицо –
И, нисходя с небес, позорно укрывала
На западе во тьме лучей своих кольцо.
Увы, так и мое светило дня сначала
Победно надо мной горело и блистало,
Явившись лишь на миг восторженным очам!
Теперь же блеск его вновь туча затмевает.
Но страсть моя за то его не презирает:
Пусть меркнет солнце здесь, коль нет его и там!

Перевод Н.В. Гербеля

Как часто по утрам светило дня –
Вершины гор по-царски украшая,
И золотя зеленые поля,

И радугой потоки освещая, –
Дает внезапно безобразной туче
Его небесный лик заволокнуть
И, спрятав от земли свой облик жгучий,
Незримо к западу свершает путь.
Так солнце сердца чуть лишь озарило
Всеторжествующе мое чело,
Как туча черная его затмила,
Но не затмила чувства моего...
Земных ли солнц бессменно светел луч,
Коль солнцу неба не избегнуть туч?!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXIV

Why didst thou promise such a beauteous day
And make me travel forth without my cloak,
To let base clouds o'ertake me in my way,
Hiding thy bravery in their rotten smoke?
'Tis not enough that through the cloud thou break,
To dry the rain on my storm-beaten face,
For no man well of such a salve can speak
That heals the wound and cures not the disgrace:
Nor can thy shame give physic to my grief;
Though thou repent, yet I have still the loss:
The offender's sorrow lends but weak relief
To him that bears the strong offence's cross.
 Ah! but those tears are pearl which thy love sheds,
 And they are rich and ransom all ill deeds.

Зачем пророчить день такой прекрасный было
И приказать мне в путь пуститься без плаща,
Чтоб облако в пути чело мне омрачило
И взор лишило мой очей твоих луча?
Что пользы в том, что луч тот, выйдя из-за тучи,
Следы дождя на мне способен осушить?
Не станет же никто хвалить бальзам пахучий,
Что и врачую, боль не в силах уменьшить.
Так и в стыде твоём не будет исцеленья,

А сожаленье мне утрат не возвратит,
Затем что не найти в отмщенье облегченья
Тому, кто уж несет тяжелый крест обид.
Слеза ж твоя – жемчуг, уроненный любовью:
Она лишь искупить все может, словно кровью.

Перевод Н.В. Гербеля

Зачем ты чудный день мне посулил?
Я вышел без плаща, и туча злая
Мне преградила путь. Дождь ливня лил,
И лик твой светлый скрыла мгла сырая.
Мне мало, что твой луч блеснет на миг,
Следы дождя с лица мне осушая:
Почет тому бальзаму невелик,
Что лечит рану, боли не смягчая.
Твой стыд, мой друг, не есть еще награда.
От сожалений язва не пройдет.
Печаль обидчика – ничтожная отрада
Тому, кто крест лишения несет.
Но капля слез твоих, как перл бесценный,
Для всяких зол целитель несомненный!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXV

No more be grieved at that which thou hast done:
Roses have thorns, and silver fountains mud;
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud.
All men make faults, and even I in this,
Authorizing thy trespass with compare,
Myself corrupting, salving thy amiss,
Excusing thy sins more than thy sins are;
For to thy sensual fault I bring in sense, –
Thy adverse party is thy advocate, –
And 'gainst myself a lawful plea commence:
Such civil war is in my love and hate
 That I an accessory needs must be,
 To that sweet thief which sourly robs from me.

К чему о сделанном твои мученья?
У розы есть шипы, в фонтанах тина,
Луна и солнце ведают затмения,
Червей таит бутонов сердцевина.
Все люди ошибаются – я с ними,
Искусно подбирая здесь сравненья,
Готов ошибки называть пустыми,
Чтоб оправдать и больше преступленья.
Я чувственность рассудком разбираю,

Ее врага в защитники зову я.
Так сам с собой я тяжбу начинаю,
А ненависть с любовью ждут, враждуя,
 Как буду я, ограбленный тобою,
 Мой милый вор, потворствовать разбою.

Перевод Б.В. Бера

Довольно о своем проступке сожалеть:
На розе есть шипы и грязь в ручье сребристом;
И солнцу, и луне случается тускнеть;
Живет же и червяк в венце цветка душистом.
Все грешны на земле – и сам в том грешен я,
Что поощрял твои сравнением проступки.
Льщусь подкупить себя, чтоб оправдать тебя –
И нахожу исход грехам моей голубки.
Не будет речь моя к грехам твоим строга:
Став адвокатом вновь из прежнего врага,
Я строгий иск начну против себя – и скоро
Меж страстию моей и ненавистью злой,
Кипящими в груди, возникнет ярый бой
Из-за проказ со мной хорошенького вора.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой друг, поступок твой предай забвенью!
У розы есть шипы, есть ил в ключе,
У солнца и луны – туман, затменья, –
Зловредный червь встречается в цветке.

Все люди грешны, ведь грешу и я,
Твои обиды быстро извиняя;
Тебе в угоду, сам себе вреда,
Я, что бы ты ни делал, все прощаю.
Грехи твои моя любовь встречает:
Противник твой, защитником являсь,
Сам на себя же встречный иск вчиняет
И, сам против себя вооружась,
Стремится быть судьей, чтоб оправдать
Во всем тебя, о мой прелестный тать!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXVI

Let me confess that we two must be twain,
Although our undivided loves are one:
So shall those blots that do with me remain,
Without thy help, by me be borne alone.
In our two loves there is but one respect,
Though in our lives a separable spite,
Which though it alter not love's sole effect,
Yet doth it steal sweet hours from love's delight.
I may not evermore acknowledge thee,
Lest my bewailed guilt should do thee shame,
Nor thou with public kindness honour me,
Unless thou take that honour from thy name:
 But do not so; I love thee in such sort,
 As, thou being mine, mine is thy good report.

Любовь, что нас с тобой в одно соединяет,
С тем вместе, милый друг, и резко разделяет –
И гибельный позор, что стал судьбой моей,
Приходится мне несть без помощи твоей.
К одной лишь стороне суждения не строги;
А в жизни нас с тобой ждут разные тревоги,
Которые, хоть в нас любви не истребят,
Но множества часов блаженства нас лишат.
Мне без того нельзя почтить тебя признаньем,

Чтоб грех мой на тебя – увы! – не пал стыдом,
А ты не можешь, друг, почтить меня вниманьем,
Чтоб не покрыть себя чудовищным пятном.
Я ж так люблю тебя, что мне уже мученье
Услышать о тебе и слово в осужденье.

Перевод Н.В. Гербеля

Сознаемся, пора нам раздвоиться,
Хотя любовь в нас, как была, одна.
На мне одном позор пусть отразится,
Пусть будешь ты, как прежде, без пятна.
Пусть наши чувства будут той же пробы,
Но жизни нашей – разные пути.
Хоть мы остались неизменны оба,
Но светлых встреч нам больше не найти.
Отныне я при всех тебе чужой,
Дабы тебя не запятнал мой стыд:
И ты будь в людях холоден со мной,
Иначе свет тебя не пощадит.
Пусть будет так! Я так люблю тебя,
Что, раз ты мой, и честь твоя – моя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXVII

As a decrepit father takes delight
To see his active child do deeds of youth,
So I, made lame by Fortune's dearest spite,
Take all my comfort of thy worth and truth.
For whether beauty, birth, or wealth, or wit,
Or any of these all, or all, or more,
Entitled in thy parts, do crowned sit,
I make my love engrafted, to this store:
So then I am not lame, poor, nor despis'd,
Whilst that this shadow doth such substance give
That I in thy abundance am suffic'd,
And by a part of all thy glory live.

Look what is best, that best I wish in thee:
This wish I have; then ten times happy me!

Как сторбленный отец огнем очей живых
Приветствует шаги окрепнувшего сына –
Ах, так и я, чью жизнь разрушила судьбина,
Отраду нахожу в достоинствах твоих!
О, если красота, богатство, ум, рожденье,
Иль что-нибудь одно, иль все, что я назвал,
Воздвигли в ком-нибудь свой трон на удивленье,
А я привил к ним страсть, которой воспылал,
То я уж не бедняк, несчастный и презренный,

Покамест, облачен в покров их драгоценный,
Могу всех благ твоих владыкой полным быть
И частию твоей священной славы жить.
Все, что я вижу вкруг, иметь тебе желаю;
Когда ж получишь все – я блага все познаю.

Перевод Н.В. Гербеля

Как дряхлый старец смотрит с наслажденьем
На резвость сына в удалой потехе,
Так нахожу я, бедный, утешенье
Средь неудач моих в твоём успехе.
Богатство ль, знатность, ум, краса найдут –
Одно ль из них, иль все, иль даже боле –
В твоей судьбе свой царственный приют,
Я приобщен к твоей счастливой доле,
Я больше не убог, не презираем,
Коль эти блага вижу наяву,
И мой ноябрь сияет светлым маем,
И радостью твоей я вновь живу!
Так выбирай; и все, что хочешь ты,
Осуществясь, – венец моей мечты!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXVIII

How can my Muse want subject to invent,
While thou dost breathe, that pour'st into my verse
Thine own sweet argument, too excellent
For every vulgar paper to rehearse?
O, give thyself the thanks, if aught in me
Worthy perusal stand against thy sight;
For who's so dumb that cannot write to thee,
When thou thyself dost give invention light?
Be thou the tenth Muse, ten times more in worth
Than those old nine which rhymers invoke;
And he that calls on thee, let him bring forth
Eternal numbers to outlive long date.

 If my slight Muse do please these curious days,
 The pain be mine, but thine shall be the praise.

Не может Муза в снах и вымыслах нуждаться,
Покамест будет в стих мой пламенный вливаться
Твоих мыслений рой, которым было б грех
В величии своем доступным стать для всех.
Благодари себя, когда мои созданья
Проявят что-нибудь, достойное вниманья!
И как мне не найти на песнь себе ума,
Когда снабжаешь мозг мой крыльями сама?
Будь музой же сама, десятою по счету

И лучшей в десять раз, чем старые, кому
Петь гимны не унять в поэтах нам охоту,
И за собой веди достойных славы тьму.
Когда ж мои стихи прославятся молвою,
Пусть труд живет со мной, а похвала с тобою!

Перевод Н.В. Гербеля

Моей ли музе нужно вдохновенья,
Пока жив ты, вливающий в мой стих
Отраду чар твоих, для сочинений
Писак грошовых слишком дорогих?
Благодари себя, коль что-нибудь
Я написал достойное вниманья.
Ты и немому мог бы песнь вдохнуть,
Когда ты сам источник дарованья.
Будь новой музой, в десять раз прелестней
Чем девять прежних [муз для] рифмачей!
Поэту твоему в бессмертной песне
Дай славить в вечность блеск твоих очей!
И если стих мой проживет века, –
Труд будет мой, но слава вся твоя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XXXIX

O! how thy worth with manners may I sing,
When thou art all the better part of me?
What can mine own praise to mine own self bring?
And what is't but mine own when I praise thee?
Even for this let us divided live,
And our dear love lose name of single one,
That by this separation I may give
That due to thee which thou deservest alone.
O absence, what a torment wouldst thou prove,
Were it not thy sour leisure gave sweet leave
To entertain the time with thoughts of love,
Which time and thoughts so sweetly doth deceive,
 And that thou teachest how to make one twain,
 By praising him here who doth hence remain.

Могу ли восхвалять достоинства твои,
Когда ты часть – меня и целое – любви?
Хваля себя, увы! я время лишь теряю,
А чествуя тебя, себя лишь прославляю.
Поэтому-то нам отдельно надо жить,
Чтоб наша не могла любовь единой быть
И чтоб я мог, когда вниманья удостоишь,
Воздать тебе хвалу, какой один ты стоишь.
Разлука! О, каким была б мученьем ты,

Когда б кровавых мук твоих не подслащала
Возможность посвящать любви свои мечты,
С которыми впросак и Время попадало.
Ты научаешь нас сливаться всех в одно,
Хвала того, кому вдали жить суждено.

Перевод Н.В. Гербеля

Как мне твои заслуги воспевать,
Когда ты часть, и лучшая, моя?
Что могут похвалы себе мне дать?
Что в том мое, в чем я хвалю тебя?
Поэтому нам надо разойтись
И наших светлых чувств порвать звено,
Чтоб, разлучившись, лишь к тебе неслись
Хвалы за то, что лишь тебе дано.
Разлука! Как бы ты была тяжка,
Когда б досуга тягостное бремя –
Обманывающая помыслы и время –
Не красила любовная мечта,
Когда бы ты не позволяла нам
Петь здесь о том, что так далеко там!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XL

Take all my loves, my love, yea, take them all;
What hast thou then more than thou hadst before?
No love, my love, that thou mayst true love call;
All mine was thine before thou hadst this more.
Then if for my love thou my love receivest,
I cannot blame thee for my love thou usest;
But yet be blamed, if thou thyself deceivest
By wilful taste of what thyself refuseth.
I do forgive thy robbery, gentle thief,
Although thou steal thee all my poverty;
And yet, love knows, it is a greater grief
To bear love's wrong, than hate's known injury.
Lascivious grace, in whom all ill well shows,
Kill me with spites, yet we must not be foes.

Возьми себе все то, что я люблю, мой друг:
Но к прежнему всему не много то прибавит,
Ведь все, что мог бы дать тебе любви досуг,
Уже давно тебя и нежит и забавит.
Я не могу за то сердиться на тебя,
Что ты в делах любви владеешь лучшей долей;
Но грех тебе, когда, влекомый злою волей,
Берешь, что после прочь бросаешь от себя.
Я извиню тебе покражу, похититель,

Когда ты оберешь и всю мою обитель,
Хотя щипки любви бывают тяжелей,
Всей желчности людской и ярости их всей.
О, сладострастье, зло златящее лучами,
Убей меня, но быть не можем мы врагами!

Перевод Н.В. Гербеля

Все, все мои любви, да, все возьми!
Но станешь ли от этого богаче?
Верней моей не назовешь любви:
Она не больше станет от придачи.
Когда, любя, любовь мою возьмешь,
Я буду рад, что ею обладаешь:
Но больно, если сам себе ты лжешь,
По прихоти взяв то, что отвергаешь.
Прелестный вор! Прощаю я тебя,
Хоть ты украл все, что имел я, бедный.
Мы больше сокрушаемся, терпя
Зло от любви, чем от вражды победной.
О неги власть, где зло глядит добром,
Убей меня – не будешь ты врагом!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLI

Those pretty wrongs that liberty commits,
When I am sometime absent from thy heart,
Thy beauty and thy years full well befits,
For still temptation follows where thou art.
Gentle thou art, and therefore to be won,
Beauteous thou art, therefore to be assailed;
And when a woman woos, what woman's son
Will sourly leave her till he have prevailed?
Ay me! but yet thou mightst my seat forbear,
And chide thy beauty and thy straying youth,
Who lead thee in their riot even there
Where thou art forced to break a twofold truth,
 Hers, by thy beauty tempting her to thee,
 Thine, by thy beauty being false to me.

Грехи любви, что совершаешь ты,
Из сердца вырвав образ мой влюбленный,
Естественны для юной красоты,
Со всех сторон соблазном окруженной.
Красив ты: ласки нравятся твои;
Ты нежен – ты поддашься оболъщению,
И если ищет женщина любви,
Сын женщины ль ответит ей презреньем?
Но все-таки будь сдержанней порой.

Брани красу и сердца легковёрность;
Ты вовлечен ведь ими в грех двойной,
И знай, ты дважды нарушаешь верность:
Ее – красой своею соблазня,
Свою же тем, что позабыл меня.

Перевод П.Н. Краснова

Различные грешки, рожденные свободой,
Когда, расставшись, я не вижуся с тобой,
Не прочь сойтись ладком с твоею красотой,
Затем что идут вслед тебе соблазн с природой.
Ты юн – и потому способен быть прельщен;
Ты статен и красив – и будешь осажден;
А с женщиной сойдясь из тех, кто в свет рождается,
Непобежденным вспять едва ль кто возвратится.
Но ты бы, милый друг, мог пощадить меня
И не давать страстям и юности мятежной
На путь тот направлять заблудшего себя,
Где должен будешь ты попать две клятвы нежных:
Ее – сразив ее своею красотой,
И лживую свою, слукавивши со мной.

Перевод Н.В. Гербеля

Твои грешки, исчадия свободы,
Когда далек я сердцу и очам,
Увы, понятны в молодые годы:
Соблазн идет за ними по пятам.

Приветлив ты, а стало быть, доступен;
Хорош собой – так стоишь быть пленен.
В глазах людей сын женщины преступен,
Пока в влюбленную он не влюблен.
Но все ж ты мог бы пощадить меня
И укротить красу и юный пыл,
Что, опьянив, свели тебя туда,
Где разом ты две клятвы преступил:
Ее – своей красой ее пленя,
Свою – жестоко обманув меня.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLII

That thou hast her, it is not all my grief,
And yet it may be said I loved her dearly;
That she hath thee, is of my wailing chief,
A loss in love that touches me more nearly.
Loving offenders, thus I will excuse ye:
Thou dost love her, because thou know'st I love her;
And for my sake even so doth she abuse me,
Suffering my friend for my sake to approve her.
If I lose thee, my loss is my love's gain,
And losing her, my friend hath found that loss;
Both find each other, and I lose both twain,
And both for my sake lay on me this cross:
 But here's the joy; my friend and I are one;
 Sweet flattery! then she loves but me alone.

Она твоя – я не о том горюю,
Хотя люблю ее я горячо.
Что ты ее, – об этом слезы лью я:
Тебя утратить мне больней еще.
Изменники! Вас все ж я извиняю.
Ты полюбил ее за то, что я
Ее люблю, – она ж, тебя лаская,
Нежна к тебе, конечно, для меня.
Тебя утрачу – выигрыш подруги;

Утрачу ли ее – ты приобрел.
Теряю я; но вы нашли друг друга,
И ради вас мне крест мой не тяжел.
Ведь друг и я – одно, и я лелею
В душе мечту, что я любим лишь ею.

Перевод П.Н. Краснова

Не в том беда, что ты красоткой обладаешь,
Хоть горячо ее любил я – понимаешь,
А в том, что и она владеет уж тобой;
А это тяжелей всего мне, милый мой.
Но я молчу, своих обидчиков прощая:
Ты любишь потому, что я люблю ее;
Она ж кидает тень на счастье мое,
Тебе любить себя открыто позволяя.
Расстанься с ним – она его приобретет;
А потеряй ее – мой друг ее возьмет;
Они сойдутся, я ж обоих потеряю,
Причем мне оба крест на плечи взвалят – знаю.
Но вот в чем счастье: друг и я одно звено,
И значит, что любим я ею с ним равно.

Перевод Н.В. Гербеля

Что ты ее имел – не в том беда!
Хотя, скажу, ее любил я нежно.
И то, что ты ей сердцем отдался,
Тревожит скорбно сон мой безмятежный.

Изменники! Я так вас извиняю:
Ее любил ты, зная, что она
Моя: она ж тебя, мне изменяя,
В любовники взяла из-за меня.
Лишась тебя, я милой угождаю, —
Ее утратив, радую тебя:
Вы прибыли, я ж убыли считаю
И крест несу, что дали вы, любя.
 Но счастье в том, что мы одно с тобою,
 А значит, я один любим одною!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLIII

When most I wink, then do mine eyes best see,
For all the day they view things unrespected;
But when I sleep, in dreams they look on thee,
And darkly bright, are bright in dark directed.
Then thou, whose shadow shadows doth make bright,
How would thy shadow's form form happy show
To the clear day with thy much clearer light,
When to unseeing eyes thy shade shines so!
How would, I say, mine eyes be blessed made
By looking on thee in the living day,
When in dead night thy fair imperfect shade
Through heavy sleep on sightless eyes doth stay!
 All days are nights to see till I see thee,
 And nights bright days when dreams do show
thee me.

Глаза мои, укрыв под веками себя,
Не никнут уж, сойдясь с немилым им предметом,
Затем что смотрят лишь на чудную тебя –
И тьма ложится в прах и делается светом.
А ты, чья тень на тьму кидает тихий свет,
Как ярко б заблестал твой образ средь планет,
Когда и тень твоя, представ во мраке ночи,
Могла мне озарить невидящие очи!

И что за благодать была б для глаз моих
Увидеть образ твой в игре лучей дневных,
Когда и тень твоя, с неясными чертами,
Среди ночи и во сне мелькает пред глазами.
Когда ты не со мной, я вижу ночь во дне.
И ночь сияет днем, лишь явишься ко мне.

Перевод Н.В. Гербеля

Я вижу лучше, закрывая очи:
В течение дня их пошлости спелят.
Когда же сплю, во сне, среди мрака ночи,
В тьму на тебя, блестя, они глядят.
И ты тогда, чья тени тень сияет,
Как можешь быть сравнен с сияньем дня,
Когда твой свет светлее дня блистает,
И тень слепит закрытые глаза?
Как дать очам мне счастье лицезренья
Твоей сияющей услады днем,
Когда во тьме лишь тени отраженье
Сквозь сон блистает в сумраке ночном?
Мне день – что ночь, когда ты не со мной,
А ночь мне день: ведь я во сне с тобой!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLIV

If the dull substance of my flesh were thought,
Injurious distance should not stop my way;
For then despite of space I would be brought,
From limits far remote, where thou dost stay.
No matter then although my foot did stand
Upon the farthest earth removed from thee;
For nimble thought can jump both sea and land,
As soon as think the place where he would be.
But, ah! thought kills me that I am not thought,
To leap large lengths of miles when thou art gone,
But that so much of earth and water wrought,
I must attend time's leisure with my moan,
 Receiving nought by elements so slow
 But heavy tears, badges of either's woe.

Когда мое, как мысль, легко бы тело было,
Ничто бы в мире всем мне путь не преградило,
И вопреки всему – природе и судьбе –
Я с мира рубежа примчался бы к тебе.
Тогда, хотя б в тот миг стопы мои стояли
На вечных ледниках окраины земли,
Мгновенно бы меня желания умчали,
А вихри чрез моря к тебе перенесли.
Но мысль меня гнетет, что я – не мысль, и следом

Носиться не могу, царица, за тобой,
А принужден водой и матерью-землей
С слезами ожидать конца грядущим бедам –
И ничего от двух стихий не получить,
За исключением слез, сужденных им точить.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда бы в мысль вдруг обратилась плоть,
То не было б обиды расстоянья,
И я бы мог пространство побороть,
Лететь к тебе по прихоти мечтанья.
Не все ль равно, где б ни был я тогда,
Хотя б в пределах самых дальних мира?
Для мысли что вершины гор, вода?
Везде ей путь до своего кумира.
Но горе! Я не мысль; преодолеть
Мне не дано земной и водной дали,
И вдалеке осталось лишь скорбеть
И гнать досуг в безвыходной печали...
 Стихии грузные земли и моря
 Источник вечный слез людского горя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLV

The other two, slight air and purging fire
Are both with thee, wherever I abide;
The first my thought, the other my desire,
These present-absent with swift motion slide.
For when these quicker elements are gone
In tender embassy of love to thee,
My life, being made of four, with two alone
Sinks down to death, oppress'd with melancholy;
Until life's composition be recured
By those swift messengers return'd from thee,
Who even but now come back again, assured,
Of thy fair health, recounting it to me:
 This told, I joy; but then no longer glad,
 I send them back again, and straight grow sad.

Другие ж две – огонь и воздух легкокрылый –
Всегда с тобой, где б твой ни находился милый.
И бережно несут, легко, как тихий вздох,
Один – мои мечты, другой – мои желанья.
Когда же эти два крылатые созданья
Уходят – жизнь моя, сложась из четырех
Стихий, течет с двумя и, молча, до тех пор,
Склонясь на смертный одр, тоской на нем томится.
Пока чета послов к одру не возвратится

И не вернется в грудь огонь, живящий взор.
Теперь они со мной, свершивши путь свой дальний,
И шепчут, что огнем в ней бьет живая кровь.
Я радуюсь тому – и тотчас же шлю вновь
К тебе их, милый друг, разбитый и печальный.

Перевод Н.В. Гербеля

Другие обе – воздуха, огня –
Всегда с тобою, где бы ни был я:
Одна как мысль, другая как желанье
В движении не знают расстоянья.
Когда две эти легкие стихии
Летят к тебе посланцами любви,
Меня мертвят две грузные другие
И будят вопль в измученной груди,
Пока покоя мне не возвратят
Два быстрые посланника мои
И не расскажут, прилетев назад,
Здоров ли ты и как живешь вдали.
Тогда я рад. Но вскоре, вновь тоскуя,
Посланцами к тебе опять их шлю я.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLVI

Mine eye and heart are at a mortal war
How to divide the conquest of thy sight;
Mine eye my heart thy picture's sight would bar,
My heart mine eye the freedom of that right.
My heart doth plead that thou in him dost lie, –
A closet never pierced with crystal eyes –
But the defendant doth that plea deny
And says in him thy fair appearance lies.
To side this title is impannelled
A quest of thoughts, all tenants to the heart;
And by their verdict is determined
The clear eye's moiety and the dear heart's part:
 As thus; mine eye's due is thy outward part,
 And my heart's right thy inward love of heart.

Глаза и сердце в бой вступают меж собою,
Чтоб разделить восторг твоею красотою.
Глаза мои хотят от сердца заслонить
Твой образ; сердце ж прав желает их лишить –
И говорит, что ты, мой друг, в нем обитаешь,
В убежище, куда не проникает глаз;
Глаза же говорят при этом каждый раз,
Что ты во всей красе в их блеске восседаешь.
Чтоб этот спор решить, приходится спросить

У мыслей, в сердце том живущих непрестанно, –
И мощный голос их спешит определить
Что сердцу, что глазам в тебе принадлежит:
«Глазам принадлежит наружное безданно,
А сердцу – право быть близ сердца постоянно».

Перевод Н.В. Гербеля

Мои глаза и сердце в вечном споре,
Как разделить права на облик твой.
Одни твердят – твой лик в любовном взоре,
А сердце отвечает – нет, он мой!
Он в сердце, в сердце пламенном сокрыт, –
В ларце закрытом, недоступном оку. –
Глаза же говорят – твой светлый вид
В них, в них одних запечатлен глубоко.
Чтоб разрешить по правде это дело,
Призвал я ум, как двух истцов звено.
Все обсудив и все обдумав зрело,
По совести так было решено:
 Моим глазам твой лик был присужден,
 А сердцу то, чем ум обворожен.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLVII

Betwixt mine eye and heart a league is took,
And each doth good turns now unto the other:
When that mine eye is famish'd for a look,
Or heart in love with sighs himself doth smother,
With my love's picture then my eye doth feast,
And to the painted banquet bids my heart;
Another time mine eye is my heart's guest
And in his thoughts of love doth share a part:
So, either by thy picture or my love,
Thyself away art present still with me;
For thou not farther than my thoughts canst move,
And I am still with them, and they with thee;
Or, if they sleep, thy picture in my sight
Awakes my heart to heart's and eye's delight.

Союз с глазами сердце заключило –
Всегда, во всем друг другу помогать,
Коль алчет взор увидеть образ милый
Иль сердце от тоски начнет вздыхать.
Коль твой портрет глаза мои чарует,
То сердце делит с ними этот пир.
У сердца очи в свой черед пируют,
Как полн тобой его мечтаний мир.
Так, твой портрет, моя любовь связала

Нас цепью неразрывною с тобой.
Ведь не уйдешь моих ты мыслей дале;
Ты, значит, в них; они ж всегда со мной.
И даже если сплю, твой образ дивный
Чарует взор и сердце непрерывно.

Перевод П.Н. Краснова

Блеск глаз и сердца бой склоняются друг к другу,
И каждый оказать другому мнит услугу.
Когда глаза тебя стремятся увидеть,
А сердце вздох в груди старается сдержать, –
Тогда глаза живут твоим изображеньем
И манят сердце вдаль, пленя наслажденьем;
Иной же раз глаза играют роль гостей
У сердца и мечтой с ним тешатся своей.
Итак, благодаря портрету или страсти,
Ты, и вдали живя, живешь всегда со мной,
Затем что мыслей ты избегнуть не во власти,
Когда я с ними век, они ж всегда с тобой;
А если и уснут, то образ твой здесь будет
И – на восторг глазам и сердцу – их разбудит.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой взор и сердце прекратили спор,
Решив войти друг с другом в соглашение:
Когда мои глаза твой жаждут взор,
Иль сердце ищет страсти утоленья,

Мои глаза рисуют облик твой
И просят сердце разделить их радость, –
В другой же раз у сердца пир горой,
И взор с ним грез любовных делит сладость.
Так, то любя, а то воображая,
Хотя вдали, но все же ты со мной.
И помыслы, тебя сопровождая,
А с ними я, всегда везде с тобой.
 Когда же спят они, то в мраке ночи
 Твой образ будит сердце вновь и очи.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLVIII

How careful was I when I took my way,
Each trifle under truest bars to thrust,
That to my use it might unused stay
From hands of falsehood, in sure wards of trust!
But thou, to whom my jewels trifles are,
Most worthy comfort, now my greatest grief,
Thou best of dearest and mine only care,
Art left the prey of every vulgar thief.
Thee have I not lock'd up in any chest,
Save where thou art not, though I feel thou art,
Within the gentle closure of my breast,
From whence at pleasure thou mayst come and part;
 And even thence thou wilt be stol'n, I fear,
 For truth proves thievish for a prize so dear.

Сбираясь в путь далекий, я убрал
Все вещи, что не взял с собою вместе,
И чтобы вор их дерзкий не украл,
Их запер под замок в надежном месте.
Ты ж лучшее сокровище мое, –
Мое блаженство и мое мученье, –
В сравненьи с чем все прочее ничто,
Оставлено вора на расхищенье.
Не запер я на ключ, в сундук, тебя...

Лишь там, где нет тебя и все ж ты вечно, –
В груди моей, – храню тебя любя.
И можешь ты уйти отсель беспечно...
Ах, могут у меня тебя украсть;
Из-за тебя и честный может пасть.

Перевод П.Н. Краснова

Сбираясь в путь и свой бросая уголок,
Я осторожно все припрятал под замок,
Чтоб все, что покидал, нетронутым осталось
И от лукавых рук все время охранялось.
Тебя ж, в сравненье с кем сокровища – ничто,
В ком блещет столько благ для сердца и для взора
И не решится с кем равнять себя никто,
Я не могу укрыть от рук простого вора.
Я ни в какой тебя не заключал тайник,
За вычетом того, где твой не блещет лик,
Хоть знаю, что он здесь – в груди моей – таится,
Откуда волен ты уйти и вновь явиться.
Но и оттуда, друг, возможность есть украсть,
Когда ты можешь влить и в добродетель страсть.

Перевод Н.В. Гербеля

Как бережно, пускаясь в дальний путь,
Я спрятал вещи в лари под замками,
Чтоб, возвратясь, найти их мог, ничуть
Не тронутых преступными руками.

Но ты, кто в мире мне всего ценней, –
Сокровище мое, отрада взору, –
По ком тоскую день и ночь сильней,
Тебя оставил я доступным вору,
Не запер на замок, но спрятал там,
Где хоть и нет тебя, но где очам
Души моей ты зрим – в моей груди, –
Всегда свободный выйти и прийти...
Но даже там не верю я затворам.
Чтоб взять тебя, и честный станет вором.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XLIX

Against that time, if ever that time come,
When I shall see thee frown on my defects,
When as thy love hath cast his utmost sum,
Call'd to that audit by advis'd respects;
Against that time when thou shalt strangely pass,
And scarcely greet me with that sun, thine eye,
When love, converted from the thing it was,
Shall reasons find of settled gravity;
Against that time do I ensconce me here,
Within the knowledge of mine own desert,
And this my hand, against my self uprear,
To guard the lawful reasons on thy part:
 To leave poor me thou hast the strength of laws,
 Since why to love I can allege no cause.

С порою той – не дай ей Бог настать! –
Когда, мои увидев недостатки,
Меня начнешь ты строго осуждать,
Любовь свою истратив без остатка;
С порою той, когда ты отвратишь
Свой солнце-взор, когда-то благосклонный,
Любовь свою в презренье обратишь,
Найдешь к холодности предлог законный, –
С порою тою ныне я борюсь,

Грехи свои заранее признавая.
На суд тебе охотно отдаюсь
И правоту твою благословляю.
Имеешь право ты меня забыть:
Ведь нет причин тебе меня любить.

Перевод П.Н. Краснова

Ко времени тому, что шествует вперед,
Когда оно, мой друг, когда-нибудь настанет,
Когда твой хмурый взгляд в мои пороки канет
И ты своей любви сведешь последний счет;
Ко времени тому, когда пройдешь ты мимо,
Приветствуя меня лучами глаз твоих,
И страсть, свои плоды раздавшая незримо,
Найдет причину вновь для взглядов ледяных, –
Ко времени тому готовиться я стану,
Стараясь сознать все промахи вполне,
И сам же на себя всей силою восстану,
Чтоб право на твоей сияло стороне.
Ты волен хоть сейчас навек со мной расстаться, –
Да и зачем тебе любить меня стараться?

Перевод Н.В. Гербеля

Готовясь к дню – неужли он придет? –
Когда и ты осудишь мой порок,
И, завершив любви минувшей счет,
Всему, что было, подведешь итог;

Готовясь к дню, когда пройдешь ты мимо,
В привет мне бросив равнодушный взгляд,
Кляня все то, что было так любимо, –
Когда любовь расчеты заменят, –
Я скроюсь здесь. Готовясь к дню тому,
В сознании гордом собственных заслуг,
Сам на себя я руку подниму,
Чтобы всегда, во всем был прав мой друг.
 Меня покинуть вправе ты, я знаю,
 Раз на любовь я прав не предъявляю.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет L

How heavy do I journey on the way,
When what I seek, my weary travel's end,
Doth teach that ease and that repose to say
'Thus far the miles are measured from thy friend!'
The beast that bears me, tired with my woe,
Plods dully on, to bear that weight in me,
As if by some instinct the wretch did know
His rider loved not speed, being made from thee:
The bloody spur cannot provoke him on
That sometimes anger thrusts into his hide;
Which heavily he answers with a groan,
More sharp to me than spurring to his side;
 For that same groan doth put this in my mind;
 My grief lies onward and my joy behind.

Свой дальний путь свершаю я лениво,
Ведь отдых, что меня в конце его
Манит, – я знаю, – мне шепнет тоскливо:
«Ах, сколько миль до друга твоего!»
Едва плетется конь, моей печалью,
Как тяжестью какой-то, утомлен.
Как будто чувствует он, что этой далью,
Что между нас растёт, я удручен.
В бока его и шпоры не вонзаю,

И если сгоряча толкну ногой,
То стону тяжкому коня внимаю
С такою же болезненной тоской.
Напомнит он, что ждет меня томленье,
Что позади и жизнь, и наслажденье...

Перевод П.Н. Краснова

Мой друг, как тяжело свой путь мне совершать,
Когда все то, чего душа моя желает –
Свершения пути – меня лишь заставляет,
Удобство и покой припомнивши, сказать:
«Как много миль тебя от друга отделяет!»
Под гнетом бед моих мой конь едва ступает,
Причем инстинкт ему как будто говорит,
Что всадник от тебя нисколько не спешит.
И шпоры, что порой мой гнев в него вонзает,
Не в силах ускорить тяжелый шаг его –
И он на них одним стенаньем отвечает,
Что для меня больней, чем шпоры для него, –
Затем что мне оно о том напоминает,
Что счастье – позади, а горе – ожидает.

Перевод Н.В. Гербеля

Как тяжело брести к концу скитанья,
Где ждет унылый отдых и досуг,
Внушая только вздох да причитанье:
«Как от меня далек мой нежный друг!»

Мой конь от тяжести моей печали
Плетется вял под седоком своим,
Как бы поняв всю безотрадность дали
Меж всадником и другом дорогим.
Напрасно он коня до крови шпорит;
Конь только злится, испуская стон,
Который моему так тяжело вторит,
Что я страдаю более чем он.

Ведь тот же самый стон мне шепчет: «Жди
Лишь скорбь в грядущем. Счастье позади!»

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LI

Thus can my love excuse the slow offence
Of my dull bearer when from thee I speed:
From where thou art why should I haste me thence?
Till I return, of posting is no need.
O, what excuse will my poor beast then find,
When swift extremity can seem but slow?
Then should I spur, though mounted on the wind;
In winged speed no motion shall I know:
Then can no horse with my desire keep pace;
Therefore desire, of perfect'st love being made,
Shall neigh – no dull flesh – in his fiery race;
But love, for love, thus shall excuse my jade,
 'Since from thee going, he went wilful-slow,
 Towards thee I'll run, and give him leave to go.'

Любовь прощает медленность коня,
Когда с тобой я должен разлучаться;
Зачем спешить? Что может гнать меня?
Спешить пора, как буду возвращаться.
Тут извинений конь мой не найдет...
Все будет мне медлительным казаться.
От шпор моих и ветер не уйдет,
Когда б я на спине его мог мчаться.
Коню ль мои желанья догнать?

Должно меня нести любви стремленье;
Не может плоть за нею попевать, –
И вот коню находит извиненье
Любовь: едва плелся он от тебя;
Пущу его и полечу любя.

Перевод П.Н. Краснова

Любовь моя коню простит все замедленья,
Когда он от тебя потащится со мной.
К чему спешить туда, где нет моей родной?
Ведь быстрота нужна нам лишь для возвращенья.
Но как я извиню ленивого коня,
Когда и быстрота – медленье для меня,
Когда – хоть ветер мчи – коня я шпорить буду
И видеть быстроту и в крыльях позабуду?
Не перегнать коню фантазии моей,
Рожденной средь огня бушующих страстей
И мчащейся вперед стезею вдохновенья;
Но страсть моя простит коню все прегрешенья.
Когда ж так тихо он по доброй воле шел,
То, бросивши его, примчуся, как орел.

Перевод Н.В. Гербеля

Любовь так может извинить коня,
Когда он медлит, друга покидая:
К чему спешить, от счастья уезжая?
До возвращенья спешка не нужна.

Но как вину коня тогда простить,
Когда стрела покажется мне клячей?
Тогда сам ветер буду шпорить, бить,
Весь окрыленный спешностью горячей.
Коню ли переспорить вождельенье?
Оно, как плод любовного огня,
Заржет громчей коня в своем стремленьи.
Но за любовь любовь простит коня.
Ведь медлил он, с тобой разлуку чуя,
Помчась к тебе, его освобожу я.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LIИ

So am I as the rich, whose blessed key
Can bring him to his sweet up-locked treasure,
The which he will not every hour survey,
For blunting the fine point of seldom pleasure.
Therefore are feasts so solemn and so rare,
Since, seldom coming in that long year set,
Like stones of worth they thinly placed are,
Or captain jewels in the carcanet.
So is the time that keeps you as my chest,
Or as the wardrobe which the robe doth hide,
To make some special instant special blest,
By new unfolding his imprison'd pride.

Blessed are you whose worthiness gives scope,
Being had, to triumph; being lack'd, to hope.

Я – как богач, которого приводит
К сокровищу заветный из ключей;
Смотреть свой клад не каждый час он ходит,
Чтоб радость сделать реже, но сильнее.
Так праздников торжественных веселье
Разделено по редким дням в году;
Так лучшие из перлов в ожерелье
Нанизаны не сплошь в одном ряду,
Так часто время и тебя скрывает,

Как редкий перл иль праздничный наряд:
Тем слаще видеть мне тебя бывает!
Благодарить за все тебя я рад.
С тобою быть – блаженство обладанья;
Тебя не видеть – счастье ожиданья!

Перевод Н.А. Холодковского

Я – тот богач, чей ключ к сокровищам его
Ему ночной порой дорогу пролагает, –
Среди которых он не каждый день бывает,
Чтоб тем не притупить восторга своего.
И празднества затем свершаются так строго,
Что в каждом их году встречается не много.
Подобно жемчугам, заделанным в венце,
Иль ряду дорогих алмазов на кольцо,
Иль выбору одежд, хранящихся до срока,
Храню и я тебя в душе своей глубоко,
И только иногда вскрываю свой тайник,
Чтоб сделать дорогим один особый миг.
Так возвеличься ж ты, чьи вид и совершенства
Способны возбудить надежду на блаженство!

Перевод Н.В. Гербеля

Я как богач, чей ключ благословенный
Вскрывает тайное сокровище свое,
Не каждый час, но редко, сокровенно,
Чтоб не тупить блаженства острие.

Всем ведомо: как редкое веселье,
Приходит праздник только раз в году,
И драгоценный камень в ожерелье
Лишь скупо расставляется в ряду.
Так и часы с тобой, как мой тайник
Иль сундуки с одеждою богатой,
Даруют мне благословенный миг,
Раскрыв красы, которыми чреваты.
Блажен же ты, чьи порождают вежды
С тобой восторг, а без тебя – надежды!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LIII

What is your substance, whereof are you made,
That millions of strange shadows on you tend?
Since every one hath, every one, one shade,
And you, but one, can every shadow lend.
Describe Adonis, and the counterfeit
Is poorly imitated after you;
On Helen's cheek all art of beauty set,
And you in Grecian tires are painted new:
Speak of the spring and foison of the year;
The one doth shadow of your beauty show,
The other as your bounty doth appear;
And you in every blessed shape we know.
 In all external grace you have some part,
 But you like none, none you, for constant heart.

Скажи мне, из чего, мой друг, ты создана,
Что тысячи теней вокруг тебя витают?
Ведь каждому всего одна лишь тень дана,
А прихоти твои всех ими наделяют.
Лишь стоит взгляд один склонить на облик твой,
Чтоб тотчас Адонис предстал тебе на смену;
А если кисть создаст прекрасную Елену,
То это будешь ты под греческой фатой.
Весну ли, лето ль – что поэт ни воспевает,

Одна – лишь красоту твою очам являет,
Другое ж – говорит о щедрости Твоей
И лучшее в тебе являет без затей.
Все, чем наш красен мир, все то в тебе таится;
Но с сердцем, верь, твоим ничто, друг, не сравнится.

Перевод Н.В. Гербеля

Какая сущность твоего сложенья?
Тьмы чуждых образов живут в тебе.
У всех одно лишь тени отраженье,
А ты один вмещаешь все в себе.
Лик Адониса жалко искажает
Собой твои небесные черты, –
Все, что лицо Елены украшает,
В одежде грека воплощаешь ты.
Возьмем весну иль осени дары:
Та – только тень твоих очарований,
А эта – воплощенье доброты.
Ты отражен в красотах всех созданий,
Ты внешностью участвуешь везде,
Но постоянство сердца лишь в тебе.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LIV

O, how much more doth beauty beauteous seem
By that sweet ornament which truth doth give!
The rose looks fair, but fairer we it deem
For that sweet odour which doth in it live.
The canker blooms have full as deep a dye
As the perfumed tincture of the roses,
Hang on such thorns and play as wantonly
When summer's breath their masked buds discloses:
But, for their virtue only is their show,
They live unwoo'd, and unrespected fade,
Die to themselves. Sweet roses do not so;
Of their sweet deaths are sweetest odours made:
 And so of you, beauteous and lovely youth,
 When that shall vade, by verse distills your truth.

О, красота еще прекраснее бывает,
Когда огонь речей в ней искренность являет!
Прекрасен розы вид, но более влечет
К цветку нас аромат, который в нем живет.
Пышна царица гор, лесов, садов и пашен,
Но и шиповник с ней померится на вид:
Имеет он шипы и листьями шумит
Не хуже, чем она, и в тот же цвет окрашен.
Но так как сходство их в наружности одной,

То он живет один, любуясь сам собой,
И вянет в тишине; из розы ж добывают
Нежнейшие духи, что так благоухают.
Так будешь жить и ты, мой друг, в моих стихах,
Когда твоя краса и юность будут – прах.

Перевод Н.В. Гербеля

О, как краса становится нам краше
В убранстве правоты! Красив наряд
У роз, но восхищенье наше
Растет, вдохнув их сладкий аромат.
Шиповник тоже нам глаза ласкает
Не меньше цвета благовонных роз:
Он, сходный с ними, как они блистает
В волшебную пору весенних рос.
Но красота его на миг жива:
Он без ухода, лишний, умирает
Как бы один. А роза, и мертва,
Свой аромат повсюду расточает.
Так будет цвeсть твой дух в моих стихах,
Когда твой облик обратится в прах.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LV

Not marble, nor the gilded monuments
Of princes, shall outlive this powerful rhyme;
But you shall shine more bright in these contents
Than unswept stone, besmear'd with sluttish time.
When wasteful war shall statues overturn,
And broils root out the work of masonry,
Nor Mars his sword nor war's quick fire shall burn
The living record of your memory.
'Gainst death and all-oblivious enmity
Shall you pace forth; your praise shall still find room
Even in the eyes of all posterity
That wear this world out to the ending doom.
So, till the judgment that yourself arise,
You live in this, and dwell in lovers' eyes.

Ни мрамору, ни злату саркофага,
Могущих сих не пережить стихов,
Не в грязном камне, выщербленном влагой,
Блистать ты будешь, но в рассказе строф.
Война низвергнет статуи, и зданий
Твердыни рухнут меж народных смут,
Но об тебе живых воспоминаний
Ни Марса меч, ни пламя не сотрут.
Смерть презирая и вражду забвенья,

Ты будешь жить, прославленный всегда;
Тебе дивиться будут поколения,
Являясь в мир, до Страшного суда.
До дня того, когда ты сам восстанешь,
Во взоре любящем ты не увянешь!

Перевод В.Я. Брюсова

Ни гордому столпу, ни царственной гробнице
Не пережить моих прославленных стихов,
И имя в них твое надежней сохранится,
Чем на дрянной плите, играло веков.
Когда война столпы и арки вдруг низложит,
А памятники в прах рассыпятся в борьбе,
Ни Марса меч, ни пыл войны не уничтожат
Свидетельства, мой друг, живого о тебе.
И вопреки вражде и демону сомнений
Ты выступишь вперед – и похвала всегда
Сумеет место дать тебе средь поколений,
Какие будут жить до страшного суда.
И так, покамест сам на суд ты не предстанешь,
В стихах ты и в глазах век жить не перестанешь.

Перевод Н.В. Гербеля

Нет! Пышность мрамора гробниц земных
Владык не победит мой мощный стих.
Ты будешь светел в нем, всегда нетленный,
А время смоев камня блеск надменный.

Когда война статуи свергнет в прах,
И не оставит бунт на камне камень,
Ни Марса меч, ни всемогущий пламень
Не тронут память о твоих чертах.
И слава о тебе на век пребудет
Людской вражде и смерти вопреки.
Ты будешь юн, как в ниве васильки,
Доколе всех звук трубный не разбудит.
Пока на Суд не встанешь из могилы,
В моих стихах ты будешь жив, о милый!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LVI

Sweet love, renew thy force; be it not said
Thy edge should blunter be than appetite,
Which but to-day by feeding is allay'd,
To-morrow sharpened in his former might:
So, love, be thou, although to-day thou fill
Thy hungry eyes, even till they wink with fulness,
To-morrow see again, and do not kill
The spirit of love, with a perpetual dulness.
Let this sad interim like the ocean be
Which parts the shore, where two contracted new
Come daily to the banks, that when they see
Return of love, more blest may be the view;
 Else call it winter, which being full of care
 Makes summer's welcome thrice more wished,
more rare.

Восстань, любовь моя! Ведь каждый уверяет,
Что возбудить тебя трудней, чем аппетит,
Который, получив сегодня все, молчит,
А завтра – чуть заря – протест свой заявляет.
Уподобись ему – и нынче же, мой друг,
Скорей насыть глаза свои до пресыщенья,
А завтра вновь гляди и чувством охлажденья
Не убивай в себе любви блаженной дух.

Пусть промежуток тот на то походит море,
Что делит берега, куда с огнем во взоре
Является что день влюбленная чета,
Чтоб жарче с каждым днем соединять уста.
Иль уподобься ты дням осени туманным,
Что делают возврат весны таким желанным.

Перевод Н.В. Гербеля

Любовь, воспрянь. Пускай не говорят,
Что твой клинок тупее вождельня,
Которое, тупясь от пресыщенья,
На завтра вновь отточенный булат.
Так будь и ты. И хоть твой взгляд голодный
Насытился и клонится ко сну,
Пусть завтра вновь блеснет. Не дай огню
Груди заснуть в унылости холодной.
Пусть будет отдых твой подобен морю
Средь берегов, где юная чета
В ладье встречает с пламенем во взоре
Возврат любви, увидя берега.
Зови его зимой, когда в морозы
Мы страстно ждем расцвета вешней розы.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LVII

Being your slave, what should I do but tend,
Upon the hours and times of your desire?
I have no precious time at all to spend,
Nor services to do, till you require.
Nor dare I chide the world-without-end hour,
Whilst I, my sovereign, watch the clock for you,
Nor think the bitterness of absence sour
When you have bid your servant once adieu;
Nor dare I question with my jealous thought
Where you may be, or your affairs suppose,
But, like a sad slave, stay and think of nought
Save, where you are, how happy you make those.
 So true a fool is love that in your will,
 Though you do anything, he thinks no ill.

Твой верный раб, я все минуты дня
Тебе, о мой владыка, посвящаю.
Когда к себе ты требуешь меня,
Я лучшего служения не знаю.
Не смею клясть я медленных часов,
Следа за ними в пытке ожидания,
Не смею и роптать на горечь слов,
Когда мне говоришь ты: «До свиданья».
Не смею я ревнивою мечтой

Следить, где ты. Стою – как раб угрюмый –
Не жалуясь и полн единой думой:
Как счастлив тот, кто в этот миг с тобой!
И так любовь безумна, что готова
В твоих поступках не видать дурного.

Перевод В.Я. Брюсова

Когда мне раз слугой твоим пришлось стать,
Я должен лишь твои желанья исполнять.
Есть время у меня – оно не драгоценно –
И я твоим рабом останусь неизменно.
Я не могу роптать на долгие часы,
Когда слежу их бег, велениям красы
Послушен, и в тиши о горечи разлуки
Не смею помышлять, терпя в замену муки.
В злых мыслях даже я не смею вопрошать,
Где ты живешь и бдишь, с кем говоришь и ходишь,
А осужден, как раб, о том лишь все мечтать,
Как счастливы все те, с кем время ты проводишь.
Любовь ведь так глупа, что все, что ни придет
Тебе на ум, всегда достойным хвал найдет.

Перевод Н.В. Гербеля

Раз я твой раб, готов я должен быть
Во всякий час ждать твоего желанья, –
Не знать досуга, даже не служить,
Пока я не услышал приказанья, –

Не смей роптать на бесконечный час,
Когда мой властелин покой вкушает, –
Не горевать, услышавши приказ
Расстаться с ним. Когда он уезжает,
Спросить не смею в помыслах ревнивых,
Куда, зачем покинул он меня,
И, хмурый, думаю о тех счастливых,
Которым радость быть с тобой дана.
Любовь глупа, и ей твое желанье –
Чтоб ты ни совершил – вне порицанья.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LVIII

That god forbid that made me first your slave,
I should in thought control your times of pleasure,
Or at your hand the account of hours to crave,
Being your vassal, bound to stay your leisure!
O, let me suffer, being at your beck,
The imprison'd absence of your liberty;
And patience, tame to sufferance, bide each check,
Without accusing you of injury.
Be where you list, your charter is so strong
That you yourself may privilege your time
To what you will; to you it doth belong
Yourself to pardon of self-doing crime.
 I am to wait, though waiting so be hell;
 Not blame your pleasure, be it ill or well.

Избави Бог, судивший рабство мне,
Чтоб я и в мыслях требовал отчета,
Как ты проводишь дни наедине.
Ждать приказаний – вся моя забота!
Я твой вассал. Пусть обречет меня
Твоя свобода на тюрьму разлуки:
Терпение, готовое на муки,
Удары примет, голову склоня.
Права твоей свободы – без предела.

Где хочешь будь; располагай собой
Как вздумаешь; в твоих руках всецело
Прощать себе любой проступок свой.
Я должен ждать, – пусть в муках изнывая, –
Твоих забав ничем не порицая.

Перевод В.Я. Брюсова

Избави Бог меня, чтоб, ставши раз рабом,
Я вздумал проверять дела твои, забавы
И ждать отчета, друг, во времени твоём,
Тогда как я твои обязан чтить уставы.
Пусть буду я страдать в отсутствии твоём,
Покорный всем твоим капризам и веленьям
И ложь надежды злой, не чтя ее грехом
Твоим, переносить с безропотным терпеньем.
Ты так сильна, что где б дух ни носился твой,
Ты временем своим сама располагаешь,
Так как оно тебе принадлежит одной,
И цену ты сама своим поступкам знаешь.
Я ж должен только ждать, хоть ожиданье – ад,
И молча прохожу твоих проступков ряд.

Перевод Н.В. Гербеля

Тот бог, что обратил меня в раба,
Велел не проверять твои досуги,
Не требовать отчета у тебя
И быть всегда готовым для услуги.

О, дай снести, когда я пред тобой,
Отсутствие преград твоей свободы!
Терпенья дай, смиренного тоской,
Переносить измен твоих невзгоды!
Где хочешь будь. Ты полный властелин
Всех дел твоих и времяпровожденья.
Себя ты можешь миловать один,
Свершая над собою преступленье.
Хоть ожиданье ад, – я должен ждать
И что бы ты ни сделал – не роптать.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LIX

If there be nothing new, but that which is
Hath been before, how are our brains beguiled,
Which, labouring for invention, bear amiss
The second burthen of a former child!
O, that record could with a backward look,
Even of five hundred courses of the sun,
Show me your image in some antique book,
Since mind at first in character was done!
That I might see what the old world could say
To this composed wonder of your frame;
Whether we are mended, or whether better they,
Or whether revolution be the same.
O, sure I am, the wits of former days,
To subjects worse have given admiring praise.

Быть может, правда, что в былое время, –
Что есть, – все было; нового – здесь нет,
И ум, творя, бесплодно носит бремя
Ребенка, раньше видевшего свет.
Тогда, глядящие в века былые,
Пусть хроники покажут мне твой лик,
Лет за пятьсот назад, в одной из книг,
Где в письменна вместилась мысль впервые.
Хочу я знать, что люди в эти дни

О чуде внешности подобной говорили.
Мы стали ль совершенней? иль они
Прекрасней были? иль мы те ж, как были?
Но верю я: прошедшие года
Таких, как ты, не знали никогда!

Перевод В.Я. Брюсова

Когда лишь ново то, что есть и было прежде,
То как далек наш ум от истины, в надежде
Трудящийся создать, но лишь несущий гнет
Рожденных до того бесчисленных забот.
О, если бы могла нас летопись заставить
За несколько сот лет на миг один взглянуть
И образ твой таким могла бы нам представить,
Каким его впервой из слов усвоил взгляд,
Чтоб я увидеть мог, что древность рассказала
Про созданный вполне прекрасный образ твой
И лучше ль древних мы, иль раса хуже стала,
Иль в мире все идет обычной чередой.
Я ж знаю, что умы философов покойных
Хвалили иногда и менее достойных.

Перевод Н.В. Гербеля

Что есть, уж было, может быть, не раз.
И вот, минувшее изображая,
Наш бедный ум обманывает нас,
Известное когда-то вновь рождая.

О, если б мог я, заглянув в сказанья
Пяти веков, увидеть облик твой
В одной из древних книг, где начертанья
Впервые закрепили дух живой!
О, если б знать, что б древние решили,
Увидя чудеса твоих красот,
Кто ближе к совершенству – мы, они ли, –
Иль мир свершает тот же оборот?
О, я уверен, ум веков былых
Ценил черты, куда бледней твоих!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LX

Like as the waves make towards the pebbled shore,
So do our minutes hasten to their end;
Each changing place with that which goes before,
In sequent toil all forwards do contend.
Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crown'd,
Crooked eclipses 'gainst his glory fight,
And Time that gave doth now his gift confound.
Time doth transfix the flourish set on youth
And delves the parallels in beauty's brow,
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow:
 And yet to times in hope my verse shall stand.
 Praising thy worth, despite his cruel hand.

Как волны набегают на камень,
И каждая там гибнет в свой черед,
Так к своему концу спешат мгновенья,
В стремленьи неизменном – все вперед!
Родимся мы в огне лучей без тени
И в зрелости бежим; но с той поры
Должны бороться против злых затмений,
И время требует назад дары.
Ты, время, юность губишь беспощадно,

В морщинах искажаешь блеск красоты,
Все, что прекрасно, пожираешь жадно,
Ничто не свято для твоей косы.
И все ж мой стих переживет столетья:
Так славы стоит, что хочу воспеть я!

Перевод В.Я. Брюсова

Как волны к берегам стремятся чередой,
Так и минуты вслед одна другой стремятся,
Становятся в ряды одна вслед за другой
И селятся вперед пробиться и умчаться.
Рожденное едва – уж к зрелости ползет,
Но лишь она его цветами увенчает,
С ним разрушенье в бой вступает в свой черед,
А Время всех даров своих его лишает.
И по челу оно проводит борозды,
Румянец молодой с прекрасных щек смывает,
Растаптывает в прах всех прелестей следы
И все своей косой бесчувственной срезает.
Но стих мой, не страшась руки его сухой,
В грядущих временах почитит тебя хвалой.

Перевод Н.В. Гербеля

Как волны вечно к берегу несутся,
Спешат минуты наши к их концу.
Одна другую догоняя, бьются,
Давая место новому бойцу.

Рождение, увидев свет, ползет
Ко зрелости, но, чуть она настала,
Борьбе с затмением настает черед,
И время рушит то, что созидало:
Пронзает цвет, блистающий красою,
Уродует морщинами чело,
Жрет лучшее, что на земле взросло,
И злобно губит под своей косою.
Но стих мой, знай, природе вопреки
Спасет твой лик от губящей руки.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXI

Is it thy will thy image should keep open
My heavy eyelids to the weary night?
Dost thou desire my slumbers should be broken,
While shadows like to thee do mock my sight?
Is it thy spirit that thou send'st from thee
So far from home into my deeds to pry,
To find out shames and idle hours in me,
The scope and tenure of thy jealousy?
O, no! thy love, though much, is not so great:
It is my love that keeps mine eye awake;
Mine own true love that doth my rest defeat,
To play the watchman ever for thy sake:
 For thee watch I whilst thou dost wake elsewhere,
 From me far off, with others all too near.

Ты ль требуешь, чтоб я, открывши очи,
Их длительно вперял в тоскливый мрак?
Чтоб призрак, схож с тобой, средь ночи
Меня томил и мой тревожил зрак?
Иль дух твой выслан, чтобы ночью черной,
От дома далеко, за мной следить
И уличить меня в вине позорной,
В тебе способной ревность разбудить?
Нет! Велика любовь твоя, но все ж

Не столь сильна: нет! То – любовь моя
Сомкнуть глаза мне не дает на ложе,
Из-за нее, как сторож, мучусь я!
Ведь ты не спишь, и мысль меня тревожит,
Что с кем-то слишком близко ты, быть может!

Перевод В.Я. Брюсова

Уже ль желала ты, чтоб образ твой прекрасный
Попытку лечь, уснуть мне сделал бы напрасной
И сон мой возмутил явлением теней,
Похожих на тебя и милых для очей?
Не дух ли свой ты шлешь в сомненьи неотступном
В такую даль, чтоб здесь за мною наблюдать,
Найти меня в пыли и праздным и преступным
И ревность тем свою и гордость оправдать.
О нет, любовь твоя не так уж безгранична!
Зато моя к тебе смущает мой покой
И не дает сомкнуть очей в тиши ночной,
Храня из-за тебя все зорко безразлично.
Да, я храню твой сон, когда ты среди чужих,
Далеко от меня и близко от других.

Перевод Н.В. Гербеля

Хотел ли ты, чтоб образ твой мешал
Смежить мне веки среди истомы ночи,
И рой теней дремоту прерывал,
Подобием с тобой дразня мне очи?

Твой дух ли ты мне издалека шлешь
Выслеживать тайком мои деянья,
Чтоб уличить изменчивость и ложь?
Ты ль, в ревности, желаешь испытанья?
О нет! Твоя любовь не так сильна.
Нет, то моя очей смежить не может.
Моя любовь, моя любовь одна
Как страж не спит, терзает и тревожит –
И стражду я, злой думою томим,
Что где-то там ты близок так другим!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXII

Sin of self-love possesseth all mine eye
And all my soul, and all my every part;
And for this sin there is no remedy,
It is so grounded inward in my heart.
Methinks no face so gracious is as mine,
No shape so true, no truth of such account;
And for myself mine own worth do define,
As I all other in all worths surmount.
But when my glass shows me myself indeed
Beated and chopp'd with tanned antiquity,
Mine own self-love quite contrary I read;
Self so self-loving were iniquity.
 'Tis thee, – myself, – that for myself I praise,
 Painting my age with beauty of thy days.

Глаза мои грешат излишком самомненья,
А также и душа, и чувства все мои –
И нет ни в чем тому недугу исцеленья,
Так корни в грудь вонзил глубоко он свои.
Я к своему ничье лицо не приравняю,
И ни на чей я стан не променяю свой;
Ну – словом – так себя высоко оцению,
Что никого не дам и сравнивать с собой.
Но лишь порассмотрю, каков на самом деле,

Изломанный борьбой и сильно спавший в теле,
Я глупым это все и пошлым нахожу –
И вот что я теперь про то тебе скажу:
«Мой друг, в себе самом тебя я восхваляю
И красотой твоей себя же украшаю!»

Перевод Н.В. Гербеля

Грех самомнения очи мне слепит
И обладает телом и душою,
И этот грех ничто не излечит,
Так глубоко сроднился он со мною.
Мне кажется, нет облика красивей,
Нет лучше стана, выше правоты,
Что нет моей оценки справедливей,
Что все во мне достойно похвалы.
Но чуть возьмусь за зеркало, я вижу,
Как стал я стар, как истощен тоской, –
И самомнение, падая все ниже,
Становится обманчивой мечтой.
То не себя – тебя я обожаю!
В твою весну сентябрь мой облакаю.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXIII

Against my love shall be as I am now,
With Time's injurious hand crush'd and o'erworn;
When hours have drain'd his blood and fill'd his brow
With lines and wrinkles; when his youthful morn
Hath travell'd on to age's steepy night;
And all those beauties whereof now he's king
Are vanishing or vanished out of sight,
Stealing away the treasure of his spring;
For such a time do I now fortify
Against confounding age's cruel knife,
That he shall never cut from memory
My sweet love's beauty, though my lover's life:
 His beauty shall in these black lines be seen,
 And they shall live, and he in them still green.

Придет пора, когда мой друг таким же будет,
Каким я стал теперь, злой времени рукой
Поверженный во прах. Когда гнет лет остудит
Бушующую кровь, широкой бороздой
Морщина пробежит по лбу, потухнут очи,
И жизнь в своем пути достигнет дряхлой ночи,
И вся та красота, что в нем теперь царит,
Похитив блеск весны, далеко улетит;
Вот к этому-то дню я так przygotowляюсь,

Чтоб времени косе успеть противостоять,
Чтоб не могло оно из памяти изгнать
Благую красоту, которой удивляюсь.
Она навек в моих останется стихах
И будет жить у всех в сердцах и на глазах.

Перевод Н.В. Гербеля

Придет пора, когда моя любовь,
Как я теперь, от времени завянет,
Когда часы в тебе иссушат кровь,
Избороздят твоё чело и канет
В пучину ночи день твоей весны;
И с нею все твоё очарованье,
Без всякого следа воспоминанья,
Потонет в вечной тьме, как тонут сны.
Предвидя грозный миг исчезновенья,
Я отвращу губящую косу,
Избавлю я навек от разрушенья
Коль не тебя, то черт твоих красу,
 В моих стихах твой лик изобразив –
 В них будешь ты и вечно юн, и жив!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXIV

When I have seen by Time's fell hand defaced
The rich proud cost of outworn buried age;
When sometime lofty towers I see down-razed,
And brass eternal slave to mortal rage;
When I have seen the hungry ocean gain
Advantage on the kingdom of the shore,
And the firm soil win of the watery main,
Increasing store with loss and loss with store;
When I have seen such interchange of state,
Or state itself confounded to decay;
Ruin hath taught me thus to ruminare –
That Time will come and take my love away.

 This thought is as a death which cannot choose
 But weep to have that which it fears to lose.

Когда я вижу, как волшебные уборы
Срывает время с древности седой,
И башни рушатся, высокие как горы,
И в рабстве медь у ярости слепой;
Когда я вижу, как в береговое царство
Врываясь, океан бушует и ревет,
Как алчная земля, исполнена коварства,
Захватывает сонм необозримых вод,
Как распадаются могучие народы,

Как царства пышные в развалинах лежат, –
Я скорбно думаю, что мстительные годы
Ее, мою любовь, отнимут и умчат.
О, эта мысль – как смерть! Не плакать я
не в силах,
Что все мне близкое – все скроется в могилах.

Перевод Ф.А. Червинского

Когда я вижу вокруг, что Время искажает
Остатки старины, чей вид нас восхищает;
Когда я вижу медь злой ярости работой
И башни до небес, сравненные с землей;
Когда я вижу, как взволнованное море
Захватывает гладь земли береговой,
А алчная земля пучиною морской
Овладевает, всем и каждому на горе;
Когда десятки царств у всех нас на глазах
Свой изменяют вид иль падают во прах, –
Все это, друг мой, мысль в уме моем рождает,
Что Время и меня любви моей лишает –
И заставляет нас та мысль о том рыдать,
Что обладаешь тем, что страшно потерять.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда я зрю, как время искажает
И блеск и роскошь отошедших лет,
Как башни в прах паденья низвергает,

Как истребляет вечной бронзы след,
Как океан голодный пожирает
Приливом стран цветущих берега
Иль вдруг выводит из-под волн луга,
Что здесь творит, там властно разрушает;
Когда я зрю судьбины государств,
Блеск их расцвета, ужас распаденья,
То понимаю, видя гибель царств,
Что и твое настанет разрушенье...
Мне эта мысль как смерть. И лишь печаль
Жива о том, что потерять так жаль.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ LXV

Since brass, nor stone, nor earth, nor boundless sea
But sad mortality o'er-sways their power,
How with this rage shall beauty hold a plea,
Whose action is no stronger than a flower?
O, how shall summer's honey breath hold out
Against the wrackful siege of battering days,
When rocks impregnable are not so stout,
Nor gates of steel so strong, but Time decays?
O fearful meditation! where, alack,
Shall Time's best jewel from Time's chest lie hid?
Or what strong hand can hold his swift foot back?
Or who his spoil of beauty can forbid?
O, none, unless this miracle have might,
That in black ink my love may still shine bright.

Ни море, ни земля, ни камень и ни сталь
Не в силах отразить твои, о смерть, угрозы –
И красота ли их сильнее – красота ль,
Чья так же власть слаба, как ландыша и розы?
Как может устоять весенний ветерок
Пред гибельной волной слепого урагана?
Пожрет и сокрушит седых времен поток
И сумрачный гранит, и влагу океана.
Мучительная мысль! Бессилен человек

Спасти единый перл от вас, немые годы!
Какою силою остановить ваш бег?
Кто помешает вам губить красу природы?
На чудо лишь, мой друг, ничтожно их влиянье:
Чернила вечное дадут тебе сиянье.

Перевод Ф.А. Червинского

Когда земля, и медь, и море, и каменья
Не могут устоять пред силой разрушенья,
То как же может с ней бороться красота,
Чья сила силе лишь равняется листа?
Возможно ль устоять весеннему дыханью
В губительной борьбе с напором бурных дней,
Когда вершины скал и мощь стальных дверей
Противиться крылам времен не в состоянье?
О, злая мысль! Куда ж от Времени уйдет
Промчавшихся времен пленительнейший плод?
Кто даст отпор его губительному кличу
И в силах у него отнять его добычу?
Никто – иль чудо, друг, свершится над тобой
И будешь ты блистать в чернилах красотой!

Перевод Н.В. Гербеля

Раз бронзе, камню, землям, океану
Предел кончины предназначил рок,
Как отразит свирепство урагана
Красы весенней девственный цветок?

Как устоит медовое дыхание
Напору вихря мчащихся времен,
Когда гранит скалы не защищен,
Ни сталь оград от времени метанья?
О страшный помысел! Где? Кто, увы! –
Кто перл времен от времени спасет?
Кто запретит гниенье красоты?
Кто гибель прекратит? – Никто! Покуда
 Великое не совершится чудо
 И из чернил любовь не зацветет.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXVI

Tired with all these, for restful death I cry,
As, to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimm'd in jollity,
And purest faith unhappily forsworn,
And gilded honour shamefully misplaced,
And maiden virtue rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully disgraced,
And strength by limping sway disabled
And art made tongue-tied by authority,
And folly – doctor-like – controlling skill,
And simple truth miscall'd simplicity,
And captive good attending captain ill:
 Tired with all these, from these would I be gone,
 Save that, to die, I leave my love alone.

Тебя, о смерть, тебя зову я, утомленный.
Устал я видеть честь поверженной во прах,
Заслугу – в рубище, невинность –
оскверненной,
И верность – преданной, и истину – в цепях.
Глупцов, гордящихся лавровыми венками,
И обесславленных, опальных мудрецов,
И дивный дар небес, осмеянный слепцами,
И злое торжество пустых клеветников.

Искусство – робкое пред деспотизмом власти,
Безумья жалкого надменное чело,
И силу золота, и гибельные страсти,
И Благо – пленником у властелина Зло.
Усталый, льнул бы я к блаженному покою,
Когда бы смертный час не разлучал с тобою.

Перевод Ф.А. Червинского

В усталости моей я жажду лишь покоя!
Как видеть тяжело достойных в нищете,
Ничтожество в тиши вкушающим благое,
Измену всех надежд, обман в святой мечте,
Почет среди толпы, присвоенный неправо,
Девическую честь, растоптанную в прах,
Клонящуюся мощь пред роком величаво,
Искусство, свой огонь влачащее в цепях.
Низвергнутое в грязь прямое совершенство,
Ученость пред судом надменного осла,
Правдивость, простоте сулимая в блаженство,
И доброту души в служении у зла!
Всем этим утомлен, я бредил бы могилой,
Когда бы не пришлось тогда проститься с милой.

Перевод Н.В. Гербеля

Томимый этим, к смерти я зываю;
Раз что живут заслуги в нищете,
Ничтожество ж – в веселье утопая,

Раз верность изменяет правоте,
Раз почести бесстыдство награждают,
Раз девственность вгоняется в разврат,
Раз совершенство злобно унижают,
Раз мощь хромые силы тормозят,
Раз произвол глумится над искусством,
Раз глупость знания принимает вид,
Раз здравый смысл считается безумством,
Раз что добро в плену, а зло царит –
 Я, утомленный, жаждал бы уйти,
 Когда б тебя с собой мог унести!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXVII

Ah! wherefore with infection should he live,
And with his presence grace impiety,
That sin by him advantage should achieve,
And lace itself with his society?
Why should false painting imitate his cheek,
And steel dead seeming of his living hue?
Why should poor beauty indirectly seek
Roses of shadow, since his rose is true?
Why should he live, now Nature bankrupt is,
Beggard of blood to blush through lively veins?
For she hath no exchequer now but his,
And, proud of many, lives upon his gains.
O, him she stores, to show what wealth she had
In days long since, before these last so bad.

Зачем ему здесь жить, когда зараза с ним,
И скрашивать порок присутствием своим,
Давая тем греху возможность поживиться
И, с ним переплестясь, в одно соединиться?
Зачем копировать румянец щек его,
Фальшиво цвет живой их в мертвый превращая?
Что в цвете роз ему, красе родного края,
Когда в его щеках довольно своего?
Что жить ему, когда природа обеднела

И крови уж ему не может больше дать?
Он все был для нее – и жизнь, и благодать;
Она ж и пред лицом других благоговела.
И бережет его она, чтоб показать,
Какая прежде к ней сходила благодать.

Перевод Н.В. Гербеля

Зачем он должен средь заразы жить,
Присутствием уродство украшая?
Затем ли, чтоб защитой зла служить,
Красой своей невзрачность прикрывая?
Иль чтоб могла подделка передать
Его лица пленительную живость?
Но что бескровью лживых роз искать,
Коль роз живых сияет в нем правдивость?
Зачем живет он в дни, когда бедна,
Как нищая, красой природа стала?
– Затем, что в нем лишь вся ее казна
И без него платить ей силы б не хватало.
Да, в нем одном краса бывая вновь
Сияет нам и радуется любовь.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXVIII

Thus is his cheek the map of days outworn,
When beauty lived and died as flowers do now,
Before these bastard signs of fair were born,
Or durst inhabit on a living brow;
Before the golden tresses of the dead,
The right of sepulchres, were shorn away,
To live a second life on second head;
Ere beauty's dead fleece made another gay:
In him those holy antique hours are seen,
Without all ornament, itself and true,
Making no summer of another's green,
Robbing no old to dress his beauty new;
 And him as for a map doth Nature store,
 To show false Art what beauty was of yore.

Его лицо есть дней минувших отпечаток,
Когда краса цвела и вяла, как цветы,
И ни на чьем челе не смел блистать остаток
Вновь созданной в тиши поддельной красоты;
Когда, отдав тела прожорливой могиле,
Не срезывали кос с головок золотых,
Чтоб на челе других они вторично жили
И пук чужих волос не радовал других.
В нем прежней красоты видна еще святыня,

Благая, без прикрас, как сердца благостыня,
Не мыслящая вновь весну себе купить
И обобрать других, одетым бы лишь быть.
И бережет его природа данью чувству,
Чтоб показать красу фальшивому искусству.

Перевод Н.В. Гербеля

Его ланиты – образец былого,
Где, как цветок, взрастала красота,
Где лживый цвет поддельного лица
Не смел еще касаться до живого;
Где золотых кудрей с главы почивших
Никто не смел у гроба отнимать,
Чтоб снова жить и снова украшать
Живущего красой кудрей отживших.
Лишь в нем видна былая простота,
Вся без прикрас, правдива и чиста,
Не знавшая весны с чужой травой, –
Ни грабежа, чтоб вновь стать молодой.
 Как в образце природы в нем видна
 Глазам поддельной – прежних дней краса.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXIX

Those parts of thee that the world's eye doth view
Want nothing that the thought of hearts can mend;
All tongues, the voice of souls, give thee that due,
Uttering bare truth, even so as foes commend.
Thy outward thus with outward praise is crown'd;
But those same tongues, that give thee so thine own,
In other accents do this praise confound
By seeing farther than the eye hath shown.
They look into the beauty of thy mind,
And that in guess they measure by thy deeds;
Then, churls, their thoughts, although their
eyes were kind,
To thy fair flower add the rank smell of weeds:
 But why thy odour matcheth not thy show,
 The soil is this, that thou dost common grow.

Та часть тебя, что мир способна озарять,
К себе, мой друг, восторг всеобщий привлекает
И всюду громко так твой образ прославляет,
Что даже злым врагам приходится молчать.
Итак, наружно ты увенчан похвалами;
Но те, что так тебя расхваливали сами,
Пытаются теперь проникнуть дали мглу
И прежнюю берут обратно похвалу.

Достоинство ума в деяньях познавая,
Они вперяют взор в тайник души твоей
И осуждают все, забыв про блеск очей
И запах сорных трав дыханью придавая.
Чего же запах твой не схож с твоей красой?
А потому, мой друг, что ты – цветок простой.

Перевод Н.В. Гербеля

Все, что в тебе извне доступно взгляду,
Ни для кого не может лучше быть:
Твой светлый лик вселяет всем усладу,
Враги – и те должны его хвалить.
Так внешности дарует внешность цену.
Но те же, что склоняются пред ней,
Другое говорят, хвале на смену,
Направив взоры глубже в суть вещей.
Достоинства души твоей познав,
Ей воздают лишь по ее деяньям.
Их мысль тогда, в разладе с любованьем,
Поражена зловоньем сорных трав.
Но почему твой дух не отвечает
Красе? Разгадка в том, что он мельчает.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXX

That thou art blamed shall not be thy defect,
For slander's mark was ever yet the fair;
The ornament of beauty is suspect,
A crow that flies in heaven's sweetest air.
So thou be good, slander doth but approve
Thy worth the greater, being woo'd of time;
For canker vice the sweetest buds doth love,
And thou present'st a pure unstained prime.
Thou hast passed by the ambush of young days
Either not assail'd or victor being charg'd;
Yet this thy praise cannot be so thy praise,
To tie up envy evermore enlarg'd:
 If some suspect of ill mask'd not thy show,
 Then thou alone kingdoms of hearts shouldst owe.

Людская брань тебе не вменится в вину,
Затем что красота злословье возбуждает,
А подозренья вокруг румяных щек витает,
Как стая воронят, летящих в вышину.
Будь ты добра, мой друг, – и подтвердит
злословье
Достоинства твои. Ведь хитрый червячок
Умеет заползти в прелестнейший цветок –
В тебе ж есть для того все нужные условия.

Да, ты пережила тревоги юных дней
И вышла из борьбы чиста и своевольна;
Но этого всего еще ведь не довольно,
Чтобы спасти тебя от зависти людей.
Когда бы ты к тому ж избегла подозренья,
То ты бы все сердца пленила, без сомненья!

Перевод Н.В. Гербеля

То не беда, что ты хулы предмет!
Прекрасное рождает осужденье.
Ведь красоты без темных пятен нет.
И в чистом небе ворон реет тенью.
Будь ты хорош, и грязный яд злословья
Поднимет лишь тебя в глазах людей.
Ведь червь грызет с особенной любовью
Сладчайший цвет. Ты ж – цвет весенних
дней!

Ты пережил соблазны юных лет
Нетронутым иль свергнув нападение,
Но этим злейший возбудил навет
И дал ему свое утроить рвенье.
Когда бы он тебя не искажал,
Милion сердец к твоим ногам бы пал.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXI

No longer mourn for me when I am dead
Than you shall hear the surly sullen bell
Give warning to the world that I am fled
From this vile world, with vilest worms to dwell:
Nay, if you read this line, remember not
The hand that writ it; for I love you so,
That I in your sweet thoughts would be forgot
If thinking on me then should make you woe.
O, if, I say, you look upon this verse,
When I perhaps compounded am with clay,
Do not so much as my poor name rehearse,
But let your love even with my life decay,
 Lest the wise world should look into your moan,
 And mock you with me after I am gone.

О, если я умру, не дольше слезы лей,
Чем длиться будет звон суровый погребальный,
Когда он возвестит, что злобный мир печальный
Покинул я, уйдя в обитель злых червей.
При виде этих строк – покинь воспоминанье
О дружеской руке, что начертала их.
Я так тебя люблю, что и в мечтах твоих
Я не желаю жить, коль принесет страданье
Тебе мысль обо мне. О да, скажу я вновь:

При виде строк моих – когда навек угасну –
Ты друга имени не называй всечасно!
Пусть с жизнью моей уйдет твоя любовь,
Не то наш мудрый свет зло смехом покарает
Тебя за то, что нас и смерть не разлучает.

Перевод И.А. Гриневской

Когда умру, меня оплакивай не доле,
Чем будет лить свой звон наш колокол большой,
Который возвестит, что принят я землей,
Чтоб сделаться червей добычею – не боле.
При чтеньи этих строк, прошу, не вспоминай
Писавшей их руки, затем что ты – мой рай,
И я бы не хотел в мечтах твоих прекрасных
Явиться пред тобой причиной слез напрасных.
Прошу тебя, когда я обращуся в прах,
Не называй меня по имени, царица,
При виде этих строк, написанных в стихах;
Но пусть любовь твою возьмет моя гробница.
Чтобы лукавый свет, услыша тихий вздох
Твой, осмеять тебя из-за меня не мог.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда умру, оплакивай меня
Не долее, чем перезвон печальный,
Что возвестит отход из мира зла
На пир червей, под камень погребальный.

При чтении этих строк не вспоминай
Руки моей, писавшей их когда-то.
Я так люблю тебя! Мне лучше, знай,
Забытым быть тобою без возврата,
Чем отуманить облик твой слезой.
Задумавшись над строфами моими,
Не поминай, печальный, мое имя,
Любовь твоя пускай умрет со мной,
 Чтоб злобный мир, твою печаль почуя,
 Не осмел бы нас, когда умру я.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXII

O, lest the world should task you to recite
What merit lived in me, that you should love
After my death, dear love, forget me quite,
For you in me can nothing worthy prove;
Unless you would devise some virtuous lie,
To do more for me than mine own desert,
And hang more praise upon deceased I
Than niggard truth would willingly impart:
O, lest your true love may seem false in this
That you for love speak well of me untrue,
My name be buried where my body is,
And live no more to shame nor me nor you.

For I am shamed by that which I bring forth,
And so should you, to love things nothing
worth.

О, друг мой, чтобы мир не жаждал объясненья,
За что ты любишь так, и мертвого, меня,
Меня ты позабудь, забудь без сожаленья,
Во мне нет ничего, чтоб мог при свете дня
Ты миру показать. Прибегнуть к лжи прекрасной
Придется, друг, тебе, чтоб мне хвалу воздать,
Что правда в скупости воздать мне не согласна.
В уборе чуждом мне я не хочу предстать!

Чтобы любовь твоя, мой друг, пред светом целым
За все хвалы твои неправой не слыла –
Пусть имя бедное мое угаснет с телом,
Чтобы позора мгла меня не стерегла.
Я дел моих стыжусь! как я – ты их осудишь.
Что низкое ты чтил – стыдиться вечно будешь.

Перевод И.А. Гриневской

Чтоб свет не мог спросить прекрасную тебя,
За что ты чтить мой прах, в гробу меня любя,
Ты лучше позабудь меня, небес создание,
Затем что указать, увы! не в состоянье
Ты ничего во мне такого, что б могло
Мне озарить ясней померкшее чело
И больше хвал воздать, чем правда, что всех колет,
Не прибегая к лжи, могла б себе позволить.
Когда любовь тебя сказать заставить может
Неправду обо мне, пусть вместе с телом сложет
Губительная смерть и скромный мой веночек,
Чтоб нам на стыд сиять средь мира он не мог.
Меня одним стыдом клеймят мои творенья,
Тебя ж – любовь того, к кому нет уваженья.

Перевод Н.В. Гербеля

Из страха, чтоб тебя не раздражали
Вопросами, какую из заслуг
Я удостоился твоей печали,

Когда умру, – забудь меня, мой друг!
Нет у меня заслуг, а ты невольно
Выдумывать начнешь их или лгать
И скажешь более, чем добровольно
Скупая правда может мне их дать.
Пусть, чтобы ложь любви не загрязнила
И чтобы ты не лгал, меня любя, –
Мое название возьмет могила,
Ни одного из нас не устыдя:
 Меня – за скудость дел моих, тебя –
 За то что жил, ничтожество любя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXIII

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruin'd choirs, where late the sweet birds sang.
In me thou see'st the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west,
Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.
In me thou see'st the glowing of such fire,
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed, whereon it must expire,
Consumed with that which it was nourish'd by.

This thou perceivest, which makes thy love
more strong,

To love that well, which thou must leave ere long.

Ты видишь – я достиг поры той поздней года,
Когда на деревьях по нескольку листков
Лишь бьется, но и те уж щиплет непогода,
Тогда как прежде тень манила соловьев.
Во мне ты видишь, друг, потемки дня такого,
В котором солнце лик свой клонит на закат,
А ночь уже спешит над жизнью сурово
Распространить свой гнет, из черных выйдя врат.

Ты видишь, милый друг, что я едва пылаю,
Подобно уж давно зажженному костру,
Лишенному того, чем жил он поутру,
И, не дожив, как он, до ночи, потухаю.
Ты видишь – и сильнее горит в тебе любовь
К тому, что потерять придется скоро вновь.

Перевод Н.В. Гербеля

Во мне ты можешь видеть время года,
Когда слетел иль редок желтый лист
На тех ветвях, что треплет непогода,
Там, где весной звучал веселый свист.
Во мне ты видишь сумерки тех дней,
Когда заря на западе блистает,
А ночь за ней – все ближе, все черней –
В подобье смерти мир успокояет.
Во мне ты видишь тление костра
На пепле чувств всего, что было мило,
Достигшее до смертного одра,
Снедаемое тем, чем прежде жило.
И, видя это, любишь ты сильнее
Того, чья жизнь – вопрос немногих дней.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXIV

But be contented: when that fell arrest
Without all bail shall carry me away,
My life hath in this line some interest,
Which for memorial still with thee shall stay.
When thou reviewest this, thou dost review
The very part was consecrate to thee:
The earth can have but earth, which is his due;
My spirit is thine, the better part of me:
So then thou hast but lost the dregs of life,
The prey of worms, my body being dead;
The coward conquest of a wretch's knife,
Too base of thee to be remembered.

The worth of that is that which it contains,
And that is this, and this with thee remains.

Но примиришь с моей безжалостной судьбой:
Пусть смерть меня сразит, тогда исчезну я,
А песни все мои останутся с тобой,
И ты поймешь их смысл, что в них вся жизнь моя.
И что я посвятил тебе в моих стихах,
Отыщешь в Песнях все – и усладишь твой слух.
Владей моей душой. Отходит к праху прах,
Но лучшее – твое, и лучшее – мой дух.
Итак, утратишь ты осадок бытия,

Добычею червей напрасно дорожа:
Для памяти твоей плоть низменна моя,
Негоднейший трофей злодейского ножа.
И то, что в ней жило, вот чем ценна она:
То песнь моя, тебе навеки отдана.

Перевод П.В. Быкова

Покоен будь: когда я буду смертью скован,
Без мысли быть опять когда-нибудь раскован,
Останутся тебе на память, милый мой,
Немногие стихи, написанные мной.
И, пробегая их, увидишь, друг мой милый,
Что эти сотни строк посвящены тебе:
Лишь прах возьмет земля, как должное, себе,
Но лучшее – мой ум – твое, мой друг, с могилой.
Итак, когда умрет покров души моей,
Ты потеряешь лишь подонки жизни брэнной,
Добычу черной мглы, хирургов и червей,
Не стоящую слез твоей тоски священной.
Стихи ж мои могу почтить я похвалой
За то, что их никто не разлучит с тобой.

Перевод Н.В. Гербеля

Покоен будь. Когда приказ суровый
Бесследно унесет меня долой,
В моих стихах вернусь я к жизни снова,
И в памяти останусь я с тобой.

Читая их, прочтешь, что в лучшей части
Они, мой друг, посвящены тебе.
Земля пойдет к земле. В твоей же власти
Останется все лучшее во мне.
Итак, утратишь ты лишь труп презренный,
Добычу злодеяний и червей,
Не стоящий твоей тоски священной
И не достойный памяти людей.
 В нем содержание лишь было ценно,
 Оно же здесь пребудет неизменно.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXV

So are you to my thoughts as food to life,
Or as sweet-season'd showers are to the ground;
And for the peace of you I hold such strife
As 'twixt a miser and his wealth is found;
Now proud as an enjoyer and anon
Doubting the filching age will steal his treasure,
Now counting best to be with you alone,
Then better'd that the world may see my pleasure;
Sometime all full with feasting on your sight
And by and by clean starved for a look;
Possessing or pursuing no delight,
Save what is had, or must from you be took.
 Thus do I pine and surfeit day by day,
 Or gluttoning on all, or all away.

Ты, друг, для дум моих, что пища для живых,
Иль вешние дожди для жаждущих полей.
Чтоб твой покой сберечь, в борьбе я не затих,
Воюю, как скупец, из-за казны своей.
Сокровищем кичась, страшится он порой,
Чтоб хищник-время вдруг богатства не раскрал, —
И я то жажду быть наедине с тобой,
То рад, чтоб целый свет мое блаженство знал.
Чуть вижу я тебя — насыщена душа,

Отсутствием – томлюсь, чтоб на тебя взглянуть,
Не ведая других блаженств, лишь тем дыша,
Отрадой той, что мне ты проливаешь в грудь.
Вот так то я томлюсь, то пресыщен теперь,
То дожираю все, то стражду от потерь.

Перевод П.В. Быкова

Ты то же для меня, что пища для желудка
Иль для сухой земли весенние дожди –
И, ради твоего спокойствия, в груди
Моей идет борьба, как это мне ни жутко,
Скупца с своей казной: то радуюсь тобой,
То за твое дрожу благое совершенство,
То наслаждаюсь сам твоею красотой,
То жажду, чтобы свет вкушал со мной блаженство;
То иногда тобой бываю пресыщен,
То жажду всей душой чарующего взгляда –
И лучшего в тот миг блаженства мне не надо,
Чем то, которым был и буду награжден.
Так день за днем томлюсь я, точно отчужденный,
То пресыщенный всем, то вновь всего лишенный.

Перевод Н.В. Гербеля

Для дум моих ты то, что пища телу,
Иль благодатный дождик в летний зной.
Я за тебя в разладе сам с собой,
Как с деньгами скупец закоренелый:

То горд, как обладатель, то потом
Боюсь, мой клад похитят годы-воры,
То жажду только быть с тобой вдвоем,
То привлекать на нас с тобой все взоры, –
То на тебя гляжу до пресыщенья,
То изнываю в жажде увидеть.
Не знаю я другого наслажденья,
Чем то, которое ты можешь дать.
 Так я то сыт, то алчен – день за днем
 Бывая нищим или богачом.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXVI

Why is my verse so barren of new pride,
So far from variation or quick change?
Why with the time do I not glance aside
To new-found methods and to compounds strange?
Why write I still all one, ever the same,
And keep invention in a noted weed,
That every word doth almost tell my name,
Showing their birth, and where they did proceed?
O, know, sweet love, I always write of you,
And you and love are still my argument;
So all my best is dressing old words new,
Spending again what is already spent:
 For as the sun is daily new and old,
 So is my love still telling what is told.

Зачем от новизны далек мой скромный стих,
Не ищет перемен и смены в жизни дня?
Зачем я не хочу ни слов, ни форм иных,
Хоть время и летит, лишь старое храня?
Зачем пишу одно, все вымыслы любя
Облечь в знакомый всем наряд, или язык?
И каждую строкой я выдаю себя,
И открываю слов и смысла их родник?
О, знай, друг дорогой, лишь о тебе пишу,

Вся суть моих стихов одна – ты и любовь.
И в новом старый стих опять преподношу,
И новый пересказ даю о старом вновь.
Как старый солнца луч сверкает новизной,
Так и мой стих твердит слова любви одной.

Перевод П.В. Быкова

Зачем я не ищу тем новых, как бывало,
И отчего в моих стихах так жару мало?
Зачем я к новизнам заманчивым не рвусь
И разрешать задач мудреных не стремлюсь?
И почему пишу я все одно и то же
И отношусь что день к воображенью строже,
Хоть каждое словцо, являясь наголо,
Показывает, как оно произошло?
Так знай, что про тебя пишу я лишь, родная,
Что вдохновлять – тебе и страсти лишь дано,
А потому, слова все те же повторяя,
Я трачу вновь лишь то, что уж расточено.
Как солнце старцам лик свой каждый день являет,
Так и любовь моя зады лишь повторяет.

Перевод Н.В. Гербеля

Зачем мой стих так беден новизной
И так далек от смелых выражений?
Зачем я с веком не ищу порой
Иных созвучий, свежести сравнений?

Зачем пишу все то же об одном,
Все облакая в прежние одежды,
И в каждом слове выдаю пером,
Кто вдохновитель мой и где надежды?
О, знай, мой друг, ты свет моих стихов;
Ты и любовь – вот все их содержанье.
Я только тщусь из тех же старых слов
Дать чувству вновь иное одеянье.
Ведь солнце каждый день старо и ново.
Так и любовь, твердя все то же слово.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ LXXVII

Thy glass will show thee how thy beauties wear,
Thy dial how thy precious minutes waste;
These vacant leaves thy mind's imprint will bear,
And of this book this learning mayst thou taste.
The wrinkles which thy glass will truly show
Of mouthed graves will give thee memory;
Thou by thy dial's shady stealth mayst know
Time's thievish progress to eternity.
Look, what thy memory cannot contain
Commit to these waste blanks, and thou shalt find
Those children nursed, deliver'd from thy brain,
To take a new acquaintance of thy mind.
 These offices, so oft as thou wilt look,
 Shall profit thee and much enrich thy book.

Ты в зеркале узришь всю убыль красоты,
Часы подскажут счет растрченных минут,
Из книжки записной урок получишь ты,
Когда ее листки твой дух передадут.
То зеркало, твои морщины отразив,
Зияющих могил тебе напомним ряд.
А тень часов следя, поймешь времен призыв,
Что, крадучись как вор, дни к вечности летят.
Что в памяти своей не можешь удержать,

То книжке этой вверх, ее пустым листкам –
И вскормленных детей, что бросил мозг, опять
Тогда признает здесь и примет дух твой сам.
И вот, когда листки задумаешь прочесть,
Ты пользу обретешь – и это книжке честь.

Перевод П.В. Быкова

Ты в зеркале своем увидишь, как ты вянешь,
А на часах – как быстр в полете жизни шум;
На девственных листьях оставит след твой ум.
Причем из книги той ты многое узнаешь.
Морщины, что тебе зеркальное стекло
Покажет, наведут тебя на мысль о гробе,
А верные часы укажут то русло,
Где время тмит свой след у вечности в утробе.
А то, что память в нас не в силах удержать,
Поверь ты тем листкам – и ты увидишь милы
Ряд мыслей, твоего ума рожденных силой,
Чтоб снова пред тобой им новыми предстать.
Когда ж к ним взор себя склониться удосужит
На пользу лишь тебе и книге то послужит.

Перевод Н.В. Гербеля

Как вянешь ты, пусть зеркало покажет,
Твои часы – как праздно ты живешь.
В пустых листах твой дух печатью ляжет,
В них поученье ты себе найдешь:

Морщины, отраженные стеклом,
Твердят, что нас могила ожидает,
А ход часов не шепчет ли о том,
Что в вечность время, крадучись, шагает?
Чего не может память сохранить,
Доверь пустым листам, и ты неожиданно,
Когда начнут созданья мозга жить,
Познаешь дух, тебе природой данный.
 Чем чаще будешь их читать, тем ты
 Богаче будешь, а с тобой – листы.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXVIII

So oft have I invoked thee for my Muse
And found such fair assistance in my verse
As every alien pen hath got my use
And under thee their poesy disperse.
Thine eyes, that taught the dumb on high to sing
And heavy ignorance aloft to fly
Have added feathers to the learned's wing
And given grace a double majesty.
Yet be most proud of that which I compile,
Whose influence is thine, and born of thee:
In others' works thou dost but mend the style,
And arts with thy sweet graces graced be;
 But thou art all my art and dost advance
 As high as learning, my rude ignorance.

Ты музой был моей. Тобой одним согретьй,
Такую красоту обрел мой легкий стих –
Что вслед за мной идут другие все поэты
И по моим следам несутся перья их.
Твой взор немым давал способность песнопенья,
Недвижного глупца ввысь уносил твой взор,
Ученых окрылял и, с властью Провиденья,
Талант он облакал в величия убор.
Гордись мной более, чем прочими певцами,

Им дал ты лишь твой блеск. Создание я твое;
Твоими чистыми, горячими лучами
Проникнуто насквозь все существо мое.
Искусство ты мое, а я твое создание;
Мне невежество вознес ты в сферу знания.

Перевод И.А. Гриневской

Как часто Муза, друг, моя к тебе взывала
И помощь от тебя такую ж получала,
Как и враждебных мне поэтов наших рой,
Бряцанье лир своих склонявших пред тобой.
Глаза твои, немых подвигнувшие к пенью
И дикость научив высокому пареню,
Вложили перьев пук в ученое крыло,
И Грацию поднять заставили чело.
Но ты гордись лишь тем, что я к своим созданиям
Схожу в тиши ночной лишь под твоим влияньем!
Ты исправляешь стиль в творениях других
И прелесть чувств своих даешь страницам их;
Искусство же мое живет одним тобою,
Взнесенное твоей ученостью благою.

Перевод Н.В. Гербеля

Я так же часто призывал тебя
Быть Музою моих стихотворений,
Как все другие, что несут, как я,
К твоим стопам плоды их вдохновений.

Твой облик, что научит петь немого
И неуча парить за облака,
Дал силы новые искусству слова,
Удвоил мощь и грацию стиха.
Но более всего гордись моим:
В нем все – любовь, все – пламень чувства.
Ты только придал внешний блеск другим
И прелестью своей развил искусство –
 Но можно ли сравнить, что сделал мне ты,
 Из неуча взведя меня в поэты?

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXIX

Whilst I alone did call upon thy aid,
My verse alone had all thy gentle grace,
But now my gracious numbers are decay'd,
And my sick Muse doth give an other place.
I grant, sweet love, thy lovely argument
Deserves the travail of a worthier pen,
Yet what of thee thy poet doth invent
He robs thee of, and pays it thee again.
He lends thee virtue, and he stole that word
From thy behaviour; beauty doth he give,
And found it in thy cheek; he can afford
No praise to thee but what in thee doth live.

Then thank him not for that which he doth say,
Since what he owes thee thou thyself dost pay.

Когда я звал тебя один, тогда звучали
Одни мои стихи чудесно, дорогой!
Но муза в недуге моя, полна печали,
Теперь принуждена здесь место дать другой.
Для песен в честь тебя, о друг мой, я согласен,
Должно бы взять перо победное в борьбе:
Ты полон нежных чар, пленителен, прекрасен.
Поэт твой лишь крадет все, что дает тебе.
О, в добродетель, друг, тебя он наряжает.

Но слово то он взял из добрых твоих дел
И красоту со щек твоих же похищает,
Всем обладаешь ты, что он в стихах воспел.
О друг мой, не нужна ему твоя уплата:
Все, что тебе он дал, – все от тебя же взято.

Перевод И.А. Гриневской

Пока один просил я помощи твоей,
К одним моим стихам была ты благосклонна,
Теперь же стих мой стал с годами тяжелей –
И я забыт, и ты внимать другому склонна.
Конечно, качества прекрасные твои
Должны быть и пером прекраснейшим воспеты;
Но знай, что у тебя ж те перлы слов поэты
Возьмут, чтоб возратить потом их как свои.
Они дадут тебе, мой друг, лишь то, чем полны
Дела твои – дадут те перлы красоты,
Что зыблются в тебе, как огненные волны,
Но не дадут того, чем не владеешь ты.
Итак, не награждай ты слов их похвалою,
Затем что и без них ты платишь им с лихвою.

Перевод Н.В. Гербеля

Пока один тебя я призывал,
Ты лишь мои стихи дарил приветом.
Теперь, когда отцвел мой мадригал
И Муза перешла к другим поэтам,

Я допускаю: чар твоих предмет
Достоин лучшего пера, чем это,
Но все, что скажет о тебе поэт, –
Платеж тебе твоею же монетой.
Достоинства ль твои он воспевает –
Он из твоих поступков их берет.
Красу у щек твоих он похищает.
Что он ни славит, все в тебе живет.
Чего ж тебе его благодарить
За то, что сам ты вынужден платить?

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXX

O, how I faint when I of you do write,
Knowing a better spirit doth use your name,
And in the praise thereof spends all his might,
To make me tongue-tied, speaking of your fame!
But since your worth, wide as the ocean is,
The humble as the proudest sail doth bear,
My saucy bark inferior far to his,
On your broad main doth wilfully appear.
Your shallowest help will hold me up afloat,
Whilst he upon your soundless deep doth ride;
Or, being wrack'd, I am a worthless boat,
He of tall building, and of goodly pride:
Then if he thrive and I be cast away,
The worst was this; my love was my decay.

Нет, не могу я петь. Мой дух изнемогает!
Сильнейшего твоя пленяет красота.
Иной в хвалу тебе стихи теперь слагает,
Пред силою его – немые мои уста.
Но чары все твои, как океан, безбрежны.
В стихии мощной их и судно, и ладья
Свободно могут плыть. И челн мой безмятежно
Направлю по волнам глубоким смело я.
Мне помощи; пушусь вперед я, как бывало,

Как он, что носится в бездонных глубинах.
О, если разобьюсь – так что ж? – челнок я малый,
Великий он корабль в бесчисленных снастях.
Пусть к цели он придет. Пусть погружусь в пучину.
Случится худшее: друг, от любви я сгину.

Перевод И.А. Гриневской

Я трепещу, когда тебя изображаю:
Ум, посильней, чем мой, всю тратит мощь – я знаю
На похвалы тебе, чтоб мой язык сковать,
Готовый век тебя хвалить и воспевать.
Но глубоки твои достоинства, как море,
А море носит все – корабль, челнок, ладью, –
И вот с отвагою я лодочку мою
Пустил в твой океан. И если в этом споре
Я буду кое-как держаться близ земли,
Его ж корабль нестись над бездною кипучей
Иль в щепы разобью я челн свой на мели,
А он останется во всей красе могучей, –
Тогда как удручен сознанием буду я,
Что мне погибелью была любовь моя!

Перевод Н.В. Гербеля

О, как мне страшно о тебе писать,
Узнав, что лучший дух тебя возносит
И силится мои хвалы поправить!
Но раз дары твои свободно носят,

Как океан безбрежный, все равно
И бедное, и мощное ветрило,
Мой жалкий челн – пускай слабей его! –
Направит вдаль упрямое правило.
Спасешь – и полечу по гребню волн,
Пока он ждет над бездной молчаливой.
Дашь гибель – значит, я негодный челн,
А он могуч в постройке горделивой.
И если рок судил мне поражение,
В моей любви гнездилося уж паденье...

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXXI

Or I shall live your epitaph to make,
Or you survive when I in earth am rotten;
From hence your memory death cannot take,
Although in me each part will be forgotten.
Your name from hence immortal life shall have,
Though I, once gone, to all the world must die:
The earth can yield me but a common grave,
When you entombéd in men's eyes shall lie.
Your monument shall be my gentle verse,
Which eyes not yet created shall o'er-read,
And tongues to be your being shall rehearse
When all the breathers of this world are dead;
 You still shall live – such virtue hath my pen –
 Where breath most breathes, even in the
mouths of men.

Рука моя ль тебе над гробом строфы сложит,
Иль будешь ты в живых, когда сгнию в земле –
Но славу, друг, твою смерть унести не может,
Хотя б исчезнул я навек в могильной мгле.
Век имя будет жить твое здесь в поднебесной,
Когда же я умру – умру я навсегда.
Я лягу, как и все – в могиле безызыстной,
Твой гроб найдет привет в грядущие года!

И памятник над ним – то будет стих мой нежный!
Грядущих в мир людей глаза его прочтут!
И о тебе уста гармонией безбрежной
Заговорят, когда все сущие умрут.
Ты вечно будешь жить. Перо мое могуче!
Где мощней дышит грудь – слышней мое созвучье.

Перевод И.А. Гриневской

Мне ль пережить тебя назначил рок,
Иль раньше буду я в земле зарыт,
Не вырвет смерть тебя из этих строк,
Хотя я буду сам давно забыт.
Бессмертье в них тебе судил Всесильный,
А мне, когда умру, – удел червей.
Мне предназначен скромный холм могильный,
Тебе – нетленный трон в очах людей.
Твой монумент – мой стих: прочтут его
Еще бытъя не знающие очи
На языках, неведомых еще.
Когда мы все умолкнем в вечной ночи,
Ты будешь жив – так мощен я в стихах, –
Где дышит дух живой – в людских устах!

Перевод Н.В. Гербеля

Мне ль пережить тебя назначил рок,
Иль раньше буду я в земле зарыт,
Не вырвет смерть тебя из этих строк,

Хотя я буду сам давно забыт.
Бессмертье в них тебе судил Всесильный,
А мне, когда умру, – удел червей.
Мне предназначен скромный холм могильный,
Тебе – нетленный трон в очах людей.
Твой монумент – мой стих: прочтут его
Еще бытъя не знающие очи
На языках, неведомых еще.
Когда мы все умолкнем в вечной ночи,
Ты будешь жив – так мощен я в стихах,
Где дышит дух живой – в людских устах!

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ LXXXII

I grant thou wert not married to my Muse,
And therefore mayst without attain o'erlook
The dedicated words which writers use
Of their fair subject, blessing every book.
Thou art as fair in knowledge as in hue,
Finding thy worth a limit past my praise,
And therefore art enforced to seek anew
Some fresher stamp of the time-bettering days.
And do so, love; yet when they have devised,
What strained touches rhetoric can lend,
Thou truly fair wert truly sympathized
In true plain words by thy true-telling friend;
 And their gross painting might be better used
 Where cheeks need blood; in thee it is abused.

Ты с музою моей не скован браком вечным;
Иных певцов хвалы свободен слушать ты.
Пускай дано воспеть стихам их бесконечным
Труды твои, твои прекрасные черты.
Как ты красив умом, так ты прекрасен телом,
Ты выше всех моих похвал, и вновь искать
Ты должен строф таких, чтобы в полете смелом
Могли бы на крылах они тебя поднять.
Ищи. Но в час, когда поблекнут выраженья,

Что дух риторики твоим певцам дает,
В простых словах моих, правдивых, – отраженье
Вся красота твоя, как в зеркале, найдет.
Румяна грубые их бледным лицам годны,
А для тебя они не нужны, друг, бесплодны.

Перевод И.А. Гриневской

Я знаю, что с моей не связана ты Музой
И потому – права, считая злой обузой
Слова, при коих сонм навязчивых певцов
Шлет милым существам столбцы своих стихов.
Ты ум и красоту одна в себе вмещаешь
И, зная, что хвалы мои все превышаешь,
Принуждена искать других себе певцов,
Чтоб сохраненной быть для будущих веков.
Но пусть они прольют в работе неустанной
Все тонкости своей риторики туманной –
Поверь, что красоту твою и сердца пыл
Правдиво лишь один твой друг изобразил.
Для грубой кисти их сподручна лишь дорога,
Где в красках недочет, а у тебя их много.

Перевод Н.В. Гербеля

Допустим, что ты чужд моим стихам
И можешь дать оценку беспристрастно
Тем посвященьям, что к твоим стопам
Писатели несут подобострастно.

Ты столь же полон знаний, как красот,
И, думая, что мной не оценен,
Теперь искать размеров принужден
Свежей моих для песен и для од.
Ну что ж, ищи! Но ты увидишь скоро,
Как много лжи среди выпренных потуг,
Что истинно, без ложного убора
Тебя изобразил лишь твой правдивый друг.
Прикрасы там нужны, где все убого,
Где красок нет, – в тебе же их так много!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXXIII

I never saw that you did painting need,
And therefore to your fair no painting set;
I found, or thought I found, you did exceed
That barren tender of a poet's debt:
And therefore have I slept in your report,
That you yourself being extant well might show
How far a modern quill doth come too short,
Speaking of worth, what worth in you doth grow.
This silence for my sin you did impute,
Which shall be most my glory, being dumb;
For I impair not beauty being mute,
When others would give life and bring a tomb.
 There lives more life in one of your fair eyes
 Than both your poets can in praise devise.

Я видел: не нужны щекам твоим румяна;
На красоту твою я их не налагал.
И выдумок певцов, красивого обмана
Не ищешь ты, мой друг, – всегда я полагал –
И потому всегда я медлил похвалами;
Ты жизнь свою то можешь показать,
Что ни одно перо звучнейшими строфами
Не в силах было бы достойно описать.
Молчанье ставишь в грех мне. В нем я вижу силу.

Молчаньем красоте обид не наношу,
Желая дать ей жизнь – все роют ей могилу,
И потому я нем. Похвал ей не пишу.
Есть больше чар в одном из глаз твоих
прекрасных,
Чем в строфах двух твоих поэтов сладкогласных.

Перевод И.А. Гриневской

Нуждалась ли ты, друг, в прикрасах – я не знал
И к белизне твоей румян не прибавлял:
Я думал, что ты все далеко превосходишь,
Что может дать поэт, которого ты водишь.
А если громче я тебя не воспевал,
То только потому, что сам же доказал,
Как мертвенно перо мое изображало
Все, что в душе твоей цело и обитало.
Молчание мое ты мне вменила в грех –
И тем грехом могу хвалиться я при всех,
Так как вреда мое молчанье не наносит,
А похвалы иных забвение приносят.
Мой друг, твои глаза мне больше говорят,
Чем весь поэтов хор, прославивший твой взгляд.

Перевод Н.В. Гербеля

По-моему, прикрас тебе не надо,
И потому я их не придавал.
Я находил, что чар твоих отрада

Сильнее всех напыщенных похвал.
Поэтому умолк я, чтоб ты сам
Мог видеть, как новейшие приемы
Неподходящи, слишком узки там,
Где совершенства с ложью не знакомы.
Мое молчанье ты вменил мне в грех,
Когда оно достойно одобренья
За то, что не был я собратом тех,
Кто вместо жизни дал лишь искаженье.
 В твоих очах гораздо больше света,
 Чем могут выразить твои поэты.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXXIV

Who is it that says most, which can say more
Than this rich praise, that you alone, are you?
In whose confine immured is the store
Which should example where your equal grew.
Lean penury within that pen doth dwell
That to his subject lends not some small glory;
But he that writes of you, if he can tell
That you are you, so dignifies his story,
Let him but copy what in you is writ,
Not making worse what nature made so clear,
And such a counterpart shall fame his wit,
Making his style admired every where.

You to your beauteous blessings add a curse,
Being fond on praise, which makes your
praises worse.

Красноречивей кто? Кто выразить сумеет
Хвалу превыше той, что ты, о друг мой, ты?
В тебе одном все есть, в тебе одном то зреет,
Что служит мерою твоей же высоты.
Перо, что вознести предмет свой не сумело,
Как жалко то перо! Но тот, кто каждый раз
Расскажет о тебе, что ты – все ты – тот смело
Возвысит до небес правдивый свой рассказ.

Пусть рабски снимет он, что в чистом очертаньи
Написано в тебе. Природы ясных слов
Пусть он не затемнит, и это воссозданье
Поднимет стиль его превыше облаков.
Одно есть зло в тебе: напрасные заботы
Умножить тьмой похвал твои же все красоты.

Перевод И.А. Гриневской

Кто лучшею бы мог почтить тебя хвалою,
Чем та, что нет тебе подобной на земле?
Где скрыто в мире то, что может быть с тобою
Поставлено, мой друг прекрасный, наравне?
Как бедно то перо, которое не может
Предмету хвал своих воздать как должно честь;
Но для певца любви довольно, если сможет
Он описать тебя такою, как ты есть.
Пусть верно спишет то, что видит пред собою,
Не портя, что дано природой всеблагою, –
И вмиг прославит он тогда свой светлый ум
И звучностью стиха, и выпренности дум.
Средь бездны благ одно ты зло в себе вмещаешь:
Ты любишь похвалы и тем их уменьшаешь.

Перевод Н.В. Гербеля

Там большой пыл восторга невозможен,
Где сказано, что ты один лишь – ты...
В каких краях, где в тайниках заложен

Бесценный перл подобной красоты?
Убого то перо, что не сумеет
Превознести предмета своего.
Но о тебе одно сказать довлеет:
Что ты лишь ты – и больше ничего!
Кто спишет то, что вписано в тебе,
Не сказав, что создала природа, –
Такой поэт прославится везде,
И стих его не обесцветят годы.
Свои дары пятнаешь ты, цenia
Лишь чад похвал, уродящих тебя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXXV

My tongue-tied Muse in manners holds her still,
While comments of your praise richly compiled,
Reserve their character with golden quill,
And precious phrase by all the Muses filed.
I think good thoughts, whilst others write good words,
And like unlettered clerk still cry 'Amen'
To every hymn that able spirit affords,
In polish'd form of well-refined pen.
Hearing you praised, I say 'tis so, 'tis true,'
And to the most of praise add something more;
But that is in my thought, whose love to you,
Though words come hindmost, holds his rank before.
Then others, for the breath of words respect,
Me for my dumb thoughts, speaking in effect.

Взгрустнув, молчит моя задумчивая Муза,
В виду всех тех похвал стесняющего груза
И громких фраз, каких наслушался я вокруг
Из уст певцов, тебя хвалящих, милый друг.
Я мыслю хорошо, пока другие пишут
И, как дьячок, «аминь» кричу на весь народ
В ответ на каждый гимн, в котором звуки дышат
А содержанье в нас так мудростью и бьет.
И, слыша похвалы, «о, правда!» я взываю

И к похвалам тем лишь немного прибавляю,
Но если мой язык и мало говорит,
То мысленно любовь у ног твоих лежит.
Так уважай других за их слова благие,
Меня же, милый друг, за помыслы немые.

Перевод Н.В. Гербеля

Моя немая муза, милый, спит,
Когда к тебе несутся песнопенья,
И много перьев золотых скрипит,
А музы ткут изысканность хваленья.
Со мною – мысль, с другими – лишь слова.
Кричу «аминь», как дьяк во славу Бога,
Услышав всякий гимн, где у стиха
Изящество и благозвучье слога.
И говорю: «Да, это так; да, верно!»
И хочется еще хвалы прибавить,
Но мысленно. В моей любви безмерной
Не слово – мысль одна умеет славить.
Цени ж других за их слова пустые;
Меня – за мысли пламенно-немые.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXXVI

Was it the proud full sail of his great verse,
Bound for the prize of all too precious you,
That did my ripe thoughts in my brain inhearse,
Making their tomb the womb wherein they grew?
Was it his spirit, by spirits taught to write,
Above a mortal pitch, that struck me dead?
No, neither he, nor his compeers by night
Giving him aid, my verse astonished.
He, nor that affable familiar ghost
Which nightly gulls him with intelligence,
As victors of my silence cannot boast;
I was not sick of any fear from thence:
 But when your countenance fill'd up his line,
 Then lack'd I matter; that enfeebled mine.

Его ли гордый стих, прекрасный и могучий,
Возвышенный мечтой награду получить,
Сковал в мозгу моем паренье мысли жгучей,
Где прежде рок судил родиться ей и жить?
Его ли дух, толпой злых духов наученный
Стать выше смертных всех в творении своем
Сразил меня? О нет! Ни дух тот благосклонный,
Который над его господствует умом,
Заставил замолчать мою святую лиру;

Ни он, певец любви, ни дух его благой,
Вносящий ум его к надзвездному эфиру,
Не в силах наложить печать на голос мой!
Но если с уст твоих хвала к нему слетает,
То муза дум моих мгновенно умолкает.

Перевод Н.В. Гербеля

Его стихов ли гордое ветрило,
Стремясь к тебе, награде всех наград,
В моем мозгу рой дум похоронило
И обратило в гроб цветущий сад?
Его ли дух, злым духом наученный
Писать стихи, стал палачом моих?
Нет, не злой дух, советник сокровенный,
Нет, и не сам он поразил мой стих.
Ни он, ни этот тайный вдохновитель,
Средь тишины желанный гость ночной,
Не может хвастаться как победитель.
Я не боюсь побед их надо мной!
Но чуть ты стал сочувствовать ему,
Я замолчал и погрузился в тьму.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ LXXXVII

Farewell! thou art too dear for my possessing,
And like enough thou know'st thy estimate:
The charter of thy worth gives thee releasing;
My bonds in thee are all determinate.
For how do I hold thee but by thy granting?
And for that riches where is my deserving?
The cause of this fair gift in me is wanting,
And so my patent back again is swerving.
Thyself thou gavest, thy own worth then not knowing,
Or me, to whom thou gavest it, else mistaking;
So thy great gift, upon misprision growing,
Comes home again, on better judgement making.
Thus have I had thee as a dream doth flatter,
In sleep a King, but waking no such matter.

Прощай – ты для меня уж слишком дорога;
Да и сама себе ты, верно, знаешь цену.
Нажив достоинств тьму, ты сделалась строга;
Я ж, став твоим рабом, найду на перемену,
Чем, кроме просьб, тебя могу я удержать,
И чем я заслужил такое совершенство?
Нет, не по силам мне подобное блаженство,
И прав я на него не вправе заявлять.
Ты отдала себя, цены себе не зная,

Иль – может – как во мне, ошиблась ты в себе.
И вот, случайный дар мне милый возвращая,
Я вновь его дарю, прекрасная, тебе.
Да, ты была моей, но долго ль это было?
Я спал – и был царем, проснулся – и все сплыло.

Перевод Н.В. Гербеля

Прощай! Ты слишком дорог для меня
И самому себе ты знаешь цену.
Тебе свобода мной возвращена,
И моему предел положен плену.
Как удержать тебя мне против воли?
Заслугами моими не богат, –
Не стою я такой блаженной доли
И все права мои даю назад.
Ты дал их мне, еще меня не зная
И зная мало о себе самом.
Твои дары, в разладе возрастая,
Из чуждого вернутся в отчий дом.
Я обладал тобой, как в сновиденьи,
И был царем – до мига пробужденья.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXXVIII

When thou shalt be disposed to set me light,
And place my merit in the eye of scorn,
Upon thy side against myself I'll fight,
And prove thee virtuous, though thou art forsworn.
With mine own weakness being best acquainted,
Upon thy part I can set down a story
Of faults conceal'd, wherein I am attained;
That thou in losing me shalt win much glory:
And I by this will be a gainer too;
For bending all my loving thoughts on thee,
The injuries that to myself I do,
Doing thee vantage, double-vantage me.
Such is my love, to thee I so belong,
That for thy right myself will bear all wrong.

Когда тебе придет охота пренебречь
И обо мне повесть презрительную речь,
Я сам, друг, на себя готов с тобой подняться
И, про грешки забыв, тобою восхищаться.
Привыкнувши свои проступки сознавать,
Тебе на пользу я могу порассказать
Кой-что про жизнь свою, что так меня бесславит,
И – верь – измена мне лишь честь тебе доставит.
Но это может быть и к выгоде моей,

Затем что я тебе весь пыл мой посвящаю
И, тем вредя себе для выгоды твоей,
Все ж пользу и себе при этом извлекаю.
Я так люблю тебя и счастлив так тобой,
Что для тебя готов пожертвовать собой.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда захочешь обличить меня,
Изобразив, глумясь, в окраске темной,
Против себя с тобою буду я
И докажу, что прав ты, вероломный!
Я лучше всех сам знаю, в чем я слаб.
Пред всеми разверну позорный свиток
Моих грехов, чтобы, как верный раб,
Сиянию твоему придать избыток.
И я не буду в проигрыше, нет, –
Лишь помышляя о твоём покое,
Все, что я сделаю себе во вред,
Раз нужно для тебя, нужней мне вдвое.
Я так люблю тебя. Весь, весь я твой!
Мне в радость скорбь моя за твой покой!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет LXXXIX

Say that thou didst forsake me for some fault,
And I will comment upon that offence;
Speak of my lameness, and I straight will halt,
Against thy reasons making no defence.
Thou canst not, love, disgrace me half so ill,
To set a form upon desired change,
As I'll myself disgrace: knowing thy will,
I will acquaintance strangle and look strange;
Be absent from thy walks; and in my tongue
Thy sweet beloved name no more shall dwell,
Lest I, too much profane, should do it wrong,
And haply of our old acquaintance tell.

For thee against my self I'll vow debate,
For I must ne'er love him whom thou dost hate.

Скажи, за что меня покинула, родная, –
И оправдать себя сумею я, клянусь!
Скажи мне, что я хром, – и я смолчу, смирюсь,
На доводы твои ничем не возражая.
Настолько, друг, тебе меня не пристыдить,
Чтоб оправдать свою жестокую измену.
Я сам устройю все, смягчая перемену,
И, став чужим, к тебе не стану уж ходить.
Да и встречать тебя в прогулках уж не буду,

Не буду имя я твое произносить,
Чтоб этим как-нибудь тебе не повредить.
А там и о любви взаимной позабуду.
Я на себя восстать из-за тебя готов,
Затем что не могу любить твоих врагов.

Перевод Н.В. Гербеля

Скажи, что я виновен, – без протеста
Я стану в этом уверять других;
Скажи, что хром, – и я не сдвинусь с места,
Не возражая против слов твоих.
Не можешь ты меня унижить боле,
Придать мрачнее вид делам моим,
Чем я. И вот, твоей покорный воле,
Я притворюсь тебе совсем чужим.
Я стану избегать возможной встречи,
И имя столь любимое твое
Я исключу из повседневной речи,
Чтоб выдать нас оно вдруг не могло.
Сам на себя воздвигну клеветы...
Могу ль любить, кого не любишь ты?..

Перевод М.И. Чайковского

Сонет ХС

Then hate me when thou wilt; if ever, now;
Now, while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss:
Ah, do not, when my heart hath 'scap'd this sorrow,
Come in the rearward of a conquer'd woe;
Give not a windy night a rainy morrow,
To linger out a purposed overthrow.
If thou wilt leave me, do not leave me last,
When other petty griefs have done their spite,
But in the onset come; so shall I taste
At first the very worst of fortune's might;
 And other strains of woe, which now seem woe,
 Compared with loss of thee, will not seem so.

Когда моим врагом быть хочешь – будь теперь,
Когда передо мной захлопывают дверь.
Низвергни в грязь меня, соединишь с судьбою,
Но не карай потом последствий мстью злою.
Когда душа моя печали сбросит гнет,
Не приходи вонзать мне в грудь шипы забот!
Пускай за ночи тьмой не следует ненастье,
Чтоб отдалить – не дать померкнуть солнцу
счастья!

Когда ж настанет час разлуки, пусть борьба
Не длится, чтобы рок усилиться ей не дал
И дух мой поскорей все худшее изведаль,
Что может мне послать суровая судьба, –
И я не назову тогда несчастьем, знаю,
Того, что я теперь несчастьем называю.

Перевод Н.В. Гербеля

Коль хочешь быть врагом мне – будь им ныне,
Когда гоним я роком и людьми.
Примкни скорей к враждебной мне судьбине,
Но медленной отравой не томи!
Когда душа печали сбросит гнет,
О, не буди подавленную муку!
За бурей вслед пусть дождик не идет...
Не замедляй решенную разлуку,
Покинь, – но не последним, умоляю,
За меньшими печальями вослед,
Нет, сразу порази! Тогда познаю
Тягчайшую из выпавших мне бед.
И горе, что считаю ныне горем,
Покажется мне каплей рядом с морем!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет ХСІ

Some glory in their birth, some in their skill,
Some in their wealth, some in their bodie's force,
Some in their garments though new-fangled ill;
Some in their hawks and hounds, some in their horse;
And every humour hath his adjunct pleasure,
Wherein it finds a joy above the rest:
But these particulars are not my measure;
All these I better in one general best.
Thy love is better than high birth to me,
Richer than wealth, prouder than garments' costs,
Of more delight than hawks and horses be;
And having thee, of all men's pride I boast:
 Wretched in this alone, that thou mayst take
 All this away and me most wretched make.

Иной гордится тем, что в золоте родился,
Тот – родом, силой мышц, игрою острых слов,
Тот – бархатным плащом, в который нарядился;
Тот – сворою собак, тот стаей соколов –
И радость в том они тем большую находят,
Чем кажется она заманчивей других;
Но так как их мои избытки превосходят,
То нет им и цены большой в глазах моих.
Любовь твою ценю я выше, чем рожденье,

А взор дороже мне пурпуровых одежд,
Затем что в мире всем, исполненном надежд,
С тобой одной, мой друг, возможно наслажденье.
Одно меня страшит, что можешь ты притом
Меня лишить всего и сделать бедняком.

Перевод Н.В. Гербеля

Кто хвалится искусством, кто – рождением,
Кто – деньгами, кто – парчевым плащом,
Кто – мускульною силой, кто – именем,
Кто – соколом, собакой иль конем.
И каждый радость, сродную ему,
Считает самой высшей из утех.
Все это не по вкусу моему.
Мое пристрастье – лучшее из всех:
Твоя любовь мне знатности милее,
Богаче денег и славней венца,
Охотничьей потехи веселее,
Когда ты мой – нет гордости конца...
Но горе в том, что все отнять ты властен,
А без твоей любви я так несчастен!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет ХСII

But do thy worst to steal thyself away,
For term of life thou art assured mine,
And life no longer than thy love will stay,
For it depends upon that love of thine.
Then need I not to fear the worst of wrongs,
When in the least of them my life hath end.
I see a better state to me belongs
Than that which on thy humour doth depend;
Thou canst not vex me with inconstant mind,
Since that my life on thy revolt doth lie.
O, what a happy title do I find,
Happy to have thy love, happy to die!
But what's so blessed-fair that fears no blot?
Thou mayst be false, and yet I know it not.

Как ни желала б ты укрыться от меня,
Пока я жив – моей ты быть не перестанешь;
Я ж буду жить, пока жива любовь твоя,
Которою давно меня к себе ты манишь.
Итак, мне нужды нет страшиться новых бед,
Которых уж ничто на свете не повысит;
К тому ж в моей судьбе чуть виден бури след,
А от твоих она капризов не зависит.
Но ты не огорчишь неверностью своей

Того, кто пережить ее не в состоянье.
Да, я вдвойне счастлив в любви к тебе моей
Еще тем, что она живет в моем дыханье.
Но все же есть и тут дурная сторона:
Ведь я могу не знать, что ты мне неверна.

Перевод Н.В. Гербеля

Но что ни делай, чтоб порвать со мной,
До смертного конца ты будешь мой.
Я буду жить, пока меня ты любишь,
Ты осчастливишь, ты же и погубишь.
Чего страшиться худшей из обид,
Когда в малейшей – жизни прекращенье?
Нет, лучшая мне доля предстоит,
Чем быть рабом каприза настроенья.
Изменой мне не возмутишь покоя,
Коль от нее зависит жизнь моя...
О, наконец могу вздохнуть легко я,
Счастливым жить и умереть любя.
Соблазнов красоте не избежать.
Но я измен твоих могу не знать...

Перевод М.И. Чайковского

Сонет ХСIII

So shall I live, supposing thou art true,
Like a deceived husband; so love's face
May still seem love to me, though alter'd new;
Thy looks with me, thy heart in other place:
For there can live no hatred in thine eye,
Therefore in that I cannot know thy change.
In many's looks the false heart's history
Is writ in moods and frowns and wrinkles strange.
But heaven in thy creation did decree
That in thy face sweet love should ever dwell;
Whate'er thy thoughts or thy heart's workings be,
Thy looks should nothing thence but sweetness tell.
 How like Eve's apple doth thy beauty grow,
 If thy sweet virtue answer not thy show!

Я буду мыслью жить, что ты еще верна,
Как позабытый муж, не видя перемены
В любимом им лице, не чувствует измены.
Глазами лишь со мной, душой – разлучена,
Ты мне не дашь в себе заметить перемену,
Затем что в них таить не можешь ночи мглу.
В ином лице легко по хмурому челу
Прочесть на дне души созревшую измену;
Но небеса, тебе плоть давшие и кровь,

Решили, что в тебе должна лишь жить любовь,
И как бы ни была зла мыслей неизбежность,
В чертах твоих должны сиять лишь страсть
и нежность.
Как облик твой с плодом запретным Евы схож,
Когда характер твой на внешность не похож!

Перевод Н.В. Гербеля

И буду жить в неведеньи счастливым,
Как муж обманутый. Твое лицо
Еще казаться будет мне правдивым,
Когда ты сердцем будешь далеко.
В твоих глазах нет места ухищрению,
По ним измен твоих мне не узнать.
В других чертах всегда по выраженью
Обман и хитрость можно прочитатъ.
Но Небо, сотворив тебя, решило
В твоём лице любовь запечатлеть.
Какие б бури сердце ни носило,
Их в прелести твоей не разглядеть.
Ты чуден, как Эдема плод запретный,
Как в нём, в тебе паденье не заметно...

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XCIV

They that have power to hurt and will do none,
That do not do the thing they most do show,
Who, moving others, are themselves as stone,
Unmoved, cold, and to temptation slow;
They rightly do inherit heaven's graces
And husband nature's riches from expense;
They are the lords and owners of their faces,
Others but stewards of their excellence.
The summer's flower is to the summer sweet,
Though to itself it only live and die,
But if that flower with base infection meet,
The basest weed outbraves his dignity:
 For sweetest things turn sourest by their deeds;
 Lilies that fester smell far worse than weeds.

Кто властен делать зло, в ком есть к нему
стремленье
И кто порыв к нему способен заглушить,
Чья воля – сталь, пред кем бессильно
искушенье –
Все милости небес тот вправе получить.
Он многоценными дарами обладает,
Не расточая их. Он сам свой властелин,
Не слабый раб страстей. Живет и умирает

Лишь для себя цветок – и все ж он перл долин.
Но чуть подкрадется к нему недуг неожиданный –
И плевел кажется свежее, чем цветок.
Роняет красота венец свой златотканый,
Чуть прикоснется к ней предательски порок.
И роза пышная и лилия лесная
Красу и аромат теряют, увядая.

Перевод Ф.А. Червинского

Кто может вред нанести, но все же не вредит,
Не делает того, о чем лишь говорит,
Кто, возбудив других, холодным остается,
И на соблазн нейдет, и злу не поддается –
В наследство тот берет небесные красы
И не кладет даров природы на весы:
Он внешности своей хозяин и властитель,
Тогда как в большинстве всяк лишь ее хранитель.
Нам мил цветок полей лишь летнею порой,
Хотя он для себя цветет и увядает;
Но вот червяк к нему под венчик заползает –
И сорной вскоре он становится травой.
И лучшему легко в дурное превратиться,
И лилия, завяв, навозом становится.

Перевод Н.В. Гербеля

Кто в силах повредить, но не вредит,
Не делает того, чем угрожает,

Влияя на других, сам как гранит
Незыблем, тверд, соблазны побеждает, –
По праву тот наследует блага,
Воздвывает их, не расточая,
Как властелин, разумно умножая,
Когда другие стражи лишь добра.
Весенний цвет наряден для весны,
Сам по себе он лишь живет и вянет,
И если вдруг он зараженным станет,
То хуже он негоднейшей травы.
 Так красота от скверны и обмана
 Как сгнивший цвет – зловоннее бурьяна...

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XCV

How sweet and lovely dost thou make the shame
Which, like a canker in the fragrant rose,
Doth spot the beauty of thy budding name!
O, in what sweets dost thou thy sins enclose!
That tongue that tells the story of thy days,
Making lascivious comments on thy sport,
Cannot dispraise but in a kind of praise;
Naming thy name blesses an ill report.
O, what a mansion have those vices got
Which for their habitation chose out thee,
Where beauty's veil doth cover every blot
And all things turns to fair that eyes can see!
Take heed, dear heart, of this large privilege;
The hardest knife ill-used doth lose his edge.

В какую прелесть ты свой облакаешь грех,
Который точно яд, что розу отравляет,
Святую чистоту любви твоей пятнает?
В какой приют его ты прячешь ото всех?
Припоминая дни твоей протекшей славы,
А с нею и твои нескромные забавы,
Язык перестает корить и осуждать
И принужден в конце бывает замолчать.
И что за жизнь была твоим порокам скверным,

Назначившим тебя своим приютом верным,
Чья прелесть флер кладет на каждое пятно
И придает красу всему, что нам дано.
Но берегись, мой друг, отличия такого:
И лучший нож в руках тупится у иного.

Перевод Н.В. Гербеля

Каким прелестным делаешь ты стыд,
Который, словно червь в пахучей розе,
Слух о тебе в зародыше пятнит:
Твои грехи подобны вешней грезе.
Кто о тебе вещает, описав
Сластолюбивый пыл твоих забав, –
Не может порицать без восхищенья.
И против воли шлет благословенье.
Что за приют! Какой прелестный кров,
Избрав тебя, нашли себе пороки!
Твоей красы блистающий покров
Меняет грязь в прозрачные потоки.
Но берегись, сокровище мое!
У лучшего ножа тупеет острие.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет ХСVI

Some say thy fault is youth, some wantonness;
Some say thy grace is youth and gentle sport;
Both grace and faults are loved of more and less;
Thou mak'st faults graces that to thee resort.
As on the finger of a throned queen
The basest jewel will be well esteem'd,
So are those errors that in thee are seen
To truths translated, and for true things deem'd.
How many lambs might the stern wolf betray,
If like a lamb he could his looks translate!
How many gazers mightst thou lead away,
If thou wouldst use the strength of all thy state!
But do not so; I love thee in such sort,
As, thou being mine, mine is thy good report.

Одни тебя за пыл и молодость бранят,
Другие же за них тебя боготворят,
И каждый ради них любит тебя тобою,
Скрывающей грехи свои под красотою.
Как бриллиант в венце царицы молодой
Способен возбудить в сердцах восторг живой,
Так и грехи твои вид правды принимают
И ложное считать за правду заставляют.
Не мало б обманул разбойник-волк ягнят,

Когда б судьба дала ему ягненка взгляд,
О, скольких увлекла б ты смертных на страданье,
Сумей лишь в ход пустить свое очарованье!
Ну что ж, когда тебя люблю так крепко я,
Что честь твоя близка мне так же, как своя!

Перевод Н.В. Гербеля

Кто говорит, что юный пыл твой – грех,
Кто прелесть в нем особую находит.
Но грех ли, прелесть – он чарует всех,
И взор твой в прелесть даже грех возводит.
Как на руке у молодой царицы
Ничтожный камень блещет как алмаз,
Твоих проступков темные страницы
Блестят как добродетели для нас.
Не все ль ягнята пали б жертвой волка,
Когда б он мог их видом обмануть?
Какую массу лиц ты сбил бы с толка,
Когда б хотел все чары развернуть?
 Не делай этого! Мне честь твоя,
 Раз что ты мой, дороже, чем моя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XCVII

How like a winter hath my absence been
From thee, the pleasure of the fleeting year!
What freezings have I felt, what dark days seen!
What old December's bareness everywhere!
And yet this time removed was summer's time;
The teeming autumn, big with rich increase,
Bearing the wanton burden of the prime,
Like widow'd wombs after their lords' decease:
Yet this abundant issue seem'd to me
But hope of orphans, and unfather'd fruit;
For summer and his pleasures wait on thee,
And, thou away, the very birds are mute:
Or, if they sing, 'tis with so dull a cheer,
That leaves look pale, dreading the winter's near.

Как было на зиму похоже это время,
Которое провел с тобой я не вдвоем!
Что за мороз и мрак спускалися, как бремя,
И как все вдруг в глаза глядело декабрем!
Однако время то – благое было лето
И осень с золотой кошицею своей,
Несущей бремя благ весеннего привета,
Подобно чреву вдов по смерти их мужей.
И те дары небес казались мне в томленьи

Несчастливыми детьми, не знавшими отцов,
Затем что у тебя и лето в услуженьи,
И птицы не поют, не вслушавшись в твой зов;
А если и поют, то с грустию такою,
Что листья блекнут вокруг – ну, точно
перед зимою.

Перевод Н.В. Гербеля

Как на зиму похожи дни разлуки
С тобой, о радость промелькнувших дней!
Какой мороз! Как все томится в скуке!
Какой декабрь среди леса и полей!
А между тем то было вслед за летом,
Роскошной осенью, в пору плодов,
Зачатых некогда весенним цветом,
Как плод любви осиротелых вдов.
И вялыми казались мне плоды,
Которые не знают ласк отца,
Ведь лето и отрада там, где ты,
А без тебя у рощи нет певца.
А если есть, поет он так уныло,
Что вянет лист, страшась зимы постылой.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет ХСVIII

From you have I been absent in the spring,
When proud-pied April, dress'd in all his trim,
Hath put a spirit of youth in every thing,
That heavy Saturn laugh'd and leap'd with him.
Yet nor the lays of birds nor the sweet smell
Of different flowers in odour and in hue,
Could make me any summer's story tell,
Or from their proud lap pluck them where they grew;
Nor did I wonder at the lily's white,
Nor praise the deep vermilion in the rose;
They were but sweet, but figures of delight,
Drawn after you, you pattern of all those.
Yet seem'd it winter still, and you away,
As with your shadow I with these did play.

Весна цвела, – был от тебя вдали я;
Апрель нарядный красками сверкал,
Во все вливалась юности стихия
И сам Сатурн смеялся и плясал.
Но песни птиц, цветов благоуханья,
Краса лугов, – все было чуждо мне;
Я сладкого не ощущал желанья
Сорвать цветок, воспеть хвалу весне;
Я презирал красу лилеи бледной,

Румяных роз я не ласкал, любя!
Вся прелесть их, – я знал, – лишь список
бедный
С их образца единого – тебя!
Казалось мне, что вокруг – зима! Мечтами
С тобою весь, я лишь шутил с цветами.

Перевод Н.А. Холодковского

Я далеко, мой друг, был от тебя весной,
Когда апрель в цветах своей одежды новой
Всему передавал пыл юношеский свой,
Причем с ним ликовал и смерти бог суровой.
Но ни пернатых хор, ни аромат цветов,
Чьих венчиков весной нам вид всего дороже,
Не возбуждают дум во мне, ни светлых снов,
Ни жажды те цветы срывать на пышном ложе.
Не удивлялся я лилейной белизне
И розы не хвалил пурпурового цвета,
Затем что прелесть их – краса весны и лета –
Лишь копией твоей являлась всюду мне.
Но все же снег кругом лежавшим мне казался
И ими, как твоей я тенью, забавлялся.

Перевод Н.В. Гербеля

Я далеко был от тебя весной,
Когда апрель в одежде многоцветной
Дышал повсюду жизнью молодой,

И сам Сатурн был светлый и приветный.
Ни пенье птиц, ни мед благоуханья
Пестреющей долины не могли
Заставить верить их очарованью,
Или сорвать цветок с лица земли.
Ни бледность лилии, ни роз блистанье
Не тешило меня: я видел в них
Лишь бледный отблеск твоего сиянья,
О образец всех прелестей земных!
Да, зимним мне казался их убор,
И с ними вел такой я разговор.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет XCIX

The forward violet thus did I chide:
Sweet thief, whence didst thou steal thy sweet
that smells,
If not from my love's breath? The purple pride
Which on thy soft cheek for complexion dwells
In my love's veins thou hast too grossly dyed.
The lily I condemned for thy hand,
And buds of marjoram had stol'n thy hair;
The roses fearfully on thorns did stand,
One blushing shame, another white despair;
A third, nor red nor white, had stol'n of both,
And to his robbery had annex'd thy breath;
But, for his theft, in pride of all his growth
A vengeful canker eat him up to death.
More flowers I noted, yet I none could see,
But sweet or colour it had stol'n from thee.

Я раннюю фиалку так бранил:
«О милый вор! Как смел ты ароматы
С любимых уст украсть? Из милых жил
Как смел взять кровь, которой так богаты
Твои ланиты в цвете юных сил?»
В честь рук твоих я порицал лилею,
Бранил душицу в честь твоих кудрей;

Из роз одна краснела; перед нею
Другая снега сделалась белей,
А третьей цвет ни красный был, ни белый:
Румянец твой похитила она
И белизну! Но за грабеж столь смелый
Червяк ее всю источил до дна.
И все цветы, так думал я в печали,
Красу иль сладость у тебя украли.

Перевод Н.А. Холодковского

Фиалке ранней я с укором говорил:
«Где ты похитила свой аромат небесный,
Как не из вздохов той, кому мой отдан пыл,
А пурпур на покров из вен моей прелестной?»
Я лилию корил в покраже белизны
Прекрасных рук твоих, а мак – волос каскада;
Что ж до трех роз, то – в прах стыдом низложены,
Они чуть рдели вокруг, не подымая взгляда:
Одна – пылая вся, другая – побледнев,
А третья – всем даря чужие ароматы,
Тогда как червь, давно свой сдерживавший гнев,
Уже точил ее, дождавшись расплаты.
Поверь, что я цветка такого не видал,
Который с уст твоих свой запах бы не брал!

Перевод Н.В. Гербеля

Я так цветок фиалки упрекал:

Прелестный вор, твое благоуханье
Ты не из уст ли милого украл?
Чтоб лепесткам твоим придать блистанье
Не у него ли кровь из жил ты взял?
Лилей корил за цвет руки твоей,
Ростки душицы – за красу волос,
Виновными глядели кущи роз,
Одни красны, другие же бледней
Чем снег, а третьи – в краске томной млели,
Украв твой цвет и нежный аромат.
За это воровство их черви ели,
Когда всего пышнее их наряд.
И не было ни одного цветка,
Который не ограбил бы тебя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет С

Where art thou, Muse, that thou forget'st so long
To speak of that which gives thee all thy might?
Spend'st thou thy fury on some worthless song,
Darkening thy power to lend base subjects light?
Return, forgetful Muse, and straight redeem,
In gentle numbers time so idly spent;
Sing to the ear that doth thy lays esteem
And gives thy pen both skill and argument.
Rise, resty Muse, my love's sweet face survey,
If Time have any wrinkle graven there;
If any, be a satire to decay,
And make Time's spoils despised every where.
Give my love fame faster than Time wastes life,
So thou prevent'st his scythe and crooked knife.

Забыв свои мечты, куда ты скрылась, муза?
Нельзя молчать о том, в чем для тебя же власть!
Теряя сердца пыл для низкого союза,
Ты светишь лишь тому, чего алкает страсть...
Опомнись и вернись к забытым песнопеньям!
Пусть слаще зазвучит напевов нужный строй!
К испытанной любви с воскресшим
вдохновеньем
Мы вместе поспешим прибойною волной.

На милый взглянем лик, которым сердце полно:
Не виден ли на нем упорный след забот?
О муза, – если да, то ты не будь безмолвна
И едкою строфой осмей судьбины гнет!
И друга ты прославь, пока еще есть время,
Пока не налегло плиты могильной бремя.

Перевод Э.Э. Ухтомского

О муза, где же ты? что долго так молчишь
И, в чем вся власть твоя, о том не говоришь?
Ужель ты тратишь пыл веселья, песнь слагая,
Чем славу лишь мрачишь, ничтожность возвышая?
Явись мне, муза, вновь и возврати скорей
Потерянные дни для славы и искусства,
И вновь воспой красу поклонницы своей,
Вливающей в перо твое свой ум и чувства.
Встань, Муза, и взгляни на личико моей
Красавицы – морщин не сыщется ль у ней?
И если – да, иди представь богов собранью –
И пред Сатурном дай простор негодованью –
Прославь ее пред ним, хвалы свои умножь,
И ты предупредишь косу его и нож.

Перевод Н.В. Гербеля

Где, Муза, ты, что не поешь так долго
О том, кто для тебя источник сил?
Иль в пошлой песне, изменяя долгу,

На недостойных тратишь светлый пыл?
Вернись! Скорее искупи вину
В созвучьях нежных, полных вдохновенья.
Воспой того, кто ценит песнь твою,
Кто дал ей содержание и уменье.
Встань, взгляни на милого чело –
Не провело ли время в нем морщины –
И если да, осмей упадок зло.
Позорь везде и дряхлость и седины.
Но будь проворней времени, лети!
Губящую косу предупреди!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СІ

O truant Muse, what shall be thy amends
For thy neglect of truth in beauty dyed?
Both truth and beauty on my love depends;
So dost thou too, and therein dignified.
Make answer, Muse: wilt thou not haply say,
'Truth needs no colour, with his colour fix'd;
Beauty no pencil, beauty's truth to lay;
But best is best, if never intermix'd'?
Because he needs no praise, wilt thou be dumb?
Excuse not silence so, for't lies in thee
To make him much outlive a gilded tomb
And to be praised of ages yet to be.
Then do thy office, Muse; I teach thee how
To make him seem long hence as he shows now.

О муза, не ленись! И так виновна ты,
Чуждаясь истины, красую облеченной...
Любовь моя одна живет твои мечты
И вещие слова у песни окрыленной.
Напрасно скажешь ты: началам неземным
На что созвучий строй, пленительные сказки?
На что резец и кисть красотам вековым?
Суровой истине не нужны блеск и краски.
И другу моему ничто – твоя хвала,

Но обессмерть его певучим величаньем,
Чтоб в будущих веках воспетого чела
Не смел коснуться рок жестоким увяданьем.
...Но как нам сохранить бесценные черты
В зарницах истины и звучной красоты?

Перевод Э.Э. Ухтомского

Чем, Муза, ты себя в том можешь оправдать,
Что Правду с красотой забыла воспевать?
Все трое у моей любви вы в услуженье,
Чем, Муза, можешь ты гордиться, без сомненья.
Что ж, Муза, говори: быть может, скажешь ты
Что Истине совсем не нужно украшенья,
Что в красоте самой – и правда красоты,
И кисть художника ей не придаст значенья.
Но если так – ужель ты быть должна немой?
Неправда! От тебя зависит от одной
Заставить друга ввысь подняться с облаками,
Чтоб восхваленным быть грядущими веками.
Я ж научу тебя – как друга, уж поверь,
Потомству показать таким, как он теперь.

Перевод Н.В. Гербеля

Лентяйка Муза! Как искупишь ты
Пренебреженье к правде с красою?
Не обе ли они отражены
В чертах того, кто так любим тобою?

Ответь мне. Уж не хочешь ли сказать,
Что правда без похвал всегда нетленна?
Что красоту не стоит украшать?
Что совершенство в корне совершенно?
Что он красив, так будешь ты нема?
Тебе в молчаньи оправданья нет,
Когда ты в силах, чтоб во все века
Он жил и всюду проливал свой свет.
 За дело, Муза! Сделаем с тобою,
 Его красу на все века живою!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СII

My love is strengthen'd, though more weak
in seeming;
I love not less, though less the show appear;
That love is merchandized whose rich esteeming
The owner's tongue doth publish every where.
Our love was new, and then but in the spring,
When I was wont to greet it with my lays;
As Philomel in summer's front doth sing
And stops her pipe in growth of riper days.
Not that the summer is less pleasant now
Than when her mournful hymns did hush the night,
But that wild music burthens every bough
And sweets grown common lose their dear delight.
Therefore like her I sometime hold my tongue,
Because I would not dull you with my song.

Чем глубже любим мы, тем чаще страсть таю,
И крепнет с каждым днем привязанность немая;
Но людям прокричать, что нежит грудь твою,
Способна только чернь холодная, слепая.
Лишь на заре любви я звал тебя порой
К душистым цветникам весенних песнопений,
В томительной ночи, насыщенной грозой,
Все реже говорит любви призывный гений.

Так падает напев средь знойной темноты
У любящей леса, грустящей Филомелы,
Когда гудят в роях бессонные кусты
И всюду аромат свои вонзает стрелы.
...Да, как она молчит, – молчать хочу и я,
Боясь, что досадит тебе любовь моя.

Перевод Э.Э. Ухтомского

Любовь моя сильна – и где ее конец?
Она огонь, но чувств своих не выражает;
Но та любовь – товар, чью цену продавец,
Стараясь поднять, всем громко объявляет.
О, наша страсть была еще в своей весне,
Когда я стал ее приветствовать стихами!
Так соловей поет пред летними ночами
И, выждав их приход, смолкает в тишине.
Не то чтоб летом мне жилося поскучней,
Чем в дни, когда любовь звучит в тиши ночей;
Но музыка теперь едва ль не в ветке каждой
Звучит, и грудь ее уж пьет не с прежней жадой.
И я, не надоест чтоб песнею моей
Твоим ушам, порой молчу, подобно ей.

Перевод Н.В. Гербеля

Моя любовь растет, хоть не на взгляд.
Люблю не меньше, меньше выражая.
Любовь – товар, когда о ней кричат

На площади, ей цену поднимая.
В весеннюю пору любви моей
Тебя встречал моею песней звонкой,
Как у порога лета соловей.
Но чуть окрепнет в ниве стебель тонкий,
Смолкает он, – не потому, что слаще
Пора весны, когда он пел о розе,
Но потому, что там гудит в зеленой чаще
И глушит песнь любви в вседневной прозе.
Поэтому, как он, и я молчу,
Тебя тревожить песней не хочу.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СIII

Alack, what poverty my Muse brings forth,
That having such a scope to show her pride,
The argument all bare is of more worth
Than when it hath my added praise beside!
O, blame me not, if I no more can write!
Look in your glass, and there appears a face
That over-goes my blunt invention quite,
Dulling my lines, and doing me disgrace.
Were it not sinful then, striving to mend,
To mar the subject that before was well?
For to no other pass my verses tend
Than of your graces and your gifts to tell;
 And more, much more, than in my verse can sit,
 Your own glass shows you when you look in it.

Волшебных красок мало у тебя,
О муза бедная! Воспетая тобою
Так властно хороша, что сознаю, скорбя,
Твое бессилие пред этой красотой:
Не порицай меня – я смолкну навсегда:
Ты в зеркало взгляни – там блещет образ юный
Такою прелестью, что полон я стыда
За бледные стихи – и обрываю струны.
Так было бы грешно твой образ исказить!

Ведь цель одна вдали мерцает предо мною –
Твои черты, твой взгляд и дух твой отразить
В стихах, сияющих нетленной красотой.
Но больше красоты, чем я даю в стихах,
Ты видишь каждый день в безмолвных
зеркалаx.

Перевод Ф.А. Червинского

Как ты бедна, моя задумчивая Муза,
Хотя вокруг тебя лишь видится простор;
Но ты ведь хороша и пламенен твой взор
И без моих похвал венчающего груза.
Не упрекай меня, что не могу писать!
Ты в зеркало взгляни – и лик перед тобою
Восстанет, в сердца глубь сводящий благодать
И кроющий стихи стыдливости зарею.
Ведь было бы грешно, хорошим быв досель
Писателем, теперь приняться за поправки,
Когда мои стихи одну имеют цель –
Воспеть твои черты, хотя не без прибавки.
А зеркало твое, красе твоей под стать,
Их лучше, чем стихи, способно показать.

Перевод Н.В. Гербеля

Какую бедность, Муза, ты явила
Там, где так много высказать могла, –
Где в содержаньи голом больше силы,

Чем в похвалах и вычурах стиха!
О друг мой! Не кори мое молчанье!
Вот зеркало. Взгляни себе в лицо.
Мне ль передать его очарованье?
Не грубо ль для него мое перо?
Не грех ли было бы, твой лик рисуя,
Лишь исказить его в моих стихах?
В том, что пишу, другого не хочу я,
Как всем поведать о твоих дарах.
И много больше чем мой бедный стих,
Покажет зеркало в чертах твоих.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CIV

To me, fair friend, you never can be old,
For as you were when first your eye I eyed,
Such seems your beauty still. Three winters cold,
Have from the forests shook three summers' pride,
Three beauteous springs to yellow autumn turn'd,
In process of the seasons have I seen,
Three April perfumes in three hot Junes burn'd,
Since first I saw you fresh, which yet are green.
Ah! yet doth beauty like a dial-hand,
Steal from his figure, and no pace perceived;
So your sweet hue, which methinks still doth stand,
Hath motion, and mine eye may be deceived:
For fear of which, hear this, thou age unbred:
Ere you were born was beauty's summer dead.

Ты старым для меня не можешь быть, мой друг.
Теперь, как прежде, ты приковываешь взоры.
Холодных три зимы, опустошивши луг,
Стряхнули трижды с роц их летние уборы,
Осенним сумраком сменились три весны,
И были три живых и цветоносных мая,
Тремя июнями нещадно сожжены,
С тех пор, как свежестью и прелестью блистая,
Ты встретился со мной. Таким остался ты...

Но красота – увы! – все ж движется незримо,
Как стрелка на часах. Быть может, лгут мечты,
Что лишь твоя краса с годами недвижима.
Внемли ж, грядущее: еще ты не родилось,
А лето красоты померкло и затмилось.

Перевод Ф.А. Червинского

Ты для меня, мой друг, не можешь быть стара:
Какою в первый раз явилась ты для взора,
Такой же блещешь мне и нынче, как вчера.
Холодных три зимы лишили лес убора,
Три нежные весны сплелися в хоровод
И в осень перешли, сменяясь каждый год,
И трижды цвет весны сожжен был зноем лета
С тех пор, как ты мой пыл почла лучом привета.
Но красота идет как стрелка часовая,
Идет себе вперед, свой мерный путь свершая –
И цвет лица, что взор мой радовал не раз,
Быть может, уж не тот, обманывая глаз.
Так пусть же знает, друг, невежливое время,
Что с дня твоих родин ее не страшно бремя.

Перевод Н.В. Гербеля

Нет, для меня стареть не можешь ты.
Каким увидел я тебя впервые,
Такой ты и теперь. Пусть три зимы
С лесов стряхнули листья золотые,

Цветы весны стубил три раза зной.
Обвеянный ее благоуханьем,
Пронизанный зеленым ликованьем,
Как в первый день стоишь ты предо мной.
Но как на башне стрелка часовая
Незримо подвигает день к концу,
Краса твоя, по-прежнему живая,
Незримо сходит в бездну по лицу.
 Так знайте же, грядущие творенья, —
 Краса прошла до вашего рожденья.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ CV

Let not my love be call'd idolatry,
Nor my beloved as an idol show,
Since all alike my songs and praises be
To one, of one, still such, and ever so.
Kind is my love to-day, to-morrow kind,
Still constant in a wondrous excellence;
Therefore my verse to constancy confined,
One thing expressing, leaves out difference.
'Fair, kind, and true,' is all my argument,
'Fair, kind, and true,' varying to other words;
And in this change is my invention spent,
Three themes in one, which wondrous scope affords.
 'Fair, kind, and true', have often lived alone,
 Which three till now, never kept seat in one.

О, пусть не назовут моей любви к нему
Служеньем идолу за то, что те же вечно
Хвалы в стихах моих. Ведь это потому,
Что он, мой верный Друг, добр так же бесконечно
Сегодня, как вчера. Так неизменен он,
Что стих мой, образа любимого эмблема,
Поет все об одном, одним лишь вдохновлен:
Прекрасен, добр, правдив – вот строк певучих
тема:

Правдив, прекрасен, добр. Порядок этих слов,
Оттенки смысла их слегка я изменяю –
Тогда какой простор созвучиям стихов!
О истина, добро и красота, я знаю,
Вы дружны не всегда здесь, в сумраке земном –
Но ныне вы все три венцом сплелись в одном.

Перевод Ф.А. Червинского

Не называй мой пыл каждением кумиру
И идолом любви красавицу мою
За то, что я весь век одну ее пою
И за любовь не мщу, подобая вампиру.
Красавица моя – сегодня как вчера –
В достоинствах своих верна и постоянна,
А потому и стих мой шепчет неустанно
Все то же – что она прекрасна и добра.
Наивность, красота и верность – вот поэма,
Написанная мной, с прибавкой двух-трех слов,
Где мной воплощена любви моей эмблема.
В одной поэме – три! Вот поле для стихов!
Правдивость, красота и верность хоть
встречались,
Но никогда в одном лице не совмещались.

Перевод Н.В. Гербеля

Моя любовь не идолослуженье,
И милый мой не идол без души,

Хоть шлют все те же страстные хваленья
Все одному ему мои стихи.
Он так же мил сегодня, как вчера,
Все так же постоянно совершенен,
Поэтому в созданиях пера
И мой восторг все так же неизменен.
Мил, добр, правдив – вот все их содержание,
Мил, добр, правдив – в разнообразьи слов
Три темы во едином сочетаньи.
Вот цель, и смысл, и дух моих стихов.
«Мил, добр, правдив» – встречаются отдельно,
Но только в нем сложились нераздельно.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CVI

When in the chronicle of wasted time
I see descriptions of the fairest wights,
And beauty making beautiful old rhyme,
In praise of ladies dead and lovely knights,
Then, in the blazon of sweet beauty's best,
Of hand, of foot, of lip, of eye, of brow,
I see their antique pen would have express'd
Even such a beauty as you master now.
So all their praises are but prophecies
Of this our time, all you prefiguring;
And, for they looked but with divining eyes,
They had not skill enough your worth to sing:
 For we, which now behold these present days,
 Have eyes to wonder, but lack tongues to praise.

Когда я занят древних хроник чтеньем
И нахожу хвалу красавиц там
Иль старый стих читаю, с восхваленьем
Красы умерших рыцарей и дам, –
Я вижу, как тогда хвалить умели
Красу рук, ног, и все лица черты,
И мнится мне: достойно бы воспели
Они красу, какой владеешь ты.
Так, о тебе пророчествуя сладко,

Поэзия красу превознесла!
Но гимны те – лишь слабая догадка:
Ты выше все ж, чем древних вся хвала.
Когда умели петь, – тебя не знали;
Пришел твой век, – и песни слабы стали!

Перевод Н.А. Холодковского

Когда средь хартий я времен давно минувших
Портреты нахожу созданий дорогих
И вижу, как в стихах красивых и живых
В них воспевают дам и рыцарей уснувших –
Я в описанье том их общего добра –
Их рук, плечей и глаз, чего ни пожелаешь –
Попытку вижу лишь старинного пера
Представить красоту, какой ты обладаешь.
Все их хвалы встают лишь предсказанья сном
О настоящем дне и образе твоём;
А так как все притом, как сквозь туман, смотрели,
То и воспеть тебя достойно не сумели.
Мы ж, видящие все, что день нам видеть дал,
Не можем слов найти для песен и похвал.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда в сказаниях времен минувших
Читаю описанья красоты
И рыцарей, и дам, давно уснувших,
Я вижу их забытые черты.

Но в пышном фимиаме восхваленья
Их рук, их ног, их уст и их очей
Я вижу лишь как бы предвосхищенье
Всего, что слилось в красоте твоей.
Все эти похвалы – лишь предсказанья
Того, что можем ныне видеть мы,
Но в смутности далекой прозреванья
Воздать тебе, что должно, не могли.
 Но ведь и мы, любуясь тобой,
 Немеем пред твоею красотой.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CVII

Not mine own fears, nor the prophetic soul
Of the wide world dreaming on things to come,
Can yet the lease of my true love control,
Supposed as forfeit to a confined doom.
The mortal moon hath her eclipse endured,
And the sad augurs mock their own presage;
Incertainties now crown themselves assured,
And peace proclaims olives of endless age.
Now with the drops of this most balmy time,
My love looks fresh, and Death to me subscribes,
Since, spite of him, I'll live in this poor rhyme,
While he insults o'er dull and speechless tribes:
 And thou in this shalt find thy monument,
 When tyrants' crests and tombs of brass are spent.

Ни собственный мой страх, ни дух, что мир
тревожит,
Мир, замечтавшийся о будущности дел,
Любви моей года определить не может,
Хотя бы даже ей готовился предел.
Смертельный месяц мой прошел свое затмение,
И прорицатели смеются над собой,
Сомнения теперь сменило уверенье,
Оливковая ветвь приносит мир благой.

Благодаря росе, ниспавшей в это время,
Свежей моя любовь и смерть мне не страшна,
Я буду жить назло в стихе, тогда как племя
Глупцов беспомощных похитить смерть должна,
И вечный мавзолей в стихах, тобой внушенных,
Переживет металл тиранов погребенных.

Перевод К.М. Фофанова

Ни собственный мой страх, ни вещий дух вселенной,
Стремящийся предстать пред гранью сокровенной,
Не в силах срок любви моей определить
И предсказать, когда покончу я любить.
Житейская луна с ущербом уменьшилась –
И злых предчувствий сонм смеется над собой,
А неизвестность вокруг, как мрак, распространилась,
И мир, представь, закон провозглашает свой.
Вспоенная весны живительной росой,
Любовь моя растет, и смерть ей не страшна,
Затем что буду жить в стихах своих душою,
Пока она гнести вокруг будет племена.
И ты свой мавзолей найдешь в строках их славных,
Когда гербы спадут с гробниц владык державных.

Перевод Н.В. Гербеля

Ни собственный мой страх, ни вещий дух,
Мечтая о грядущем мирозданья,
Не могут предсказать, когда, мой друг,

Моей любви наступит окончанье...
Проходят без следа луны затмения:
Авгурам их пророчество смешно;
Бывает часто шаткое прочно:
Оливе мир сулит на век цветенье.
И вот, в росе поры благоуханий
Свежа моя любовь, ей смерти нет,
Раз жив в моих стихах я как поэт,
Когда могила ждет других созданий.
 В моих стихах твой памятник прочней,
 Чем пышные надгробия царей.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CVIII

What's in the brain, that ink may character
Which hath not figur'd to thee my true spirit?
What's new to speak, what now to register,
That may express my love, or thy dear merit?
Nothing, sweet boy; but yet, like prayers divine,
I must each day say o'er the very same,
Counting no old thing old, thou mine, I thine,
Even as when first I hallow'd thy fair name.
So that eternal love in love's fresh case,
Weighs not the dust and injury of age,
Nor gives to necessary wrinkles place,
But makes antiquity for aye his page;
 Finding the first conceit of love there bred
 Where time and outward form would show it dead.

Что может мозг создать, изобразить чернила,
Как может передать мой дух восторг любви,
Что нового сказать; где творческая сила,
Чтоб выразить любовь и качества твои?
Ничто, мой юноша прекрасный, – но порою
Счастливо повторять я каждый день готов
Все то же самое молитвою святою:
Твоя любовь во мне, в тебе моя любовь.
То вечная любовь, ее не разрушает

Стремленье времени завистливым серпом,
Перед морщинами она не отступает
И старость делает навек своим пажом,
Предчувствуя, что мысль любви родится там,
Где внешностью любовь подобна мертвецам.

Перевод К.М. Фофанова

Нет слов, способных быть написанных пером,
Которых не излил я, друг мой, пред тобою!
И что могу сказать я нового притом,
Чтоб выразить восторг твоею красотою?
Да ничего, мой друг, хоть должен повторять
Все то же каждый день и старым не считать
Все старое: «Ты – мой! я – твой, моя отрада!»
Как в первый день, когда я твоего ждал взгляда.
Распуколка-любовь, в бессмертии своем,
Не думает совсем о времени разящем,
И места не дает морщинам бороздящим,
А делает его, борца, своим рабом –
И пламенной любви находит там зачатки,
Где время с злом влекли, казалось, их остатки.

Перевод Н.В. Гербеля

Нет ничего доступного перу,
Чего тебе не выразил мой гений.
Что нового сказать тебе могу,
В чем не было бы прежних откровений?

Ничто, мой светлый мальчик; как в вседневной
Молитве Богу то же говорю, –
Как стар, но и не стар мой крик душевный –
«Я твой, ты мой» – с тех пор, что я люблю.
Так вечная любовь в своем теченьи
Не знает пыли и обид времен,
Не зрит морщин, – и в вечном обновленьи
След дряхлости в рабы ей присужден.
Где время, внешность вносят обветшанье,
Она живет в лучах воспоминанья.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ СІХ

O, never say that I was false of heart,
Though absence seem'd my flame to qualify,
As easy might I from myself depart
As from my soul, which in thy breast doth lie:
That is my home of love: if I have ranged,
Like him that travels, I return again,
Just to the time, not with the time exchanged,
So that myself bring water for my stain.
Never believe though in my nature reign'd,
All frailties that besiege all kinds of blood,
That it could so preposterously be stain'd,
To leave for nothing all thy sum of good;
For nothing this wide universe I call,
Save thou, my rose; in it thou art my all.

О нет, не говори, что сердцем пред тобою
Я изменил, хотя слабей в разлуке пыл.
Скорей расстануся без страха сам с собою,
Но не с душой, что я в тебе похоронил.
Любовь моя – очаг, и если я скитаюсь,
То возвращаюсь вновь к нему, как пилигрим;
Сам приношу воды, с дороги омываюсь,
Стирая пятна, пыль, – и греюсь перед ним.
И если есть во мне те слабости, так трудно,

Так горячо у всех волнующие кровь,
То и тогда не верь, чтоб мог я безрассудно
Растратить без тебя всю страсть и всю любовь, –
И верь – вселенную я ни во что не ставлю,
Тебя, о роза, я одну люблю и славлю.

Перевод К.М. Фофанова

Не говори, мой друг, что сердце изменило,
Что расставанье пыл мой сильно охладило.
Не легче разойтись мне было бы с тобой,
Чем с замкнутой в твоей душе моей душой.
Там дом моей любви – и если покидаю,
Как путник молодой, порою я его,
То возвращаюсь вновь в дом сердца моего,
И этим грех свой сам с души своей слагаю.
Когда б в душе моей все слабости земли,
Так свойственные всем и каждому, царили –
Не верь, чтоб все они настолько сильны были,
Чтоб разойтись с тобой склонить меня могли.
Да, если не тебя, то никого своею
Во всей вселенной я назвать уже не смею.

Перевод Н.В. Гербеля

Не говори, что это сердце лживо,
Хоть потускнел на вид мой пыл вдали,
Не умереть тому, что вечно живо
В моей душе, – она в твоей груди.

Там кров моей любви, и если я
Блуждал как странник, то пришел домой
Я вовремя, по-прежнему любя,
Чтоб смыть пятно моею же водой.
Хотя б во мне все слабости земли,
Присущие всем существам, царили –
Не верь, не верь, чтобы они могли
С сокровищем моим сравняться в силе!
Нет в мире ничего милей тебя,
О розан мой, ты мне и все, и вся!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СХ

Alas, 'tis true, I have gone here and there
And made my self a motley to the view,
Gored mine own thoughts, sold cheap what is
most dear,
Made old offences of affections new;
Most true it is that I have look'd on truth
Askance and strangely: but, by all above,
These blenches gave my heart another youth,
And worse essays proved thee my best of love.
Now all is done, have what shall have no end:
Mine appetite I never more will grind
On newer proof, to try an older friend,
A god in love, to whom I am confined.
Then give me welcome, next my heaven the best,
Even to thy pure and most most loving breast.

В исканье новизны бродя то здесь, то там,
Я обещенил все, что сердцу было свято,
Противоречил я поступками словам
И променял друзей, любимых мной когда-то.
Да, заблуждался я! От правды был далек,
Но молодость мою вернули заблужденья.
Конец ошибкам! В них мне жизнь дает урок;
Люблю тебя сильней за все мои мученья!

Прими мою любовь и ею завладей!
Клянусь тебе, она продлится бесконечно,
И друга, верного как бог, в любви моей
Не стану больше я испытывать беспечно.
Так приюти ж меня, чтоб мог я отдохнуть,
Склонясь порой к тебе на любящую грудь.

Перевод В.А. Мазуркевича

Носясь то здесь, то там, себе же на беду,
Я удручал и рвал на части ретивое,
Позорно продавал все сердцу дорогое
И превращал любовь в кровавую вражду.
Но все тревоги те мне юность снова дали,
А непреклонность чувств и опыт показали,
Что ты хранишь в себе любви моей залог,
Хоть я и был всегда от истины далек.
Так получай же то, что будет длиться вечно:
Не стану больше я дразнить свой аппетит,
Ввергая в бездну зол приязнь бесчеловечно,
А с нею и любовь, чей свет меня манит.
Итак – приветствуй, мой возврат благословляя,
И к сердцу своему прижми меня, родная!

Перевод Н.В. Гербеля

Я сознаюсь: то здесь, то там блуждая,
Я сделался изменчивым на вид,
Сокровища за гроши продавая,

Возобновляя пыл былых обид.
Да, только в форме искажений
Я видел правду... Верь божбе моей,
Что сердце молодело от падений
И облик твой все восставал светлей.
Теперь конец. Отныне вечно твой,
Свободен я от новых вождедений.
Ты бог любви, перед одним тобой
Я преклоняю вновь мои колени.
Прими ж меня, прижми к своей груди,
О сладостный, о лучший сын земли!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXI

O, for my sake do you with Fortune chide,
The guilty goddess of my harmful deeds,
That did not better for my life provide
Than public means which public manners breeds.
Thence comes it that my name receives a brand,
And almost thence my nature is subdued
To what it works in, like the dyer's hand:
Pity me then and wish I were renew'd;
Whilst, like a willing patient, I will drink,
Potions of eisel 'gainst my strong infection;
No bitterness that I will bitter think,
Nor double penance, to correct correction.
 Pity me then, dear friend, and I assure ye,
 Even that your pity is enough to cure me.

Вини мою судьбу за все, в чем я неправ,
За все, что есть во мне презренного и злого!
Корысть публичности мой воспитала нрав,
Судьба же не дала мне ничего другого.
Поэтому-то я презреньем заклеюмен;
Как краскою маляр, отметила позором
Меня судьба моя, и путь мой омрачен...
О, сжался надо мной и не терзай укором!
Дай обновиться мне. Готов я, как больной,

Из уксуса питье принять для излечения, –
Мне горечь не страшна, и кары нет такой,
Которой бы не снес я ради исправленья.
О, пожалей меня! Достаточно, мой друг,
Лишь жалости твоей, чтоб облегчить недуг.

Перевод В.А. Мазуркевича

Ты лучше за меня Фортуну побрани,
Виновницу моих проступков в оны дни,
Мне давшую лишь то, что волею бессмертных
Общественная жизнь воспитывает в смертных.
Вот отчего лежит на имени моем –
И пачкает его клеймо порабощенья,
Как руку маляра, малюющего дом!
Оплачь и пожелай мне, друг мой, обновленья –
И – лишь бы обойти заразную беду –
Готов, как пациент, и уксусом опиться,
Причем и желчь вполне противной не найду
И тягостным искус, лишь только б исцелиться.
Ты пожалей меня, и будет мне – поверь –
Достаточно того, чтоб сбросить груз потерь.

Перевод Н.В. Гербеля

Нет, не меня кори, кори мою судьбу,
Виновницу моих дурных деяний!
Она меня забросила в среду,
Родящую разнузданность желаний.

Вот отчего на мне лежит клеймо,
Вот что мою природу подчинило
Порывам чувств и грязью исказило...
В тебе одном спасение мое!
И, как больной, желая исцеленья,
Желчь снадобий готовится принять, –
Нет горести для цели исправленья,
Которой бы я не был рад признать.
 О, пожалей меня, мой нежный друг!
 И эта жалость исцелит недуг.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXII

Your love and pity doth the impression fill
Which vulgar scandal stamp'd upon my brow;
For what care I who calls me well or ill,
So you o'er-green my bad, my good allow?
You are my all the world, and I must strive
To know my shames and praises from your tongue;
None else to me, nor I to none alive,
That my steel'd sense or changes right or wrong.
In so profound abysm I throw all care
Of others' voices, that my adder's sense
To critic and to flatterer stopped are.
Mark how with my neglect I do dispense:
 You are so strongly in my purpose bred
 That all the world besides methinks are dead.

Отмечен я клеймом злословья и позора,
Утехой служит мне одна любовь твоя,
И не боюсь я людского приговора,
Уверенный вполне, что ценишь ты меня.
Ты для меня – весь мир! Хвалы и порицанья
Мне дороги тогда, коль сказаны тобой;
Нет в свете никого, кто б силой увещанья
Склонил мой гордый дух идти стезей иной.
Для лести и хулы закрыт мой слух змеиный,

О мнении других забота мне чужда;
К ним в сердце у меня презренье и вражда!
Поли мыслью о тебе, живя мечтой единой,
Всем существом моим сроднился я с тобой!
Мир без тебя – ничто, окутанное тьмой.

Перевод В.А. Мазуркевича

Твои любовь и пыл изглаживают знаки,
Наложённые злом на бедном лбу моем,
Бранит ли свет меня иль хвалит – что мне в том?
Лишь пред тобой бы я не скрадывался в мраке:
Ты для меня – весь свет, и я хочу найти
Себе в твоих устах хвалу и порицанье,
Другие ж для меня – без звука и названья,
И я ни для кого не уклонюсь с пути.
В той бездне, где живу, заботу я оставил
О мнениях других, а чувства быть заставил
Холодными навек и к брани, и к хвале.
Да, я смогу снести презрение во мгле
Затем что в мыслях так моих ты вкоренилась,
Что остальное все как будто провалилось.

Перевод Н.В. Гербеля

Твоя любовь и жалость совлекли
С меня клеймо суда толпы презренной.
Что мне ее хваленья и хулы?!
Ты мне один судья во всей вселенной!

Ты для меня на свете все и вся!
Лишь от тебя снесу я осужденья.
Никто другой, хваля иль понося,
Не может в жизнь внести мне измененье.
В такую бездну погрузил я мненья
О мне людей, что мой змеиный слух
И к лести, и к проклятиям стал глух.
И знай, причина этого презренья
Лишь ты. Ты так всегда, везде со мной,
Что словно мертв весь мир мне остальной.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СХІІІ

Since I left you, mine eye is in my mind;
And that which governs me to go about
Doth part his function and is partly blind,
Seems seeing, but effectually is out;
For it no form delivers to the heart
Of bird, of flower, or shape, which it doth latch:
Of his quick objects hath the mind no part,
Nor his own vision holds what it doth catch;
For if it see the rudest or gentlest sight,
The most sweet favour or deformed'st creature,
The mountain or the sea, the day or night,
The crow or dove, it shapes them to your feature:
 Incapable of more, replete with you,
 My most true mind thus maketh mine untrue.

С тех пор, как я тебя покинул, не гляжу
Я более на мир телесными очами;
Мой взор в душе моей; он, правивший шагами,
Теперь почти потух, и я во тьме брожу.
Не может вызвать глаз в уме изображенья
Того, что видит он; ни птица, ни цветок
Не оставляет в нем хотя б на краткий срок,
Как мимолетный сон, живого впечатленья.
Что б ни увидел я: вершины снежных гор,

Ворону, голубя, красу или уродство,
День, ночь и даже то, в чем нет ни капли
сходства
С тобой, к твоим чертам мой приурочит взор:
Сочувствием к тебе полна нелицемерным,
Так верность делает мой зоркий глаз неверным.

Перевод В.А. Мазуркевича

Оставивши тебя, я вижу лишь умом;
А что руководит движеньями моими,
То смотрит как во мгле, полуслепым зрачком,
Глаза хоть и глядят, но я не вижу ими, –
Затем, что образец, который разглядеть
Не могут, им нельзя в душе запечатлеть.
Ничем глаза вокруг не могут насладиться,
Ни с разумом своим восторгом поделиться –
Затем что море ль благ или картина смут,
Холмы иль океан, свет дня иль сумрак ночи,
Скворец иль соловей предстанут перед очи –
Прелестный образ твой всему они дадут.
Правдивый разум мой, наполненный тобою,
Впадает в ложь во всем, что видит пред собою.

Перевод Н.В. Гербеля

С тех пор, что я покинул вновь тебя,
Я глубь моей души лишь постигаю,
Я полуслеп к тому, что вне меня,

И будто вижу, но не понимаю.
До сердца не доходят отраженья
Ни птиц, ни трав, ни образов. Мой ум
Не сознает ни вида, ни движенья
И не хранит в себе ни грез, ни дум.
Прелестный облик ли, чело ль уродства,
То день ли, ночь, то море ли, леса,
Иль черный грач, голубки ли краса, –
Во всем с тобой я только вижу сходство.

Мой дух, весь полный чувством лишь
безмерным,

Из верного становится неверным.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXIV

Or whether doth my mind, being crown'd with you,
Drink up the monarch's plague, this flattery?
Or whether shall I say, mine eye saith true,
And that your love taught it this alchemy,
To make of monsters and things indigest
Such cherubins as your sweet self resemble,
Creating every bad a perfect best,
As fast as objects to his beams assemble?
O, 'tis the first, 'tis flattery in my seeing,
And my great mind most kingly drinks it up:
Mine eye well knows what with his gust is 'greeing,
And to his palate doth prepare the cup:
If it be poison'd, 'tis the lesser sin
That mine eye loves it and doth first begin.

Ужели же мой ум, живущий лишь тобой,
Впивать способен лести, властителей отраву?
Иль должен я признать, что глаз мой лжет
по праву,
Тобою научен алхимии такой,
Чтоб чудищ превращать в небесные созданья,
Подобные тебе по красоте своей,
Зло превращать в добро волшебной силой знания,
Чуть попадет оно под быстрый луч очей.

Да, это верно; лесьть умело взор мой ловит,
Пить склонен эту лесьть мой ум, как царь, подчас,
Наклонности его прекрасно знает глаз
И в чаше вкусное питье ему готовит.
Пускай в напитке яд, – не так велик уж грех!
Отраву эту глаз сам выпьет раньше всех.

Перевод В.А. Мазуркевича

Ужель мой слабый дух, исполненный тобой,
Царей отраву – лесьть – впивает, ангел мой?
Иль может быть, глаза мои уж слишком правы,
А страсти, что в тебе гнездятся, так лукавы,
Что научают их искусству превращать
Чудовищ ада злых в божественную рать,
Из худшего творя все лучшее пред нами,
Едва оно свой путь свершит под их лучами.
Не будет ли верней, что взгляд мой лжет в их честь,
А бедный разум пьет по-царски эту лесьть?
Глаз знает хорошо – что разум мой пленяет:
По вкусу он ему напиток приправляет.
Хоть и отравлен он, но нравится глазам:
Грех меньше, если взор его отведал сам.

Перевод Н.В. Гербеля

Или мой дух, увенчанный тобою,
Пьет жадно лесьть, отраву всех царей?
Иль я стою пред истиной святою,

Когда твоя любовь, как чародей,
Творит из чудищ светлое виденье
Такого небожителя, как ты,
Из гадов делает венец творенья,
Едва на них блеснут ее лучи?
Нет, первое! То лезть в моих очах,
И ум ее по-царски выпивает.
Мой взор со вкусом был всегда в ладах
И другу сам фиал приготавливает.
 А если он отравлен – не беда!
 Его наполнили мои глаза.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXV

Those lines that I before have writ do lie,
Even those that said I could not love you dearer:
Yet then my judgment knew no reason why
My most full flame should afterwards burn clearer.
But reckoning Time, whose million'd accidents
Creep in 'twixt vows, and change decrees of kings,
Tan sacred beauty, blunt the sharp'st intents,
Divert strong minds to the course of altering things;
Alas, why, fearing of Time's tyranny,
Might I not then say, 'Now I love you best,'
When I was certain o'er incertainty,
Crowning the present, doubting of the rest?
Love is a babe; then might I not say so,
To give full growth to that which still doth grow?

Написанные мной когда-то строки лгали,
Что будто бы нельзя любить тебя сильней,
В неведение своем я думал, что едва ли
Способен пыл души гореть еще ясней.
Страшася времени, я знал, что обещанья
Покорствуют вполне случайности простой,
Что время губит все, – красу и упования,
Колеблет мощь царей, меняет мыслей строй;
И вправде был тебе сказать я без обмана:

«Сильнее, чем теперь, я не могу любить».
Ведь будущность тогда скрывалась среди тумана,
О настоящем лишь я в силах был судить.
Мой друг! Любовь – дитя, питаемое нами.
Она растет по дням и вырастет с годами.

Перевод В.А. Мазуркевича

Мой друг, те строки лгут, что прежде я писал,
Где пелось, что любить не в силах я сильнее.
Тогда я весь пылал и разум мой,
Что может пламя то гореть еще светлее.
Но зная, что кругом случайности нас ждут,
Вползают между клятв, претят царей веленьям,
Низводят красоту, кладут предел стремленьям
И к переменам дух незыблемый влекут,
Я вправе был сказать под Времени давленьем:
«Теперь лишь от души тебя я полюбил!»
Так как уверен лишь я в настоящем был,
А будущность была окутана сомненьем.
Любовь – дитя, и слов поток моих дает
Лишь полный рост тому, что все еще растет.

Перевод Н.В. Гербеля

В моих стихах к тебе я прежде лгал,
Где говорил: «Нельзя любить сильнее!»
Тогда рассудок мой не понимал,
Как может быть мой пыл любви ярчее.

Ход времени в миллионах измерений
Крадется в клятвы, рушит власть царей,
Темнит красу, тупит порыв решений
И силу духа силою своей.

Как мог, страшась его всемогущей власти,
Я не сказать: «Нельзя любить сильнее»?
Уверенный в непрочности вещей,
Я верил только в мимолетность счастья.

Любовь – дитя. Я ж, как на зрелый плод,
Смотрел на то, что зреет и растет.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ CXVI

Let me not to the marriage of true minds
Admit impediments. Love is not love
Which alters when it alteration finds,
Or bends with the remover to remove:
O, no! it is an ever-fixèd mark
That looks on tempests and is never shaken;
It is the star to every wandering bark,
Whose worth's unknown, although his height be taken.
Love's not Time's fool, though rosy lips and cheeks
Within his bending sickle's compass come;
Love alters not with his brief hours and weeks,
But bears it out even to the edge of doom.
 If this be error and upon me proved,
 I never writ, nor no man ever loved.

К слиянью честных душ не стану больше вновь
Я воздвигать преград! Любовь – уж не любовь,
Когда меняет цвет в малейшем измененье
И отлетает прочь при первом охлажденье.
Любовь есть крепкий столп, высокий, как мечта,
Глядящий гордо вдаль на бури и на горе;
Она – звезда в пути для всех плывущих в море;
Измерена же в ней одна лишь высота.
Любовь верна, хотя уста ее бледнеют,

Когда она парит под времени косою;
Любовь в течение лет не меркнет, не тускнеет
И часто до доски ведет нас гробовой.
Когда ж мои уста неправдой погрешили,
То значит – я не пел, а люди не любили!

Перевод Н.В. Гербеля

Не допускаю я преград слиянью
Двух верных душ! Любовь не есть любовь,
Когда она при каждом колебанье
То исчезает, то приходит вновь.
О нет! Она незыблемый маяк,
Навстречу бурь глядящий горделиво,
Она звезда, и моряку сквозь мрак
Блестит с высот, суля приют счастливый.
У времени нет власти над любовью;
Хотя оно мертвит красу лица,
Не в силах привести любовь к безмолвью.
Любви живой нет смертного конца...
 А если есть, тогда я не поэт,
 И в мире ни любви, ни счастья – нет!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXVII

Accuse me thus: that I have scanted all
Wherein I should your great deserts repay,
Forgot upon your dearest love to call,
Whereto all bonds do tie me day by day;
That I have frequent been with unknown minds
And given to time your own dear-purchased right;
That I have hoisted sail to all the winds
Which should transport me farthest from your sight.
Book both my wilfulness and errors down,
And on just proof surmise accumulate;
Bring me within the level of your frown,
But shoot not at me in your waken'd hate;
 Since my appeal says I did strive to prove
 The constancy and virtue of your love.

Казни меня за то, что скуп я был во всем,
Чем мог бы отплатить за все твои заботы,
Что не было во мне старанья и охоты
Беречь любовь твою; виновен я и в том,
Что поверял другим все то, что сердцу мило,
И не было мне прав, тобою данных, жаль.
Навстречу буре злой поставил я ветрило,
Угнавшей от тебя челнок мой утлый вдаль.
Сочти виной мое упрямство, заблужденья,

К ним недоверие ревнивое прибавь.
Под выстрелы очей разгневанных поставь,
Лишь не стреляй в меня словами возмущенья.
Раскаяньем своим доказываю я,
Как дорога душе моей любовь твоя.

Перевод В.А. Мазуркевича

Кори мой слабый дух за то, что расточает
Он то, чем мог тебе достойно бы воздать;
Что я позабывал к любви твоей взывать,
Хоть узы все сильнее она мои скрепляет;
Что чуждым мне не раз я мысли поверял –
И времени дарил злом купленное право;
Что первым злым ветрам я парус свой вверял,
Который от тебя так влек меня лукаво.
Ошибки ты мои на сердце запиши,
Добавь к догадкам ряд тяжелых доказательств
И на меня обрушь поток своих ругательств,
Но все же, в гневе, ты не убивай души:
Я только доказать хотел – и был во власти –
Всю силу чар твоих и постоянство страсти.

Перевод Н.В. Гербеля

Вини меня за то, что расточал
Я то, чем одному тебе обязан, –
И что твоей любви не призывал,
Хоть день за днем сильнее был с нею связан, –

Что это сердце часто приносило
Твои права неведомым сердцам,
Что я пускал идти мое ветрило
По воле ветра к дальним берегам.
Кляни мои поступки, вожделья,
Улику за уликой громозди,
Кори, брани, наказывай, стыди,
Но только не рази стрелой презренья!
Ведь я хотел беспутностью моей
Узнать всю силу верности твоей!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXVIII

Like as, to make our appetite more keen,
With eager compounds we our palate urge,
As, to prevent our maladies unseen,
We sicken to shun sickness when we purge,
Even so, being full of your ne'er-cloying sweetness,
To bitter sauces did I frame my feeding
And, sick of welfare, found a kind of meetness
To be diseased ere that there was true needing.
Thus policy in love, to anticipate
The ills that were not, grew to faults assured,
And brought to medicine a healthful state
Which, rank of goodness, would by ill be cured;
 But thence I learn and find the lesson true,
 Drugs poison him that so fell sick of you.

Чтоб разбудить порой ленивый аппетит,
Закуской острою его мы возбуждаем,
Когда же чувствуем, что нам болезнь грозит,
Ее лекарством мы заране прогоняем.
Так точно пресыщен твоею красотой,
Я горьких соусов решил к блюдам прибавить,
И счастием своим, как недугом, больной,
Болезнью вызванной здоровье поисправить.
Но хитростью своей наказан я вдвойне:

Любовь нельзя лечить искусственным недугом,
Злом заменив добро, и вижу я с испугом,
Что раньше был здоров, теперь же плохо мне.
Узнал я, что тому лекарство не поможет,
Кого болезнь, тобой внушенная, тревожит.

Перевод В.А. Мазуркевича

Как острой смеси мы спешим подчас принять,
Чем спящий аппетит к работе возбуждаем
И горькое затем лекарство принимаем,
Чтоб зол грозящей нам болезни избежать, –
Так, сладостью твоей донельзя подслащенный,
Я горьких яств искал, чтоб вызвать аппетит,
И рад бывал, своим блаженством пресыщенный,
Когда хоть что-нибудь во мне вдруг заболит.
В любви предвидеть зло нас учит ум суровый,
Хотя мы ничего не слышали о нем,
И нам велит лечить свой организм здоровый,
Пресыщенный добром, снедающим нас злом.
Но в яд губительный лекарство превратится
Тому, чья вся болезнь в любви к тебе таится.

Перевод Н.В. Гербеля

Как с целью возбудить себя к еде
Мы острой смесью небо раздражаем;
Как мы, боясь, незримой нам беде
Лекарством зримую предпосылаем,

Так, сладостью твоею пресыщен,
Я горечь зелья примешал в питание,
И вот, больной здоровьем, осужден
Без всякой нужды выносить страданье.
Так хитрости любви, предупреждая
Незримые мученья, их творят,
Лекарствами, здоровье отравляя,
Избыток блага обращают в ад.
И понял я – лечение только губит
Тех, кто, как я, тебя безумно любит.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXIX

What potions have I drunk of Siren tears,
Distill'd from limbecks foul as hell within,
Applying fears to hopes, and hopes to fears,
Still losing when I saw myself to win!
What wretched errors hath my heart committed,
Whilst it hath thought itself so blessed never!
How have mine eyes out of their spheres been fitted
In the distraction of this madding fever!
O benefit of ill! now I find true
That better is by evil still made better;
And ruin'd love, when it is built anew,
Grows fairer than at first, more strong, far greater.
So I return rebuked to my content
And gain by ill thrice more than I have spent.

Со страхами в душе надежды чередуя,
Коварных слез сирен немало выпил я,
Перегоняя их в ретортах бытия,
И падал, поражен, победу торжествуя.
Как заблуждался я, когда мечтал порой,
Что счастье высшее дарует мне победа,
Как пламенел мой взор и тешился игрой
Видений призрачных болезненного бреда!
Благодеянье зла! Я убедился в нем!

Приносит зло добру нередко улучшение;
Потухшая любовь, пылавшая огнем,
Прекрасней и сильней горит по возрожденье.
Так после мук вернул я счастье опять,
Чтоб трижды большее блаженство в нем
познать.

Перевод В.А. Мазуркевича

Как много выпил я коварных слез сирен,
Эссенции гнусней ключей подземных ада,
Причем отраду страх теснил, а страх отрада –
И, с мыслью победить, опять сдавался в плен.
В какие, сердце, ты ввергался напасти,
Считая уж себя достигнувшим всего!
Как яростно блестит луч взора моего
В болезненной борьбе отчаянья и страсти!
Врачующее зло, я вижу, что тобой
Хорошее еще становится прекрасней,
И, сделавшись опять владыкой над душой,
Погасшая любовь становится всевластной.
И, пристыженный, вновь я возвращаюсь вспять,
Успевши больше злом добыть, чем потерять.

Перевод Н.В. Гербеля

О, сколько горьких слез я выпивал
Очищенных средь колб, подобных аду,
Надежду страхом, страх надеждой гнал,

Теряя там, где ожидал отраду!
Каких безумств не совершал в тот миг,
Когда считал себя в зените счастья!
Как выступали из орбит своих
Мои глаза в припадках злобных страсти!
О благо зла! Теперь могу понять,
Что лучшее лишь лучше от страданий, –
Любовь былая, возродясь опять,
И краше, и полней очарований.
 Так я ценой перенесенной муки,
 Счастливей трижды после дней разлуки.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СХХ

That you were once unkind befriends me now,
And for that sorrow which I then did feel,
Needs must I under my transgression bow,
Unless my nerves were brass or hammer'd steel.
For if you were by my unkindness shaken,
As I by yours, you've pass'd a hell of time;
And I, a tyrant, have no leisure taken
To weigh how once I suffer'd in your crime.
O, that our night of woe might have remember'd
My deepest sense, how hard true sorrow hits,
And soon to you, as you to me, then tender'd
The humble salve, which wounded bosoms fits!
 But that your trespass now becomes a fee;
 Mine ransoms yours, and yours must ransom me.

Меня влечет к тебе размолвка прежних дней;
Страданья прошлые и прошлые печали
Мою вину дают мне чувствовать сильней,
Ведь сердце у меня не из каленой стали.
И если от моей страдаешь ты вины,
Как от твоей сносил когда-то я мученья,
Познал ты, друг мой, ад; страдания сильны,
Но я, тиран, забыл об этом, без сомненья.
Напомни мне о них, моих терзаний ночь,

Тебе б отведать дал бальзама я бокал
Смирения, чтоб грусть ты мог бы превозмочь,
Как некогда ты сам мне сердце врачевал.
Но пусть искупит все взаимная вина!
Наш обоюдный грех смягчить она должна.

Перевод В.А. Мазуркевича

Хоть жесткость, друг, твоя мне служит оправданьем,
Но, унесясь душой к своим воспоминаньям,
Я никну в прах главой под бременем грехов,
Затем что нервы рок мне свил не из оков.
Когда ты сражена жестокостью моею,
Как некогда сражен я был, мой друг, твоею,
То ты узнала ад, а я не мог вполне
Сознать, как сам страдал лишь по твоей вине.
Когда бы привело на память горе мне,
Что за удары рок таит для назиданья,
Я б – так же как и ты, когда-то в тишине –
Поднес тебе бальзам, врачующий страданья.
Да, грех прошедший твой и настоящий мой
Друг другу извинять, сойдясь между собой!

Перевод Н.В. Гербеля

Что ты жесток был, ныне мне отраднo;
Хоть в ту пору обида и печаль
Терзали грешный дух мой беспощадно, –
Ведь нервы у меня не медь, не сталь...

И если б ты мое познал презренье,
Как я твое, то ты б изведал ад.
Но я, тиран, забыл бы про тот яд,
Который влил ты мне в те дни мученья.
О, вспомнив лишь ту горестную ночь,
Вся глубь души моей из состраданья
Влила б тебе, как ты мне, чтоб помочь,
Бальзам любви и соболезнованья.
Но грех твой ныне в радость обращен.
И я тобой, а мною ты прощен.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СХХІ

'Tis better to be vile than vile esteem'd,
When not to be receives reproach of being,
And the just pleasure lost, which is so deem'd
Not by our feeling, but by others' seeing:
For why should others' false adulterate eyes
Give salutation to my sportive blood?
Or on my frailties why are frailer spies,
Which in their wills count bad what I think good?
No, I am that I am, and they that level
At my abuses reckon up their own:
I may be straight though they themselves be bevel;
By their rank thoughts, my deeds must not be shown;
 Unless this general evil they maintain,
 All men are bad and in their badness reign.

Уж лучше низким быть, чем слыть им
и напрасно
Упреки в низости выслушивать порой,
Лишать себя забав невинных ежечасно,
Из страха, что грехом их может счесть другой.
Зачем же признавать судом непогрешимым
Случайный взгляд людей, ошибочный вполне?
Они грешат, как я, и мненьем нетерпимым
Привыкли очернять все то, что мило мне.

Нет, буду сам собой! А тот, кто судит строго
Деяния мои, грешит, наверно, сам;
К лицу ль подобный суд морали их убогой:
Они бредут кривясь, я ж строен, смел и прям.
Иль, может, доказать хотят они бесчестно,
Что люди все дурны и зло царит всеместно.

Перевод В.А. Мазуркевича

Нет, лучше подлым быть, чем подлым слыть,
Когда не подл, но терпишь осужденья,
Когда ты должен не как хочешь жить,
Но так, как требует чужое мнение.
Как чуждые, превратные глаза
Могли б хвалить мои переживанья
Иль ветренность мою судить, когда
С их точки зло – добро в моем сознание?
Я есть – как есть. Кто стрелы направляет
В мой грех, тот множит лишь свои:
Я, может, прям, кривы ж они, кто знает?
Не их умам судить дела мои,
Пока не верно, что все люди злы,
Во зле живут и злом порождены.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СХХII

Thy gift, thy tables, are within my brain
Full character'd with lasting memory,
Which shall above that idle rank remain,
Beyond all date, even to eternity;
Or, at the least, so long as brain and heart
Have faculty by nature to subsist;
Till each to razed oblivion yield his part
Of thee, thy record never can be miss'd.
That poor retention could not so much hold,
Nor need I tallies thy dear love to score;
Therefore to give them from me was I bold,
To trust those tables that receive thee more:
 To keep an adjunct to remember thee
 Were to import forgetfulness in me.

Мой друг, подарок твой, та книжка записная,
Исписана вполне, и в памяти моей
Заметки, ни одной из них не забывая,
Я сохраню навек иль лучше до тех дней,
Когда придет конец, – когда мой ум затмится.
Когда в груди моей не будет сердце биться.
Но до тех пор во мне всегда жить будешь ты, –
Я сберегу в душе моей твои черты.
Так долго книжка та не может сохраняться.

Я не нуждаюсь в ней, чтобы любовь твою
В ней отмечать, – ее я смело отдаю:
Я сердца памяти вполне могу верить.
Заметки ж о любви мне при себе хранить –
Не значит ли, что я могу любовь забыть?

Перевод Н.В. Гербеля

Твой дар, портрет твой, у меня в мозгу
Запечатлен; его не смоеет вечность.
Он тления не знает, жить ему
Вне времени предела в бесконечность.
Иль, в крайности, пока моей душе
Дает еще существовать природа.
В то время, как все гибнет на земле,
Твой облик будет цвести из рода в роды.
Прожить ли столько этому портрету?
Я без доски ношу в душе другой.
Вот почему мне в этом нужды нету:
Твой истинный неразлучим со мной.
Держать для памяти изображение
Не значит ли признать права забвенья?

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СXXIII

No, Time, thou shalt not boast that I do change:
Thy pyramids built up with newer might
To me are nothing novel, nothing strange;
They are but dressings of a former sight.
Our dates are brief, and therefore we admire
What thou dost foist upon us that is old;
And rather make them born to our desire
Than think that we before have heard them told.
Thy registers and thee I both defy,
Not wondering at the present nor the past,
For thy records and what we see doth lie,
Made more or less by thy continual haste.
 This I do vow and this shall ever be;
 I will be true despite thy scythe and thee.

Не подглядишь во мне ты, Время, измененья!
Громада праха, вновь взнесенная тобой,
Не будет для меня предметом удивленья:
Все это уж не раз вставало предо мной.
От старины твоей мы все в восторг приходим
И думать про нее за лучшее находим,
Что волей нашей все, что видим, создано,
Чем знать, что это все известно уж давно.
Ни пришлое, ни то, что нас сопровождает

На жизненном пути, меня не удивляет:
Ведь летопись твоя и все, что мы кругом
Встречаем в жизни, лжет в стремлении своем.
В одном лишь свой обет исполнить я намерен:
Я буду, вопреки тебе, о Время, верен!

Перевод Н.В. Гербеля

Нет, время, нет, меня ты не изменишь!
Взведенных вновь тобою пирамид
Моим очам ни нов, ни чуден вид,
В какой наряд его не разоденешь!
Наш краток век, и вот нам в удивленье
Все то, что выдаешь за старину,
И видим мы мечты осуществленье
В уже известном нашему уму.
Не верю я тебе! Не проведет
Меня ни то, что есть, ни то, что было;
И прошлое, и видимое лжет,
Раз их твое течение породило.
Я так клянусь – и это будет вечно:
Назло тебе быть верным бесконечно.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СXXIV

If my dear love were but the child of state,
It might for Fortune's bastard be unfather'd,
As subject to Time's love or to Time's hate,
Weeds among weeds, or flowers with flowers gather'd.
No, it was builded far from accident;
It suffers not in smiling pomp, nor falls
Under the blow of thrall'd discontent,
Whereto the inviting time our fashion calls:
It fears not policy, that heretic,
Which works on leases of short-number'd hours,
But all alone stands hugely politic,
That it nor grows with heat, nor drowns with showers.
To this I witness call the fools of time,
Which die for goodness, who have lived for crime.

Любовь моя очей величьем не сразит,
Которое судьба разбить паденьем может,
А Времени любовь и злоба – уничтожит,
И образ чей то в терн, то в розы повит.
О нет, она живет вдали от всех, не жаждет
Величия царей, средь пышности не страждет,
Не падает во прах под тяжестью потерь,
Что часто так у нас случается теперь!
Политики она нисколько не боится,

Той еретички злой, что лишь на срок трудится.
Но высоко стоит, уверенная в том,
Что пламя и вода и все – ей нипочем.
Чтоб боле ясным быть – ссылаюсь на дела
Погибших за добро и живших лишь для зла.

Перевод Н.В. Гербеля

Моя любовь и царского рожденья
Могла б быть все же пасынком судьбы,
Здесь все становится без исключения –
Бурьян, цветок ли – жертвою косы.
Любовь же вне случайностей, и чужд
Ей пышный блеск дворцов и мрак паденья,
Она цветет в богатстве и среди нужд,
Вне прихоти времен и разрушенья.
Что для нее расчеты государства
В изменчивости суетной своей?
Она сама незыблительное царство,
Не ждет тепла, не гибнет от дождей.
Сошлюсь на тех, кто жил в греховной тьме,
Но умер как разбойник на кресте.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXXV

Were't aught to me I bore the canopy,
With my extern the outward honouring,
Or laid great bases for eternity,
Which proves more short than waste or ruining?
Have I not seen dwellers on form and favour
Lose all and more by paying too much rent
For compound sweet; forgoing simple savour,
Pitiful thrivers, in their gazing spent?
No, let me be obsequious in thy heart,
And take thou my oblation, poor but free,
Which is not mix'd with seconds, knows no art,
But mutual render, only me for thee.
Hence, thou suborned informer! a true soul
When most impeach'd, stands least in thy control.

Скажи, к чему носить мне внешние отличья,
Тем отдавая дань наружному приличью,
И создавать столпы для вечности слепой,
Клонящиеся в прах пред тленностию злой?
Я ль не видал, что те, которые искали
Отличий и чинов, их вслед за тем теряли,
Затем что, век платя недешево за честь,
Не помнили того, что ведь и счастье есть.
Пусть близ тебя вкушать я буду наслажденье;

А ты прими мое благое поклоненье,
Которое во мне правдивее всего
И требует взамен лишь сердца одного.
Итак, доносчик, – прочь! Душа, как ни прекрасна,
Чем больше стеснена, тем менее подвластна.

Перевод Н.В. Гербеля

Носить ли сень царей мне над тобой,
Чтоб выразить наружное почтенье,
Иль класть основы вечности – живой
Не долее, чем тлен и разрушенье?
Я ль не видал искателей почета,
Терявших все в стремлении к нему,
За то, что предпочли, пустые моты,
Простой, здоровой – острую еду?
Нет, нет! Тебя в душе я буду чтить.
Прими мой дар, хоть бедный, но свободный,
Без примеси приправы разнородной.
Давай друг друга попросту любить.
Прочь, клевета! Знай: верная душа,
Что ни твори, останется чиста.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СХХVI

O thou, my lovely boy, who in thy power
Dost hold Time's fickle glass, his sickle hour;
Who hast by waning grown, and therein show'st
Thy lovers withering, as thy sweet self grow'st.
If Nature, sovereign mistress over wrack,
As thou goest onwards, still will pluck thee back,
She keeps thee to this purpose, that her skill
May time disgrace and wretched minutes kill.
Yet fear her, O thou minion of her pleasure!
She may detain, but not still keep, her treasure:
Her audit, though delayed, answered must be,
And her quietus is to render thee.

О, мальчик, в власти чьей – как это каждый знает –
И зеркало любви, и Времени коса,
Ты все растешь, тогда как сверстников краса,
Тускнея с каждым днем, все больше увядает.
Когда природа – царь живущего всего –
Тебя в пути своем удерживает властно,
То делает она все это для того,
Чтоб Время знало, что спешит оно напрасно.
О, бойся ты ее, способную сгубить
И задержать в пути, а не с любовью встретить,
Но на призыв ее придется все ж ответить,

Она ж должна свое подобье сотворить¹.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой нежный мальчик, у тебя в руках
Власть времени и с ней летучий миг.
Ты все цветешь, а на твоих глазах
Хиреет вид поклонников твоих.
Природа, властвуя над разрушеньем,
Тебя щадит в движении вперед,
Чтобы похвастаться своим уменьем,
Порой умерить времени полет.
Но все ж страшишь, о баловень беспечный,
Задерживать она не в силах вечно.
Когда-нибудь она предъявит счет,
И срок расплаты все равно придет.

Перевод М.И. Чайковского

¹ И в подлиннике здесь не достает двух стихов. – *Прим. Н.В. Гербеля.*

Сонет СХХVII

In the old age black was not counted fair,
Or if it were, it bore not beauty's name;
But now is black beauty's successive heir,
And beauty slander'd with a bastard shame:
For since each hand hath put on Nature's power,
Fairing the foul with Art's false borrowed face,
Sweet beauty hath no name, no holy bower,
But is profaned, if not lives in disgrace.
Therefore my mistress' eyes are raven black,
Her eyes so suited, and they mourners seem
At such who, not born fair, no beauty lack,
Slandering creation with a false esteem:
 Yet so they mourn, becoming of their woe,
 That every tongue says beauty should look so.

Кто б черное посмел прекрасным встарь считать?
А если б и посмел – оно б не заблестало;
Теперь же чернота преемственной стала,
Тогда как красоту всяк стал подозревать.
С поры той, как рука вошла в права природы
И начали себя подкрашивать уроды,
Волшебной красоте нет места на земле:
Поруганная злом, она живет во мгле.
Вот почему черны глаза моей прекрасной:

Они скорбят, что те, которые судьбой
С рожденья снабжены наружностью ужасной,
Природу топчут в грязь фальшивой красотой,
Но в трауре своем они все ж так прекрасны,
Что похвалы в их честь всегда единогласны.

Перевод Н.В. Гербеля

Встарь чернота считалась некрасивой,
И красота быть черной не могла.
Теперь, став черной, часто слыть фальшивой
Устами клеветниц обречена.
Ведь если каждый может заменить
Уродливость искусственной красою,
Где красоте головку преклонить,
Поруганной кощунственной рукою?
Поэтому глаза у милой черны,
Как ворон, и глядят как бы грустя,
Что дурнота слывет красой, позорно
Фальшивым блеском правду исказя.
И эта грусть так чудно ей к лицу,
Что каждый в нем признает красоту.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СХХVIII

How oft, when thou, my music, music play'st,
Upon that blessed wood whose motion sounds
With thy sweet fingers when thou gently sway'st
The wiry concord that mine ear confounds,
Do I envy those jacks that nimble leap,
To kiss the tender inward of thy hand,
Whilst my poor lips which should that harvest reap,
At the wood's boldness by thee blushing stand!
To be so tickled, they would change their state
And situation with those dancing chips,
O'er whom thy fingers walk with gentle gait,
Making dead wood more bless'd than living lips.
 Since saucy jacks so happy are in this,
 Give them thy fingers, me thy lips to kiss.

О, музыка моя, бодрящая мой дух,
Когда на клавишах так чудно ты играла
И из дрожавших струн ряд звуков извлекала,
Будивших мой восторг и чаровавших слух, —
Как клавишами быть хотелось мне, поэту,
Лобзавшими в тиши ладони рук твоих
В то время, как устам, снят мнившим жатву эту,
Лишь приходилось рдеть огнем за дерзость их.
Как поменяться б им приятно было местом

С толкущейся толпой дощечек костяных,
Рабынь твоих перстов, манящих каждым жестом
И сделавших ту кость счастливей уст живых,
Но если клавиш хор доволен, торжествуя,
Отдай им пальцы, мне ж – уста для поцелуя.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда ты, музыка моя, играя,
Приводишь эти клавиши в движенье
И, пальцами так нежно их лаская,
Созвучьем струн рождаешь восхищенье,
То с ревностью на клавиши смотрю я,
Как льнут они к ладоням рук твоих;
Уста горят и жаждут поцелуя,
Завистливо глядят на дерзость их.
Ах, если бы судьба вдруг превратила
Меня в ряд этих плясунов сухих!
Раз что по ним твоя рука скользила –
Бездушность их блаженней уст живых.
Но если счастливы они, тогда
Дай целовать им пальцы, мне ж – уста.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXXIX

The expense of spirit in a waste of shame
Is lust in action; and till action, lust
Is perjured, murderous, bloody, full of blame,
Savage, extreme, rude, cruel, not to trust;
Enjoy'd no sooner but despised straight;
Past reason hunted; and no sooner had,
Past reason hated, as a swallow'd bait,
On purpose laid to make the taker mad;
Mad in pursuit and in possession so;
Had, having, and in quest, to have extreme;
A bliss in proof, – and proved, a very woe;
Before, a joy proposed; behind a dream.

All this the world well knows; yet none knows well
To shun the heaven that leads men to this hell.

Постыдно расточать души могучей силы
На утоление злых страстей, что нам так милы:
В минуту торжества они бывают злы,
Убийственны, черствы, исполнены хулы,
Неистовы, хитры, надменны, дерзновенны –
И вслед, пресытаясь всем, становятся презренны:
Стремятся овладеть предметом без труда,
Чтоб после не видеть вкушенного плода;
Безумствуют весь век под бременем желанья,

Не зная уз ни до, ни после обладанья,
Не ведая притом ни горя, ни утех,
И видят впереди лишь омут, полный нег.
Все это знает мир, хотя никто не знает,
Как неба избежать, что в ад нас посылает.

Перевод Н.В. Гербеля

Деянье похоти есть трата духа
В преступном мотовстве стыда: оно
Проклято, неизменно, к рассудку глухо,
Убийственно, кроваво и грязно;
Едва изжито – будит отвращенье;
Сверх помыслов желанно; чуть прошло –
Сверх помыслов гнетет; и, как мученье
Проглоченной с крючком приманки, зло.
Безумие в неистовстве своем –
В былом; в тот миг, когда в стремленьи,
несдержимо –
Зарница счастья; тьма скорбей потом,
То в даль манит, то сон, мелькнувший мимо.
Мир, зная это, как бы знать был рад
Бежать небес, ведущих в этот ад!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXXX

My mistress' eyes are nothing like the sun;
Coral is far more red, than her lips' red:
If snow be white, why then her breasts are dun;
If hairs be wires, black wires grow on her head.
I have seen roses damask'd, red and white,
But no such roses see I in her cheeks;
And in some perfumes is there more delight
Than in the breath that from my mistress reeks.
I love to hear her speak, yet well I know
That music hath a far more pleasing sound;
I grant I never saw a goddess go, –
My mistress, when she walks, treads on the ground:
 And yet, by heaven, I think my love as rare,
 As any she belied with false compare.

Глаза ее сравнить с небесною звездою
И пурпур нежных уст с кораллом – не дерзну,
Со снегом грудь ее не спорит белизною,
И с золотом сравнить нельзя кудрей волну,
Пред розой пышною роскошного Востока
Бледнеет цвет ее пленительных ланит,
И фимиама смол Аравии далекой
Амброзия ее дыханья не затмит,
Я лепету ее восторженно внимаю,

Хоть песни соловья мне кажутся милей,
И с поступью богинь никак я не смешаю
Тяжелой поступи красавицы моей.
Все ж мне она милей всех тех, кого толпою
Льстецы с богинями равняют красотой.

Перевод И.А. Мамуны

Лицом моя любовь на солнце не похожа,
Кораллы ярче, чем уста ее горят,
Когда снег бел, то грудь прекрасной с ним не схожа,
А волосы есть шелк – у ней их не каскад.
Я видел много роз, в садах хранимых строго,
Но им подобных нет у милой на щеках,
А благовоний вокруг найдется лучших много,
Чем то, что на ее покоются устах.
Я лепету ее внимать люблю, но знаю,
Что музыка звучит и лучше и нежней,
И к поступи богинь никак не приравню
Вполне земных шагов возлюбленной моей.
И все же для меня она стократ милее
Всех тех, кого сравнить возможно б было с нею.

Перевод Н.В. Гербеля

Ее глаза на солнце не похожи,
Коралл краснее, чем ее уста,
Снег с грудью милой не одно и то же,
Из черных проволок ее коса.

Есть много роз пунцовых, белых, красных,
Но я не вижу их в ее чертах, –
Хоть благовоний много есть прекрасных,
Увы, но только не в ее устах.
Меня ее ворчанье восхищает,
Но музыка звучит совсем не так.
Не знаю, как богини выступают,
Но госпожи моей не легок шаг.
И все-таки, клянусь, она милее,
Чем лучшая из смертных рядом с нею.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXXXI

Thou art as tyrannous, so as thou art,
As those whose beauties proudly make them cruel;
For well thou know'st to my dear doting heart
Thou art the fairest and most precious jewel.
Yet, in good faith, some say that thee behold,
Thy face hath not the power to make love groan;
To say they err I dare not be so bold,
Although I swear it to myself alone.
And, to be sure that is not false I swear,
A thousand groans, but thinking on thy face,
One on another's neck, do witness bear
Thy black is fairest in my judgment's place.
In nothing art thou black save in thy deeds,
And thence this slander, as I think, proceeds.

Такой же ты тиран, как те, что, возгордясь
Своею красотой, жестоко поступают,
Затем что знаешь ты, что, в душу мне вселясь,
Твои черты светлей сокровищ всех сияют.
А вот ведь говорят выдавшие тебя,
Что вызвать вздох любви лицо твое не может.
Не смею возражать – боюсь, что не поможет,
Хотя в том пред собой готов поклясться я.
И то, в чем я клянусь, доказывает ясно

Рой вздохов уст моих, при мысли о твоём
Нахмуренном лице, мне шепчущих о том,
Что в любящей тебе и черное прекрасно.
В поступках лишь черна порой бываешь ты –
И вот в чем вижу я причину клеветы.

Перевод Н.В. Гербеля

Ты так же тиранична, как все те,
Чья красота жестока и надменна,
Затем, что знаешь – у меня в душе
Ты лучший перл и самый драгоценный.
Хоть, правда, часто слышу я, краснея,
Что нету чар любви в твоём лице,
Сказать им «вы неправы» я не смею,
Хоть в этом и клянусь себе в уме.
И я не лгу себе, когда порою,
Стеня, мечтаю о твоих чертах:
Твою головку именно такую
Люблю... но если б на других плечах!
 Черна не ты, а лишь твои дела.
 И клевету ты ими навлекла.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СXXXII

Thine eyes I love, and they, as pitying me,
Knowing thy heart torment me with disdain,
Have put on black and loving mourners be,
Looking with pretty ruth upon my pain.
And truly not the morning sun of heaven
Better becomes the grey cheeks of the east,
Nor that full star that ushers in the even,
Doth half that glory to the sober west,
As those two mourning eyes become thy face:
O, let it then as well beseem thy heart
To mourn for me, since mourning doth thee grace,
And suit thy pity like in every part.
Then will I swear beauty herself is black
And all they foul that thy complexion lack.

Люблю твои глаза и грустный их привет.
Узнав, что ты меня казнишь пренебреженьем,
Они в знак траура оделись в черный цвет
И на печаль мою взирают с сожаленьем.
Востока бледного не красит так заря,
Так неба мирного не красит Веспер ясный,
Один в вечерний час над западом горя,
Как эти грустные глаза, твой лик прекрасный.
Так пусть в твоей груди, беря пример с очей,

И сердце гордое исполнится печалью.
Печаль тебе к лицу. Все в красоте твоей
Прелестней быть должно под траурной вуалью.
Я черной звать готов богиню красоты,
Уродливыми всех, кто создан не как ты.

Перевод Л.Н. Вилькиной

Люблю твои глаза, которые, жалея
Меня за то, что ты смеешься надо мной,
Оделись в черный флер и с тихой тоской
Глядят на мой позор, все более темнея.
О, никогда таким обилием румян,
Восстав, светило дня Восток не озаряло,
И звездочка зари вечерней сквозь туман
Таких живых лучей на Запад не бросала,
Какими этот взор покрыл лицо твое.
Так пусть же и душа твоя, как эти очи,
Грустит по мне и днем, и в мраке тихой ночи,
Когда твоя печаль так скрасила ее.
Тогда я поклянусь, что красота лишь в черном,
И цвет иной лица начну считать позорным.

Перевод Н.В. Гербея

Люблю, когда порой ты с грустью вежды,
Поняв всю скорбь, что в сердце мне внесла,
Как бы одев их в мрачные одежды,
Вдруг с жалостью направишь на меня.

Не ярче солнце утром на восходе
Вдруг озарит предутреннюю мглу,
Не радостней на угасавшем своде
Вдруг видим мы вечернюю звезду, —
Чем этот взгляд глаза мои встречали...
О, если бы и сердцем ты под стать
Могла оплакать глубь моей печали
И ласкою мучения унять!
Тогда я буду клясться в том упорно,
Что на земле все скверно, что не черно.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СXXXIII

Beshrew that heart that makes my heart to groan
For that deep wound it gives my friend and me!
Is't not enough to torture me alone,
But slave to slavery my sweet'st friend must be!
Me from myself thy cruel eye hath taken,
And my next self thou harder hast engross'd:
Of him, myself, and thee I am forsaken;
A torment thrice threefold thus to be cross'd:
Prison my heart in thy steel bosom's ward,
But then my friend's heart let my poor heart bail;
Whoe'er keeps me, let my heart be his guard;
Thou canst not then use rigour in my jail:
 And yet thou wilt; for I, being pent in thee,
 Perforce am thine, and all that is in me.

Проклятие тебе – проклятие тому,
Кто раны мне несет и другу моему!
Иль мало было сбить с пути меня, подруга,
Понадобилось сбить с него тебе и друга.
Я похищен тобой, красавица моя,
А вместе с тем и он, мое второе «я»,
Покинутый собой, тобой и им, в стремленье,
Я трижды испытал тройкое мученье.
Замкни меня в свою сердечную тюрьму,

Но выйти из нее дай другу моему.
Я буду стражем тех, кто овладеет мною,
Но ты быть не должна тюремщицею злою.
А будешь, потому что узник тот я сам –
И все, что есть во мне, ты приберешь к рукам.

Перевод Н.В. Гербеля

Будь проклята она, что так жестоко
Меня изранив, ранила и друга!
Ей мало, что страдал я одиноко:
Нет, привила другому яд недуга.
Сам от себя оторванный тобой,
Теперь себя другого я лишаюсь:
Покинутый тобою, им, собой,
Я трижды сирота, втройне терзаюсь.
Замкни меня в твоей стальной груди.
Пусть сердцу друга буду я порукой
И сторожем, где б ни был взаперти,
Тогда смягчишь мою, быть может, муку.
Нет, не смягчишь – раз роком решено
Тебе отдать, что Богом мне дано.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXXXIV

So, now I have confess'd that he is thine,
And I myself am mortgaged to thy will,
Myself I'll forfeit, so that other mine
Thou wilt restore, to be my comfort still:
But thou wilt not, nor he will not be free,
For thou art covetous and he is kind;
He learn'd but surety-like to write for me
Under that bond that him as fast doth bind.
The statute of thy beauty thou wilt take,
Thou usurer, that put'st forth all to use,
And sue a friend came debtor for my sake;
So him I lose through my unkind abuse.

Him have I lost; thou hast both him and me:
He pays the whole, and yet am I not free.

Итак, я признаю, что твой он, жизнь моя,
И что я должен сам тебе повиноваться.
От самого себя готов я отказаться,
Но только возврати мое второе «я».
Ты воли не даешь, а он ее не просит
И жадности твоей всю горечь переносит –
И подписал тот акт, как поручитель мой,
Который крепко так связал его с тобой.
Итак, вооружись, нам общая подруга,

Законами своей волшебной красоты;
Как ростовщик свой иск на нас предъявишь ты,
И я из-за своей вины лишуся друга.
Я потерял его, над нами – власть твоя:
Заплатит он за все, но несвободен я.

Перевод Н.В. Гербеля

Итак, увы, я признаю – он твой,
Я ж волею судьбы закрепощен.
Хотел бы все отдать, что «я» другой
Из-под неволи был освобожден.
Но ты не дашь, а он не хочет воли:
Ведь ты жадна, а он мягкосердечен.
Он поручился за мой долг – не боле –
И этим стал клеймом раба отмечен.
Вооружась законом красоты,
Как ростовщик жестокий, ты взысканье
Предъявишь другу за долги мои –
И я лишусь любимого созданья...
Он мной утрачен... Оба мы твои,
Хоть заплатил он все долги мои.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXXXV

Whoever hath her wish, thou hast thy 'Will,'
And 'Will' to boot, and 'Will' in overplus;
More than enough am I that vex thee still,
To thy sweet will making addition thus.
Wilt thou, whose will is large and spacious,
Not once vouchsafe to hide my will in thine?
Shall will in others seem right gracious,
And in my will no fair acceptance shine?
The sea, all water, yet receives rain still
And in abundance addeth to his store;
So thou, being rich in 'Will,' add to thy 'Will'
One will of mine, to make thy large 'Will' more.
Let no unkind 'No' fair beseechers kill;
Think all but one, and me in that one 'Will.'

Есть страсти у других, а у тебя есть воля²,
И Воля есть еще в придачу у тебя,
Что волю, друг, твою теснит порой, любя,
Причем и не сладка твоя бывает доля.
Ужели воли слить ни разу не могла

² Здесь непереводаемая игра слов, основанная на одинаковости слов “will” – «воля» и “Will” – уменьшительное от «Вильям». При переводе этого места пришлось поставить вместо уменьшительного “Will” уменьшительное же – «Воля», от «Владимир». – *Прим. Н.В. Гербеля.*

С моею ты своей, чья воля безгранична?
Ужель пред волей всех уклончивость прилична,
А пред моей склонить нельзя тебе чела?
Моря полны водой, но дождь воспринимают
И мощно тем свои запасы пополняют.
Итак, когда сильна ты волею своей,
Попробуй к ней подлить хоть капельку моей.
Итак, ты ни добру, ни злу не поддавайся
И верной Воле быть подругой постарайся.

Перевод Н.В. Гербеля

Сонет CXXXVI

If thy soul check thee that I come so near,
Swear to thy blind soul that I was thy 'Will',
And will, thy soul knows, is admitted there;
Thus far for love, my love-suit, sweet, fulfil.
'Will' will fulfil the treasure of thy love,
Ay, fill it full with wills, and my will one.
In things of great receipt with ease we prove
Among a number one is reckon'd none:
Then in the number let me pass untold,
Though in thy store's account I one must be;
For nothing hold me, so it please thee hold
That nothing me, a something sweet to thee:
 Make but my name thy love, and love that still,
 And then thou lov'st me for my name is 'Will.'

Когда тебя гнетет присутствие мое,
Ты поклянись душе, что воля я благая –
И доступ потому свободен мне в нее.
Так просьбу ты мою исполни, дорогая!
И станет Воля вновь сокровищем утех –
И сердце вмиг твое наполнит и осветит.
В большом пространстве мест достаточно для всех,
Да одного в толпе никто и не заметит.
Так пусть с другими я пройду хоть и не в счет:

Поверь, мне все равно – мне только б место было.
Считай меня за все, что в голову придет,
Лицо тебе мое было бы только мило.
Ты имя полюби; ну а любовь твоя
Придет ко мне сама, затем что Воля – я.

Перевод Н.В. Гербеля

Сонет CXXXVII

Thou blind fool, Love, what dost thou to mine eyes,
That they behold, and see not what they see?
They know what beauty is, see where it lies,
Yet what the best is take the worst to be.
If eyes corrupt by over-partial looks,
Be anchor'd in the bay where all men ride,
Why of eyes' falsehood hast thou forged hooks,
Whereto the judgment of my heart is tied?
Why should my heart think that a several plot,
Which my heart knows the wide world's common place?
Or mine eyes, seeing this, say this is not,
To put fair truth upon so foul a face?
 In things right true my heart and eyes have err'd,
 And to this false plague are they now transferr'd.

Слепой и злой Амур, что сделал ты с глазами
Моими, что они, глядя, не видят сами,
На что глядят? Они толк знают в красоте,
А станут выбирать – блуждают в темноте.
Когда глаза мои, подкупленные взором
Твоим, вошли в залив, куда все мчится хором,
Зачем из лживых глаз ты сделала крючок,
На жало чье попал я, словно червячок?
Зачем я должен то считать необычайным,

Что в брэнном мире всем считается случайным,
А бедные глаза, не смея отрицать,
Противное красе красою называть?
И так ошиблись глаз и сердце в достоверном –
И рок их приковал к достоинствам неверным.

Перевод Н.В. Гербеля

Слепой Амур, что сделал ты со мной?
Гляжу и вижу то, чего не вижу.
Ведь знаю, что зовется красотой,
Но высшая мне чудится всех ниже.
Когда глаза в тенетах взора страсти
Должны пристать к приюту всех людей,
Зачем они, твоей поддавшись власти,
Связали сердце с лживостью твоей?
Зачем я должен видеть чудеса
В том, что в глазах у света заурядно?
Зачем в чертах немилого лица
Рассудку вопреки мне все отрадно?
Мой взгляд и сердце в правде заблуждались
И в этот омут лжи теперь попались.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет СXXXVIII

When my love swears that she is made of truth
I do believe her though I know she lies,
That she might think me some untutor'd youth,
Unlearned in the world's false subtleties.
Thus vainly thinking that she thinks me young,
Although she knows my days are past the best,
Simply I credit her false-speaking tongue:
On both sides thus is simple truth suppressed.
But wherefore says she not she is unjust?
And wherefore say not I that I am old?
O, love's best habit is in seeming trust,
And age in love loves not to have years told:
Therefore I lie with her and she with me,
And in our faults by lies we flatter'd be.

Когда она себя правдивой называет,
Я верю ей, хотя мой ум не доверяет,
Чтоб милая меня считала простаком,
Чей слабый ум с людской неправдой незнаком.
Воображая, что она меня считает
За птенчика, хоть то, что я не молод – знает,
Я верить языку всегда ее готов,
Хотя и много лжи в потоках наших слов.
Что б ей сознаться, что она несправедлива,

А мне, что я старик, что тоже некрасиво?
Увы, любовь, таясь, не любит доверять,
А старость, полюбя, года твои считать!
Вот почему я с ней, она со мной – лукавим
И недостатков рой своих друг в друге славим.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда она клянется, что права,
Хоть знаю – лжет, но ей я как бы верю,
Пусть думает, что простака нашла,
Что в свете я еще не лицемерю.
Так, уменьшая счет моим годам,
Она отлично про мой возраст знает,
Я ж будто верю полным лжи речам.
Так с двух сторон правдивость умирает...
Зачем бы не сознаться ей во лжи?
К чему в моих летах мне не признаться?
О, только призрак правды мил любви!
Любовь не любит с возрастом считаться.
Поэтому я лгу и лжет она,
Со мною вместе ложью польщена.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXXXIX

O, call not me to justify the wrong
That thy unkindness lays upon my heart;
Wound me not with thine eye, but with thy tongue;
Use power with power, and slay me not by art,
Tell me thou lovest elsewhere; but in my sight,
Dear heart, forbear to glance thine eye aside:
What need'st thou wound with cunning, when thy
might
Is more than my o'erpress'd defence can bide?
Let me excuse thee: ah! my love well knows
Her pretty looks have been mine enemies,
And therefore from my face she turns my foes,
That they elsewhere might dart their injuries:
Yet do not so; but since I am near slain,
Kill me outright with looks and rid my pain.

О, не тревожь меня напрасными мольбами!
Прошедших слез моих тебе не искупить.
Доканчивай скорей, не взглядами – словами
И силою сражай: к чему тебе хитрить.
Скажи, что уж давно не мил тебе я боле,
Но на других при мне так нежно не гляди.
Нет, не лукавь со мной! Твоей я отдал воле
Свою судьбу; я слаб: скорее, не щади.

Я все тебе прощу, и даже точно зная,
Как трепетно твой взгляд ловил я каждый миг,
Ты, от него меня заботливо спасая,
Все им, жестокая, лелеяла других.
Но только не томи тяжелым ожиданием,
И разом ты убей меня с моим страданием.

Перевод И.А. Мамуны

Не требуй, чтобы я оправдывал словами
Тебя в обиде злой, мне сделанной тобой!
Ты грудь мне языком пронзай, но не глазами
Открыто нападай, но не язви змеей.
Скажи, что страсть тебя к другому привлекает,
Но от меня лицо не отвращай свое.
Зачем хитрить, когда могущество твое
Меня без всяких средств к защите оставляет?
Что мне сказать? Про то, что взгляд ее врагом
Моим был с ранних лет, она прекрасно знает –
И потому, меча лучи его кругом,
Она от моего лица их отвращает.
Повремени ж! Но так как я почти убит,
То пусть твой взгляд со мной скорее порешит!

Перевод Н.В. Гербеля

Не требуй, чтоб оправдывал я зло,
Которое мне внесено тобою!
Не рань очами, но скажи мне все;

Уж бить так бей, не мучь, кривя душою;
Признайся, что другого полюбила, –
Не уклоняй в смущении очей!
Чего тебе лукавить, если сила
Моя давно подчинена твоей!
Дай оправдать тебя: да, полон зла,
Твой взгляд всегда был мне врагом, и ты
Теперь его к другому отвела,
Чтобы меня от стрел его спасти.
 Не делай так! Ведь я почти сражен.
 Добей же, чтоб я был освобожден.

Перевод М.И. Чайковского

СОНЕТ CXL

Be wise as thou art cruel; do not press
My tongue-tied patience with too much disdain;
Lest sorrow lend me words and words express
The manner of my pity-wanting pain.
If I might teach thee wit, better it were,
Though not to love, yet, love to tell me so;
As testy sick men, when their deaths be near,
No news but health from their physicians know;
For, if I should despair, I should grow mad,
And in my madness might speak ill of thee:
Now this ill-wresting world is grown so bad,
Mad slanderers by mad ears believed be.
That I may not be so, nor thou belied,
Bear thine eyes straight, though thy proud
heart go wide.

Настолько ж будь умна, насколько ты жестока,
И больше не пытай терпенья моего, –
Иначе скорбь внушит мне выразить широко
Всю горечь мук моих, не скрывши ничего.
Хочу я научить тебя, уча благому,
Шептать мне не любя, что любишь ты меня,
Как шепчет эскулап опасному больному,
Надеждой встать с одра несчастного маня.

Ведь, впав в тоску, могу я сделаться безумным
И о тебе подчас недоброе сказать,
А свет настолько стал лукав и вольнодумен,
Что сыщется сейчас два уха, чтоб внимать.
Итак, чтоб вновь не быть оставленною мною,
Ты мне смотри в глаза, хотя бы и с враждою.

Перевод Н.В. Гербеля

Насколько ты жестока – будь умна.
Не изводи меня твоим презреньем,
Иначе скорбь моя найдет слова,
Которых не сдержать уже терпеньем!
О, если бы я мог тебе внушить
Слова любви ко мне и состраданья!
Так умирающий, мечтая жить,
Ждет от врача хоть слова упования. –
Иначе, берегись, с ума сойду,
В безумьи буду клясть и клеветать я,
И злобный мир, внимая моему
Отчаянью, пошлет тебе проклятья!
 Не доводи до этого! Взгляни
 И взором, хоть не любишь, обмани!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLI

In faith, I do not love thee with mine eyes,
For they in thee a thousand errors note;
But 'tis my heart that loves what they despise,
Who in despite of view, is pleased to dote.
Nor are mine ears with thy tongue's tune delighted;
Nor tender feeling, to base touches prone,
Nor taste, nor smell, desire to be invited
To any sensual feast with thee alone:
But my five wits nor my five senses can
Dissuade one foolish heart from serving thee,
Who leaves unsway'd the likeness of a man,
Thy proud heart's slave and vassal wretch to be:
 Only my plague thus far I count my gain,
 That she that makes me sin awards me pain.

Я нежно вас люблю, но сердцем, не глазами:
Лишь недостатки зрит мой неподкупный взор,
А сердце любит их. Все то, что в вас, что с вами,
Оно клялось любить глазам наперекор.
Спокойный голос ваш мне слуха не чарует,
Блаженства не сулит пожатье ваших рук,
И чувственный восторг мне крови не волнует,
Когда наедине вас жду, мой строгий друг.
Но сердце ни уму, ни чувствам не подвластно.

Его желание – одной лишь вам служить.
И, гордость позабыв, безропотно и страстно
Любить я осужден, пока дано мне жить.
В страданиях моих одна лишь есть отрада:
Любовь – мой грех; в любви познал я муки ада.

Перевод Л.Н. Вилькиной

Ты не для глаз моих пленительно-прекрасна.
Ты представляешь им лишь недостатков тьму;
Но что мертво для них, то сердце любит страстно,
Готовое любить и вопреки уму.
Ни пламя нежных чувств, ни вкус, ни обонянье,
Ни слух, что весь восторг при звуках неземных,
Ни сладострастья пыл, ни трепет ожидания
Не восстают в виду достоинств всех твоих.
А все ж ни все пять чувств, ни разум мой не в силе
Заставить сердце в прах не падать пред тобой,
Оставив вольной плоть, которая весь свой
Похоронила пыл в тебе, как бы в могиле.
Одну лишь пользу я в беде моей сознал,
Что поводом к греху рок грех мой покарал.

Перевод Н.В. Гербеля

Да, не глазами я люблю тебя.
Для них твое неправильно чело.
Но сердце обратила ты в раба:
Оно, какая б ни была ты, влюблено.

Ни голос твой не радует меня,
Ни нежность кожи при прикосновеньи,
Ни вкус, ни запах, прелестью маня,
Не вносят в мою душу восхищенья.
Но все пять чувств не могут убедить,
Что быть твоим слугою не отрада,
Что, потеряв достоинство, служить
Тебе, как раб последний, не услада.
Но есть в моем позоре искупленье:
Внушая грех, ты вносишь и мученье.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLII

Love is my sin and thy dear virtue hate,
Hate of my sin, grounded on sinful loving:
O, but with mine compare thou thine own state,
And thou shalt find it merits not reproving;
Or, if it do, not from those lips of thine,
That have profaned their scarlet ornaments
And seal'd false bonds of love as oft as mine,
Robb'd others' beds' revenues of their rents.
Be it lawful I love thee, as thou lovest those
Whom thine eyes woo as mine importune thee:
Root pity in thy heart, that when it grows,
Thy pity may deserve to pitied be.
 If thou dost seek to have what thou dost hide,
 By self-example mayst thou be denied!

Мой грех – любовь, твое ж достоинство –
презренье
Ко мне за тяжкий грех, за то, что я любил;
Но ты сравни свое с моим лишь положенье –
И ты поймешь, что я его не заслужил.
Когда же – заслужил, то не из оскверненных
Твоих пурпурных уст, злой ложью клятв твоих,
Подобно мной самим добытым у других,
Так много, много раз в тиши запечатленных.

Да, я люблю тебя, как любишь ты других,
Чьих взглядов жаждешь ты, как жажду я твоих.
Вскорми ж в груди своей святое снисхождение,
Чтоб добыло самой тебе оно прощенье.
Когда ты не даешь того, что в силах дать,
То можно и тебе в просимом отказать.

Перевод Н.В. Гербеля

Мой грех – любовь. Твоя заслуга – злоба
И ненависть к моей любви греховной.
Да, но сравни, что чувствуем мы оба,
И ты, не я, окажешься виновной.
А если нет, то все ж тебе негоже,
Позорившей пурпурные уста
Лобзаньем лжи и оскверняя ложе
Супружества, так презирать меня.
Признай, что вправе я любить, как ты
Сама других назойливо любила.
Дай жалости в душе твоей возрасти,
Чтобы ее сама ты заслужила.
Ища в других то, что таишь сама,
Своим примером будь уличена.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLIII

Lo! as a careful housewife runs to catch
One of her feather'd creatures broke away,
Sets down her babe and makes all swift dispatch
In pursuit of the thing she would have stay,
Whilst her neglected child holds her in chase,
Cries to catch her whose busy care is bent
To follow that which flies before her face,
Not prizing her poor infant's discontent;
So runn'st thou after that which flies from thee,
Whilst I thy babe chase thee afar behind;
But if thou catch thy hope, turn back to me,
And play the mother's part, kiss me, be kind:
 So will I pray that thou mayst have thy 'Will,'
 If thou turn back and my loud crying still.

Как вставшая с зарей хозяйка-хлопотунья,
Увидя, что ее пернатая крикунья
Не возле, позабыв дитя свое, бежит
За той, кого рука ей скоро возвратит,
Тогда как в люльке он – покинутый ребенок –
К ней тянется в слезах из сбившихся пеленок,
К ней, кто в мгновенье то, забыв о том, что мать,
Лишь мыслит, как бы ей беглянку отыскать, –
Ах, так и ты бежишь за тем, кто черств душою,

Тогда как я, твой сын, бегу сам за тобою!
Но если ты найдешь желанное – вернись,
Роль матери сыграй и вновь ко мне склонись.
Я ж помолюсь, чтоб Бог скрепил твои желанья;
Лишь возвратись скорей унять мои страданья.

Перевод Н.В. Гербеля

Как иногда хозяйка-хлопотунья
Спускает с рук дитя, чтобы поймать
Сбежавшую пернатую крикунью
И спешно пробует ее догнать, –
А брошенный ребенок громко плачет,
Чтобы вернуть назад скорее ту,
Что впопыхах то бегаёт, то скачет,
Стараясь взять беглянку на лету.
Так ты бежишь в погоне за мечтой,
А я кричу как бедное дитя,
Когда ж ее поймаешь – будь со мной
Как мать с дитятей – приласкай меня!
Так пусть твои осуществляются грезы,
Чтоб, отрезвась, ты вытерла мне слезы!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLIV

Two loves I have of comfort and despair,
Which like two spirits do suggest me still:
The better angel is a man right fair,
The worser spirit a woman colour'd ill.
To win me soon to hell, my female evil,
Tempteth my better angel from my side,
And would corrupt my saint to be a devil,
Wooing his purity with her foul pride.
And whether that my angel be turn'd fiend
Suspect I may, yet not directly tell;
But being both from me, both to each friend,
I guess one angel in another's hell:
 Yet this shall I ne'er know, but live in doubt,
 Till my bad angel fire my good one out.

Мне две любви дано для радостей и горя,
Несущие меня подобно духам моря;
Из них один благой, с пленительным лицом,
Другой же – семя зла и женщина притом.
Чтоб в ад меня увлечь, злой гений похищает
Благого у меня, в надежде обольстить
И в дьявола его из духа превратить,
В чем искони ему гордыня помогает.
Успел ли ангел мой иль нет злым духом стать –

Могу предполагать, не смея утверждать;
Но так как мрак укрыл и сделал их друзьями,
То, верно, ангел мой в аду теперь с чертями.
И – сомневаясь – ждать я буду, в свой черед,
Пока мой мрачный дух благого не пожрет.

Перевод Н.В. Гербеля

Есть две любви – отрады и мучений.
Они вдвоем, как тени, там, где я:
Прелестный юноша – мой добрый гений,
Мой злобный демон – женщина-змея.
Чтоб в ад меня завлечь, она сманить
Решила ангела моей души,
Мою святыню в беса превратить,
Лишив надменно светлой чистоты.
Как удалось ей это – я не знаю,
Но вижу только, что они дружат.
Поэтому, увы, подозреваю,
Что ангел мой попал в кромешный ад.
И я живу в сомнении, пока
Мой друг не сгинул от руки врага.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLV

Those lips that Love's own hand did make,
Breathed forth the sound that said 'I hate',
To me that languish'd for her sake;
But when she saw my woeful state,
Straight in her heart did mercy come,
Chiding that tongue that ever sweet
Was used in giving gentle doom;
And taught it thus anew to greet;
'I hate' she alter'd with an end,
That followed it as gentle day,
Doth follow night, who like a fiend
From heaven to hell is flown away.
 'I hate' from hate away she threw,
 And saved my life, saying 'not you'.

«Я ненавижу!» – с уст, изваянных любовью,
Слетело мне вослед с губительным «уйди» –
Мне, сердце чье, томясь по ней, сочилось кровью.
Когда ж она мой пыл заметила, в груди
Ее вдруг вспыхнул жар – и полились укоры
Из сокровенных недр на трепетный язык,
Который до тех пор был кроток и привык
Лишь изливать одни благие приговоры.
Смысл слов был изменен: конец прибавлен был,

Слетевший им вослед, как день за ночью грешной,
Подобно Сатане, вождю подземных сил,
Низвергнутому в ад бездонный и кромешный.
«Я ненавижу!» – вновь слетает с уст ее:
«Но не тебя!» – и вновь живу и счастлив я.

Перевод Н.В. Гербеля

Ее уста – дитя любви
Произнесли: «Я ненавижу»
Моей измученной груди.
Но, заглянув мне в сердце ближе,
Ей жалость в сердце вдруг сошла,
А с жалостью упрек устам,
Привыкшим к ласковым словам.
И снова так она рекла:
«Я ненавижу...», но кого
Не назвала, и светлый день,
Прогнав ужасной ночи тень,
Вдруг озарил мое чело:
«Я ненавижу... не тебя!» –
Шепнула, жизнь мне возвратя.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLVI

Poor soul, the centre of my sinful earth,
My sinful earth these rebel powers array,
Why dost thou pine within and suffer dearth,
Painting thy outward walls so costly gay?
Why so large cost, having so short a lease,
Dost thou upon thy fading mansion spend?
Shall worms, inheritors of this excess,
Eat up thy charge? Is this thy body's end?
Then, soul, live thou upon thy servant's loss,
And let that pine to aggravate thy store;
Buy terms divine in selling hours of dross;
Within be fed, without be rich no more:
 So shall thou feed on Death, that feeds on men,
 And Death once dead, there's no more dying then.

О, бедная душа, игралище страстей
И мощный центр моей греховной плоти всей,
К чему, когда внутри томишься и страдаешь,
Снаружи так себя ты пышно украшаешь?
К чему желаешь ты на столь короткий срок
Истратить столько сил для бренного жилища?
Ужели для того, чтоб червь, жилец кладбища,
Твой выхолненный труп точить удобней мог?
Нет, лучше ты живи на счет богатства тела –

И чтоб оно – не ты – все более слабело!
По дорогой цене уступки продавай!
Богатой будь внутри, а внешность – забывай!
Питайся смерти ты своей лишь достоянием –
И смерть не устрасит тебя своим стенаньем!

Перевод Н.В. Гербеля

Мой бедный дух! Ты, средоточье тела,
Игралище бунтующих страстей!
Что изнываешь, чахнешь ты без дела,
Заботясь лишь о внешности своей?
К чему так много трат на краткий срок
Существованья тленного жилища?
Иль для того живешь ты, чтобы мог
Роскошнее быть пир червей кладбища?
Нет, телу предоставляя долг служенья,
Ты сам на счет трудов его живи.
В сокровищах небес ищи спасенья,
Снаружи беден – будь богач внутри.
Борись со смертью, тьму вносящей в свет,
Где смерть побеждена, там смерти нет!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLVII

My love is as a fever, longing still,
For that which longer nurseth the disease,
Feeding on that which doth preserve the ill,
The uncertain sickly appetite to please.
My reason, the physician to my love,
Angry that his prescriptions are not kept,
Hath left me, and I desperate now approve
Desire is death, which physic did except.
Past cure I am, now Reason is past care,
And frantic-mad with evermore unrest;
My thoughts and my discourse as madmen's are,
At random from the truth vainly express'd;
For I have sworn thee fair and thought thee bright,
Who art as black as hell, as dark as night.

Увы, любовь моя, подобно лихорадке,
Стремится лишь к тому, что губельно в припадке,
И кормится лишь тем, что муки наши длит,
В надежде тем унять свой волчий аппетит.
Мой разум, враг любви и нежных воздыханий,
Неважностью своих рассерженный забот,
Ушел – и вижу я, что рой моих желаний
Мне не бальзам для ран, а смерть мою несет.
Неисцеленный, сил и разума лишенный

И долгою борьбой до пены доведенный,
Сержусь и говорю как сумасшедший я,
Надолго уклонясь от цели бытия.
Иль я не клялся в том, что ты, как день, ясна,
Когда ты, словно ночь, как темный ад, черна?

Перевод Н.В. Гербеля

Моя любовь – болезнь, ее манит
К тому лишь, что недуг мой удлиняет.
Она, питаясь тем, что ей вредит,
Болезненным желаньям угождает.
Мой разум, врач моей любви, сердясь,
Что все его забыты повеленья,
Предав меня отчаянью, погас.
Где страсть – там смерть, и нету ей спасенья...
Неизлечим, покинутый умом,
Как бесноватый, мучась и тоскуя,
В словах и в мыслях как объятый сном,
Вне истины безумствуя, брожу я.
Ведь мнилось мне, что ты чиста, светла,
А ты черна, как ад, как ночь мрачна.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLVIII

O me, what eyes hath Love put in my head,
Which have no correspondence with true sight;
Or, if they have, where is my judgment fled,
That censures falsely what they see aright?
If that be fair whereon my false eyes dote,
What means the world to say it is not so?
If it be not, then love doth well denote
Love's eye is not so true as all men's: 'No'.
How can it? O, how can Love's eye be true,
That is so vexed with watching and with tears?
No marvel then, though I mistake my view;
The sun itself sees not till heaven clears.

O cunning Love! with tears thou keep'st me blind,
Lest eyes well-seeing thy foul faults should find.

Как страсть могла вложить мне в голову глаза,
Не видящие в тьме житейской ни аза?
Когда ж не лгут они, то где ж гулял мой разум,
Охаявший все то, что восхвалялось глазом?
Когда красиво все, что нравится глазам,
То почему же свет не доверяет нам?
Когда ж свет прав – глаза, зная, у любви плохие
И видят хуже, чем все люди остальные.
И точно, глаз любви не может верен быть,

Привыкнув лишь к тому, чтоб бдеть и слезы лить.
Немудрено, что взор неверен мой и тмится:
И солнце не блестит, пока не прояснится!
Любовь, твой страшный пыл глаза мои обжег,
Чтоб недостатки взор твои прозреть не мог.

Перевод Н.В. Гербеля

Какие мне глаза дала любовь,
Что нет у них согласия с верным зреньем?
А если есть, как мог, спрошу я вновь,
Мой разум разойтись с их впечатленьем?
Коль хороша она, как лживый свет
Любви мне говорит, то отчего же
Нет человека, что не скажет «нет!».
Иль правды свет и свет любви не схожи?
О, может ли быть прав любовный взгляд,
Когда от скорби заслан он слезами?
Ведь даже солнце слепо, говорят,
Коль небеса покрыты облаками...
О, хитрая любовь! Слепя слезой,
Уродство ты рисуешь красотой.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CXLIX

Canst thou, O cruel! say I love thee not,
When I against myself with thee partake?
Do I not think on thee, when I forgot
Am of myself, all tyrant, for thy sake?
Who hateth thee that I do call my friend,
On whom frown'st thou that I do fawn upon,
Nay, if thou lour'st on me, do I not spend
Revenge upon myself with present moan?
What merit do I in my self respect,
That is so proud thy service to despise,
When all my best doth worship thy defect,
Commanded by the motion of thine eyes?
But, love, hate on, for now I know thy mind,
Those that can see thou lov'st, and I am blind.

Как ты могла сказать, что не любима мной,
Когда из-за тебя враждую сам с собою,
Когда лишь о тебе я думаю одной?
Люблю ли я того, не занят кто тобою?
Ласкаю ли я тех, кого не любишь ты?
Когда же ты порой мне гневом угрожаешь,
Не наполняю ль я – что ты, конечно, знаешь –
Лишь вдохами своей душевной пустоты?
Нет доблести во мне настолько недоступной,

Чтоб пренебречь на миг служением тебе,
Когда боготворит все лучшее во мне
Поступок каждый твой, хотя бы и преступный.
Но не люби меня: я вижу наконец,
Что зрячих любишь ты, тогда как – я слепец.

Перевод Н.В. Гербеля

Как можешь ты, жестокая, сказать,
Что не люблю тебя, когда назло
Своей душе тебе принадлежать,
Забыв весь свет, – все счастье мое?
Кто из моих приятелей твой враг?
Кто ненавидимый тобой мне мил?
Когда бранишь меня, бывало ль так,
Чтобы себя я тоже не бранил?
Какое из моих достоинств я
Не повергаю в прах к твоим ногам,
И – слабостям твоим, как раб, служа, –
Какое предпочту твоим глазам?
Что ж, ненавидь. Теперь я просветлен:
Ты любишь зрячих, – я же ослеплен.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CL

O, from what power hast thou this powerful might,
With insufficiency my heart to sway?
To make me give the lie to my true sight,
And swear that brightness doth not grace the day?
Whence hast thou this becoming of things ill,
That in the very refuse of thy deeds
There is such strength and warrantise of skill,
That, in my mind, thy worst all best exceeds?
Who taught thee how to make me love thee more,
The more I hear and see just cause of hate?
O, though I love what others do abhor,
With others thou shouldst not abhor my state:
 If thy unworthiness rais'd love in me,
 More worthy I to be belov'd of thee.

Что силою тебя такую наделяет,
Что можешь ты влиять так сильно на меня?
И что меня гнетет и клясться заставляет,
Что лучезарный свет не украшает дня?
Откуда ты берешь те чары обаянья,
Которые влекут и придают твоим
Всем недостаткам вид такой очарованья,
Что каждый мне из них становится святым?
Кто научил тебя любить себя заставить,

Когда я мог питать лишь ненависть к тебе?
Хоть и люблю я то, что многие бесславят,
Все ж брани не должна ты позволять себе.
Но если страсть во мне к себе ты возбудила,
Тем боле стою я, чтоб ты меня любила.

Перевод Н.В. Гербеля

Откуда у тебя такая сила?
Как может немощь сердце чаровать?
Какою властью мне она внушила
Не видеть в блеске солнца благодать?
Откуда эти чары ты взяла,
Что даже в худшем из твоих деяний
Такая мощь, такая прелесть зла,
Что ты милей мне ангельских созданий?
Кто научил тебя с тем большей силой
Внушать любовь, чем меньше можешь дать?
И хоть люблю я то, что всем постыло,
Тебе ль меня за это упрекать?
 Чем меньше стоишь ты любви моей,
 Тем буду я достойнее твоей.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CLI

Love is too young to know what conscience is,
Yet who knows not conscience is born of love?
Then, gentle cheater, urge not my amiss,
Lest guilty of my faults thy sweet self prove:
For, thou betraying me, I do betray
My nobler part to my gross body's treason;
My soul doth tell my body that he may
Triumph in love; flesh stays no farther reason;
But, rising at thy name doth point out thee,
As his triumphant prize. Proud of this pride,
He is contented thy poor drudge to be,
To stand in thy affairs, fall by thy side.
 No want of conscience hold it that I call
 Her 'love' for whose dear love I rise and fall.

Любовь так молода, и где ей знать, что – совесть!
Но кто не знает, друг, ее рожденья повесть!
Так ты не упрекай меня в моих грехах,
Чтобы самой не впасть в такие ж впопыхах.
Твоя измена, друг, не редко заставляет
И бедного меня для плоти изменять:
Душа мирволит ей в любви торжествовать,
А – жалкая – она того лишь и желает.
И вот она, восстав при имени твоём,

Указывает всем на лик твой с торжеством,
Довольствуясь тем, чтоб быть твоей рабою
И всячески служить тебе самой собою.
Что ж – что я ту зову «любовью», чья любовь
То дух подьмет мой, то нудит падать вновь!

Перевод Н.В. Гербеля

Любовь – дитя и чуждо ей сознание,
Хотя оно, все знают, плод любви.
Так не кори меня, оставь ворчанье,
А то окажешься виновной ты.
Ведь за измену мне я изменил,
И дух мой, вняв призывам властным тела,
Ему в любви победу уступил.
А телу до греха какое дело?
И, пробудясь при имени твоём,
Оно тебя избрало как награду,
Гордись при мысли быть твоим рабом,
Ему и жизнь, и смерть с тобой в отраду...
Я сознаю неодолимой власть
Любви и с ней готов и жить, и пасть.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CLII

In loving thee thou know'st I am forsworn,
But thou art twice forsworn, to me love swearing;
In act thy bed-vow broke, and new faith torn,
In vowing new hate after new love bearing:
But why of two oaths' breach do I accuse thee,
When I break twenty? I am perjured most;
For all my vows are oaths but to misuse thee,
And all my honest faith in thee is lost,
For I have sworn deep oaths of thy deep kindness,
Oaths of thy love, thy truth, thy constancy,
And, to enlighten thee, gave eyes to blindness,
Or made them swear against the thing they see;
 For I have sworn thee fair; more perjured I,
 To swear against the truth so foul a lie!

Я полюбил тебя, тем клятву нарушая;
Но ты попрала две; в любви дав клятву мне,
Забыла о другой; меня же покидая,
Ты изменила вновь, вторично и вполне.
Как упрекать тебя в попрание двух обетов,
Когда по сотне их гнетет нас всех – поэтов!
Стократ виновней я, клянясь тебе во вред,
Чем ты, к кому давно во мне уж веры нет,
Тогда как прежде я всегда так громко клялся,

Что ты добра, умна – и этим наслаждался,
И даже, чтоб тебе сияния придать,
Решался образ твой прекрасным называть,
Преступно злую ложь за правду выдавая,
В чем и винюсь тебе, о истина святая!

Перевод Н.В. Гербеля

Любя тебя, изменник я, но ты,
Клянясь в любви, изменница вдвойне.
Забыв любовь, не ты ль права вражды
Дала супругу твоему и мне?
Но для чего тебя я упрекаю,
Когда я в двадцать раз грешнее сам?
Клянясь карать тебя, не я ль слагаю
И честь, и правду, все к твоим ногам?
Не клялся ль я, что нет тебя красивей,
Добрее, искреней, прямей?
Не я ль внушил глазам, что солнце лживей,
Чем мрак любовной слепоты моей?
Ведь веря, что ты хороша, – я лгал,
Преступно ложь за правду выдавал.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CLIII

Cupid laid by his brand, and fell asleep:
A maid of Dian's this advantage found,
And his love-kindling fire did quickly steep
In a cold valley-fountain of that ground;
Which borrow'd from this holy fire of Love,
A dateless lively heat, still to endure,
And grew a seeting bath, which yet men prove
Against strange maladies a sovereign cure.
But at my mistress' eye Love's brand new-fired,
The boy for trial needs would touch my breast;
I, sick withal, the help of bath desired,
And thither hied, a sad distemper'd guest,
 But found no cure, the bath for my help lies
 Where Cupid got new fire; my mistress' eyes.

Пред сном Амур на дерн свой факел положил;
Но нимфа темных роц тот факел похитила
И пламенник его, живящий сердца пыл,
В сверкающий ручей долины погрузила,
Который у огня любви тем похитил
Его живящий жар и вечное кипенье,
И тем себя в ручей целебный превратил,
Дающий в роковых болезнях исцеленье.
Но факел взор любви опять воспламенил —

И крошка вздумал им груди моей коснуться,
Сраженный им, пошел в ключе я окунуться,
Чтоб влагою его унять душевный пыл.
Но что ни делал я, все было – труд напрасный,
Меня лишь исцелят глаза моей прекрасной.

Перевод Н.В. Гербеля

Амур, сложив свой светоч, опочил:
В единый миг одна из дев Дианы,
Схватив любви неугасимый пыл,
Повергнула его в струи фонтана.
И вот, пронизаны огнем любви,
Они с тех пор хранят его влиянье,
И, силою целительной полны,
Спасают все любовные страданья.
Но светоч вспыхнул вновь в очах моей
Возлюбленной, и мальчик беспощадный
Зажег мне сердце. Погрузясь в ручей,
Ищу спастись от страсти безотрадной.
Но тщетно! Там, где Купидон свой свет
Вновь воскресил, спасенья больше нет.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет CLIV

The little Love-god lying once asleep,
Laid by his side his heart-inflaming brand,
Whilst many nymphs that vow'd chaste life to keep
Came tripping by; but in her maiden hand
The fairest votary took up that fire
Which many legions of true hearts had warm'd;
And so the general of hot desire
Was sleeping, by a virgin hand disarm'd.
This brand she quenched in a cool well by,
Which from Love's fire took heat perpetual,
Growing a bath and healthful remedy
For men diseased; but I, my mistress' thrall,
Came there for cure and this by that I prove,
Love's fire heats water, water cools not love.

Раз, возле положив свой факел огнемётный,
Заснул малютка-бог с улыбкой беззаботной;
Но сонм прелестных нимф, веселый и живой,
Приблизился к нему – и девственной рукой
Одна из них взяла тот факел, свет свой ливший
И миллиарды душ уже испепеливший,
И – в миг, когда сердце властитель роковой
Дремал, лишенный сил невинности рукой,
Она в ключе лесном тот факел погасила,

В котором под огнем любви таилась сила,
И стал тот ключ навек целительным ключом;
Но я, весь век твоим считаяся рабом,
Узнал, сойдя с него, что если согревает
Страсть воду, то вода ее не охлаждает.

Перевод Н.В. Гербеля

Малютка, бог любви, заснул, уставший,
И положил свой факел близ себя.
Рой нимф, обет невинности державший,
Вдруг прискакал. И нежная рука
Одной из дев взяла огонь любовный,
Которым род людской обворожен.
И страстных вожделений вождь верховный
Рукою нимфы был разоружен.
Она в ручей то пламя погрузила,
И он с тех пор огнем любви согрет.
В ручье живет таинственная сила
Целить людей. Мне ж исцеленья нет!
Любовный жар упал в прохладу струй,
Но им не остудить твой поцелуй!

Перевод М.И. Чайковского